

Игумен Пётр (Мещеринов)

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

СБОРНИК СТАТЕЙ

igpetr.org

И Ю Н Ъ 2 0 0 9

Все материалы о. Петра на сайте igpetr.org

© Игумен Пётр (Мещеринов), 2009

© igpetr.org, 2015

Все права защищены

Содержание

О книге.....	4
Об авторе	4
Владимир Соловьёв и национальный вопрос.....	5
О национальной идее.....	5
Православие – национальная идея?	6
Проблемы общества сегодня.....	7
Проблемы Церкви. Национализм	8
Византизм	9
Коммерциализация Церкви	10
Образ Христа как проверка совести	10
Заключение.....	11
О ценностях имперских, либеральных и других... ..	11
Размышления о патриотизме.....	17
Вспоминая 1937-й	22
Вызовы времени и пути развития церковной жизни	26
Евангелие и ценности секулярного мира	30
Евангельские ценности в СМИ: задачи, проблемы, успехи и неудачи	35
Миссия, катехизация и общественные проблемы.....	40
О сотрудничестве Церкви и государства.....	44
О Церкви, культуре и рок-музыке.....	49
Проблемы воспитания личности в России.....	52
Тупик 90-х: найден ли выход?.....	58
Церковность или идеология?.....	60
Размышления о преподавании ОПК	64
Проблемы церковной работы с молодёжью	71

О КНИГЕ

В книгу вошли избранные статьи, посвященные вопросам становления христианского сознания и воспитания личности в современной России. Автор намеренно касается острых тем, среди которых задачи проповеди и христианского просвещения, отношение к патриотизму и национализму, работа с молодежью и сотрудничество со светским государством. Книга написана в полемическом ключе и адресована широкому кругу читателей, интересующихся путями развития церковной жизни в России XXI века.

ОБ АВТОРЕ

Игумен Пётр (Мещеринов) более двадцати лет является насельником Московского Данилова монастыря. В монастыре проходил самые разные послушания, от регента и уставщика, до помощника благочинного. В 1995 году назначен настоятелем подворья Данилова монастыря в Подмоскowie и по сей день исполняет это послушание. Имеет музыкальное и духовное образование. С 1992 по 2009 года активно занимался преподавательской и просветительской деятельностью. Читал курсы лекций, выступал на различных семинарах, конференциях, образовательных чтениях. Имеет большой опыт преподавания основ православной веры и духовной жизни, и что особенно важно, имеет ценнейший опыт работы с молодёжной аудиторией, среди которой пользуется огромным авторитетом и уважением.

До 2009 года игумен Пётр являлся заместителем руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодёжи, а также руководителем школы молодёжного служения и отделения духовно-нравственного просвещения, входит в состав научно-экспертного совета центра. Автор статей и книг, посвящённых православному мировоззрению, духовному образованию, актуальным проблемам церковной и духовной жизни. Переводчик с немецкого языка духовных произведений композитора И. С. Баха, протестантских мистиков.

Июнь 2015

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

ОПУБЛИКОВАНО В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК» № 13-14, ИЮЛЬ 2005 Г.

13 августа (31 июля по ст. ст.) исполнилось 105 лет со дня смерти великого русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьёва. Вл. Соловьёв был не только философом. Его внимание было обращено на самые разнообразные общественные, политические, культурно-эстетические, церковные и многие другие вопросы. Для рассуждений Вл. Соловьёва всегда характерны строгая культура мысли, безукоризненная логика, ясность и убедительность изложения, а главное – те основы, из которых он исходил, оценивая то или иное явление. Основы эти – христианское учение. Сразу нужно оговориться, что в вопросах церковно-философских Вл. Соловьёв был достаточно «вольномыслящим», а в сфере межцерковных отношений его можно даже назвать неким утопистом и прожектёром. Но при всём этом Вл. Соловьёв – безусловно православный христианин, человек праведной жизни, в своём творчестве старающийся оценивать всё исключительно с христианской точки зрения.

Перу Владимира Соловьёва принадлежит, помимо прочего, два сборника статей, объединённых названием «Национальный вопрос в России» (Собрание сочинений, СПб, 1911 – 1914, т. V). Удивительным образом искания общества конца XIX века перекликаются с нашим временем. Те же поиски национальной идеи, тот же ура-патриотизм, даже почитание Ивана Грозного определёнными кругами такое же... Та духовная атмосфера и искания привели, как известно, к катастрофе 1917 года. Чтобы наши сегодняшние искания, не дай Бог, не кончились похожим образом, нам необходимо осмыслить проблему национальной идеи с учётом исторического опыта (что, вообще говоря, для русского человека как-то сложновато); для этого мы в настоящей статье и воспользуемся некоторыми размышлениями Вл. Соловьёва по этому поводу.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

В наше время многими ощущается необходимость прочной идеологии, которая скрепляла бы наше общество. В XX веке такой идеологией был коммунизм; но он, уничтожив миллионы людей, показал свою несостоятельность. Образовался вакуум, который требует заполнения; в качестве такового предлагается национальная патриотическая идея. Но возникает вопрос: что такое истинный патриотизм, чем он отличается от ложного, ура-патриотизма, и как нам не ошибиться, чтобы не положить в основу идеологии национального строительства неверное основание?

Патриотизм, вообще говоря, есть любовь к своему народу и желание ему блага. Но понимать это благо можно по-разному. Ложный патриотизм исходит из того, что наш «народ, *как он есть*, не только лучше всех других народов, но даже есть единственный хороший, единственный христианский народ» (т. V, стр. 217). Эта популярная во времена Вл. Соловьёва и пропагандируемая ныне точка зрения основывается на том, что русская нация, народность *сама по себе* есть самодостаточное благо в силу, во-первых, некоей избранности и метафизической особенности её, а во-вторых, славного исторического прошлого в области государственного строительства. На практике этот взгляд приводит к языческому культу народа и преклонению (*исламскому* по характеру, по меткому замечанию Вл. Соловьёва) перед государством как таковым. Подлинный же патриотизм исходит из совершенно других понятий. «Народность», пишет Вл. Соловьёв, «не есть высшая идея, которой мы должны служить, а есть живая *сила* природная и историческая, которая сама должна служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать своё существование» (т. V, стр. 25). «Когда же от нас требуют *прежде всего*, чтобы мы верили в свой народ, служили своему народу, то такое требование может иметь очень фальшивый смысл, совершенно противный истинному патриотизму. Для того, чтобы народ был достойным предметом веры и служения, он сам должен верить и служить чему-нибудь высшему и безусловному: иначе верить в народ, служить

народу, значило бы верить в *толпу людей*, служить толпе людей, а это противно не только религии, но и простому чувству человеческого достоинства. Достойным предметом нашей веры и служения может быть только то, что причастно бесконечному совершенству. Не унижая и не обманывая себя, мы можем верить и служить только Божеству. Божество как *действительность* дано нам в христианстве, и это выше народности. Получив это высшее, мы можем преклоняться перед своим народом только в том случае, если сам этот народ является служителем религиозной истины» (т. V, стр. 26). Ложному патриотизму свойственно утверждать, что «у нас всё хорошо и так», и, следовательно, всякое национальное строительство должно сводиться к охранению и обороне, ибо кругом враги. Настоящий же патриотизм не может остановиться только на голом факте *просто* существования; он ищет существования *достойного*. «Цель исторической жизни состоит не только в том, чтобы общество человеческое существовало, но чтобы оно существовало достойным или идеальным образом, на основах внутренней нравственной солидарности... Человек существует достойно, когда подчиняет свою жизнь и свои дела нравственному закону и направляет их к безусловным нравственным целям... Всё достоинство человека в том, что он сознательно борется с дурною действительностью ради лучшей цели» (т. V, стр. 203, 3, 7). «Истинное благо России состоит в том, чтобы ко всем общественным и международным отношениям применять начала истинной религии, решать по-христиански все существенные вопросы социальной и политической жизни» (т. V, стр. 157).

Итак, то самое благо, одушевляющее подлинный патриотизм как истинную любовь к своему народу, есть христианское созидание жизни, для Христа и во Христе, чему и государство, и народность и всё прочее должны служить, и в этом служении иметь свой смысл и цель. Говоря иными словами, это благо есть не иное что, как Христова Церковь. К этому приводит и естественный ход рассуждения. В самом деле, мы живём в падшем мире, в котором человеческое существование как таковое, не одушевлённое созидательным нравственным трудом, приводит к упадку и разрушению. Кроме того, люди смертны; также не вечны и нации, и народы; «*земля и все дела на ней сгорают*» (2 Петр. 3, 10). Следовательно, если говорить об объединяющей идее, о сущностной реальности, к которой нужно стремиться, то таковой может быть только то, что изымает человека из падшей действительности мира сего и преодолевает смерть; а это есть Церковь.

ПРАВОСЛАВИЕ – НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ?

С этим мало кто спорит. И в XIX веке, и сейчас почти все сходятся как раз на том, что фундаментом русской национальной идеи должно быть именно Православие. Но вот как оно понимается – это вопрос. Оставим XIX век: рамки газетной статьи не позволяют нам совершить развёрнутый экскурс в жизнь идей того времени – отсылаю читателей к цитируемой книге философа; мы же попробуем, используя в качестве критерия вышеизложенные мысли Вл. Соловьёва, проанализировать современное положение вещей.

Итак, как понимается Православие в контексте национальной идеи сегодня государством и значительной частью церковной общественности? Сразу скажу, что это какое-то странное Православие: православие без Христа, нецерковное православие. Власть склонна рассматривать Православную Церковь как некий инструмент для патриотического воспитания населения, как замену ушедшей коммунистической идеологии. Для этого используется, как правило, внешний пласт русской церковной истории, и ничего больше, – то есть то, что для Христовой Церкви является как раз вовсе не главным. В церковной же среде очень распространённым является уже знакомое нам мнение, что все русские в силу своей национальной принадлежности являются на некоей «метафизической глубине» православными, несмотря ни на что. В основе такого подхода и такого образа мыслей лежит ошибочная идеология – отождествление объёма Церкви с объёмом всего русского народа. Такое мнение имело хоть какое-то основание (внешнее, не по сути) в эпоху империи; сейчас же совершенно очевидно, что это ошибка. Нынешний русский народ в большинстве своём нецерковен; в результате же ура-патриотической пропаганды у него складывается впечатление о Церкви, что она есть по преимуществу националистическое явление (ну и плюс «белая

магия», конечно). Проблемы церковного национализма в общем мы ещё коснёмся; частные же, практические следствия вышесказанного таковы: людям другой национальности вхождение в Церковь и пребывание в ней затрудняется (многие, я думаю, сталкивались с подозрительными отношениями к православным «кавказцам» или, в особенности, к евреям); думающие люди светские, нецерковные от Церкви отворачиваются, видя, что она опять становится неким идеологическим придатком государства; власть к Церкви порой склонна относиться «начальственно», Церковь к власти – нередко потребительски... А главное – что во всём этом нет Христа. Он, и Его заповеди реально *никому не нужны*. Ни власти – ей нужно от Церкви некую сдерживающую идеологическую узду, но никак не проповедь о Христе и христианском образе жизни, и даже не равноправное сотрудничество в социальной, образовательной и культурной сфере. Ни обществу – ибо оно перестаёт ассоциировать Христа и христианство с Православием. Ни – к сожалению – даже (в контексте национальной идеи) многим церковным людям; им нужно руками государства выгнать протестантов, получить спонсорскую помощь и рассуждать о патриотизме и Великой России, ругая Запад и мировую закулису, – но при этом ничего в Церкви не делать: ни дел благотворительности, ни социальных программ, ни с молодёжью не заниматься, ни катехизации, ни миссионерства – ничего... О последнем, кстати, с иронией писал Вл. Соловьёв: «Иностранцы организуют благотворительные учреждения, просветительные миссии и т.п.; мы вообще воздерживаемся от этого суетного подвижничества, предаваясь главным образом подвигам молитвенным, утешаясь обилием земных поклонов, продолжительностью и благолепием церковных служб. Не ясно ли наше превосходство: мы служим только Богу, а служение страждущему человечеству предоставляем ложным религиям гнилого Запада» (т. V, стр. 227). Весьма современно звучат эти слова, написанные более ста лет назад...

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА СЕГОДНЯ

Но, тем не менее, сама мысль о том, что в основу национальной идеи должна быть положена Церковь, является безусловной истиной, которую не могут поколебать все вышеприведённые покривления её. Для того, чтобы освободить эту истину от сих покривлений и представить её в неотразимом своём свете, нужно трезво осознать положение вещей.

Первое – это положение нашего общества, нации с настоящей церковной (а не ура-патриотической) точки зрения. *Настоящий* церковный взгляд на вещи учитывает прежде всего нравственное состояние народа (ложный патриотизм, кстати, склонен всегда о нравственности забывать...). Каково же оно? Достаточно указать хотя бы на необыкновенное распространение супружеских измен и потребительское отношение друг ко другу в семьях; в общественной жизни – крайний эгоизм, ложь, безответственность, взяточничество, холопство и отсутствие особо ценимого Вл. Соловьёвым, уже отмеченного нами, качества – солидарности между людьми. Невостребованность культурных ценностей, падение эстетики, традиционное пренебрежение к человеческой личности, какая-то нечувствительность к грязи – как в прямом, так и в переносном смысле этого слова – всё это общие места, всем видимые. Не говорю уже об абортах, разгуле преступности, криминализации общества сверху донизу... Главное здесь даже не сами эти печальные вещи, а то, что всё это становится *нормой* нашей жизни, тем, что люди воспринимают не как уродливую аномалию, с которой нужно что-то делать, а именно как данность, как вполне приемлемое явление. «Закон джунглей» становится законом нашей российской жизни... «Запад растлил нас», кричат ура-патриоты. Церковная точка зрения совершенно иная. «Из сердца человеческого (а не с Запада) исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека» (Мф. 15, 19-20), говорит Господь. А из сердца современной русской нации исходит сейчас такое, что начинаешь с тревогой думать о её возможной деградации и даже сходе в будущем с исторической арены. При всей своей резкости это вполне православный взгляд на вещи. И Священное Писание, и сам ход истории с очевидностью уверяют нас, что народы, «не слушающие гласа Господа Бога, и не старающиеся исполнять все заповеди Его» (Втор. 28, 15), вырождаются и исчезают. «Если Россия не исполнит своего

нравственного долга, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины – она никогда не может иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» (т. V, стр. 6), писал Вл. Соловьёв. Его слова оказались пророческими. В XX веке русский народ отрёкся от веры и уничтожил свою лучшую часть; и сейчас, судя по всему, совершенно не собирается возвращаться к Богу. Возвращаться к Богу – это вовсе не значит заменить коммунистические демонстрации крестными ходами и освящать банки с офисами или воинское оружие, а делать жизнь, личную и общественную, более нравственной. Этого совершенно не происходит. Пастырей Церкви мы на каких-то официальных мероприятиях видим, а перелома продолжающегося нравственного неблагополучия нации, увы, нет. И вполне можно усмотреть руку Божию в том, что вместе с нравственным происходит и количественное вырождение русского народа – по миллиону человек в год... Сейчас и власть, и общество с тревогой заговорили об этом; но нужно отдавать себе отчёт в том, что проблема здесь не столько демографическая, сколько религиозная. Тут бы всем патриотам вспомнить слова Вл. Соловьёва, что истинный патриотизм невозможен без самоотречения (т. V, стр. 4), которое, наряду с созидательной деятельностью, подразумевает *покаяние* – то есть осознание того, что мешает подлинному благу общества и отказ от этого – и позаботиться о нём. Ещё раз скажу, что оно должно выражаться не в биении воздуха и декларациях о «вере отцов», а в осознании ошибок перед Христом и, главное, исправлении их. Но нет, мы, похоже, ничего такого делать не будем – да кто такой Христос, и зачем Он нам нужен... зато будем кричать: а мы всё равно великая, великая, великая Россия, а кто в этом сомневается, тот враг...

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКВИ. НАЦИОНАЛИЗМ

Второе, о чём нужно сказать – что проблемы общества всегда становятся проблемами Церкви. Об этом писал ещё в XIX века святитель Игнатий (Брянчанинов). Очень многое, что в нашей церковной жизни мы осознаём как недостатки, является на самом деле именно болезнями общества, особенностями его культуры, истории, менталитета. Но есть и специфически церковные вещи, о которых, как кажется, пришло время говорить.

Одна из них – проблема «православного национализма», которой я кратко уже коснулся выше. Многие православные люди переживают Церковь не как Вселенскую и Христову, а как прежде всего Русскую и национальную. Вл. Соловьёв считал, что «мания национализма есть господствующее заблуждение наших дней» (т. V, стр. 271). А вот что через сто лет после написания этих слов говорил по этому поводу один из уважаемых и авторитетных пастырей нашей Церкви протоиерей Владимир Воробьёв: «В ходе истории вселенское восприятие и переживание Православия в значительной мере заменилось национальным... Сама по себе национальная идея, будучи правильно воцерковлённой, вполне естественна для исторически сложившейся национальной православной жизни. Оплодотворённая православной верой жизнь народа создаёт национальную церковную культуру, национальный характер святости, могучие государства. Но как только преувеличивается значение национальной принадлежности, сразу является противоречие с Апостольским принципом *«нет ни эллина, ни иудея... но все и во всем Христос»* (Кол. 3, 11), и такое сознание уже не подаётся подлинному воцерковлению. Национализм, завладевший сердцем человека, быстро находит себе врагов, и Христово единство приносит в жертву национальной идее... Сейчас более чем когда-либо необходимо возвысить свой голос и звать к подлинному единству в любви Христовой, которая создала Богу новый народ, единый не по плоти и крови, но по вере и духу». И далее о. Владимир вспоминает слова выдающегося богослова протопресвитера Иоанна Мейендорфа о том, что «возрождение Русской Церкви в настоящее время должно проходить в сознании того, что мы являемся именно членами, свидетелями и служителями Вселенского Православия» (Богословская конференция «Единство Церкви». М., ПСТБИ, 1996 г., стр. 9-11).

Но это сознание вселенскости, правильная расстановка христианских ценностей невозможна без осмысления другой, более глубокой, на мой взгляд, вещи, связанной с коренными изменениями в ходе вообще всемирной и церковной истории.

ВИЗАНТИЗМ

Дело в том, что нам выпало жить в переломный момент церковной истории, какого раньше никогда не было. А именно: закончилась эпоха «симфонии». 1700 лет Церковь выполняла свои задачи в симбиозе с государством, точнее говоря – с империей. Огромный пласт церковной традиции возник на этой почве; идеология «симфонии» почти срослась с церковным учением. Но эпоха империй кончилась. Общество расцерковилось. Церковь неизбежно возвращается к образу существования, похожему на период до 313 года – к жизни христиан в языческом окружении и решении всех церковных вопросов силами исключительно самой Церкви. Господь вернул Церковь нам же в руки; мы оказались не готовы к этому. Мы ностальгически вцепляемся в церковно-имперскую идеологию, подменяя ею собственно церковное самосознание, – в чём и заключается одна из главных причин сегодняшней общественной слабости Церкви. В своё время вышеназванная идеология сыграла свою положительную историческую роль; но время это безвозвратно ушло. В силу набравшей огромный размах исторической инерции мы ещё даже не приступили к осмыслению этого факта. Но если мы этого не поймём, не почувствуем, то никаких наших проблем мы решить не сможем, и то возрождение Русской Церкви, о котором говорил протопресвитер Иоанн Мейендорф, останется лишь чем-то внешним, некоей иллюзией, лубочной картинкой.

Церковь всегда нова. В своём существе она всегда опережает время, ибо в ней уже совершено воскресение Христово, в ней люди уже обретают вечную жизнь. Церковь на соборах, в лице святых отцов всегда смело осмысляла современность и давала ответ на все её вызовы с подлинно Евангельской точки зрения. Исторически, по причинам, которые сейчас нет возможности разбирать, произошло так, что этот процесс как бы «затормозился», стал в Церкви «не главным»; на первое место вышла имперско-охранительная идеология, которую Вл. Соловьёв обозначил термином «византизм». Под «византизмом» в контексте нашего рассуждения имеется в виду, конечно, не богатство богословия, не каноны, богослужбные чины, обрядовые, культурно-эстетические традиции и проч.; всё это – прекрасное и вечное достояние Церкви; но именно идеологию, внешнюю для Церкви, «цементирующую» её, превращающую Церковь в этнографический музей. «Византизм погубил греческую империю», писал Вл. Соловьёв (Письма, т. IV, Пг. 1923, стр. 28). Византизм в наши дни – не просто идеология, но в некотором смысле духовное явление, носящее все признаки евангельского фарисейства, хранить себя от которого заповедал нам Господь, сказав: *«берегитесь закваски фарисейской»* (Лк. 12, 1). Оно влечёт за собою превращение Церкви из жизни во Христе в систему запретов и долженствований, подмену подлинно-христианских отношений формально-казарменными, страх принять историческую реальность, боязнь думать, ксенофобию... Никакого отношения к Православию, к св. Отцам, к подлинной церковной традиции такой византизм не имеет. Он – форма, в которой выражалось Православие в эпоху империи; эпоха ушла, и многое в этой форме осталось без содержания.

Отсюда, на мой взгляд, неуспех миссии, отсюда – маргинальное положение сегодняшней Церкви в российском обществе. Бог сошёл на землю, чтобы спасти нас, и, оставив девяносто девять овец, разыскать одну заблудшую. Православная Церковь – это очи Бога, руки и ноги Его; она должна, непременно обязана поступать так же. А это значит – обращаться к людям на их языке, и свидетельствовать им о Христе, о богатстве церковной жизни Им и с Ним – ни о чём другом. Но у нас плохо получается говорить о Христе Спасителе, о христианской нравственности и подлинной церковности; да и примеры этого мы слабо являем. Мы способны предложить людям по большей части лишь византийскую оболочку Церкви и всякие схемы, а не Живого Христа. Если наша Русская поместная Церковь не освободится от имперской охранительной византийской идеологии, то будущее её тревожно: она совсем перестанет восприниматься нашими соотечественниками в качестве полного выражения Христовой истины. – Речь здесь совершенно не идёт о реформах, о «демократии» в Церкви, о модернизме или приспособленчестве к миру сему, лежащему во зле (1 Ин. 5, 19) (наоборот, византизм и есть во многом такое приспособление); но об осмыслении пастырской и миссионерской сути Церкви, положении её в

истории и осознании, что цель Церкви – не империя, а Царство Божие, которое «внутри нас есть» (Лк. 17, 21).

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ

Проиллюстрируем сказанное о византизме на примере одной болезненной церковной проблемы, на которую указывал Святейший Патриарх Алексий в своём обращении к духовенству г. Москвы 15 декабря 2004 г.:

«Тревожным признаком обмирщения православного сознания, умаления церковности, духовного ослепления является всё усиливающаяся коммерциализация многих сторон приходской жизни. Материальная заинтересованность всё чаще выходит на первое место, заслоняя и убивая всё живое и духовное». «Все люди, и особенно молодёжь, удивительно чутки ко всякой фальши. Если священник говорит о Христе, а сам думает о деньгах, о комфорте, об удовольствиях, то эту ложь... сразу чувствуют, и это обесценивает все остальные труды, предпринятые ради Церкви».

Одним из следствий этой коммерциализации является и отмеченная Патриархом утрата единства Тела Христова, выражающаяся в противопоставлении духовенства мирянам, когда в сознание христиан постепенно проникает мысль о том, «что Церковь состоит исключительно из духовенства, а роль мирян сводится лишь к материальному обеспечению церковной организации и стороннему наблюдению за жреческой деятельностью посвящённых. Я убеждён (говорит Патриарх), что одна из самых насущных задач современности, в том числе и в миссионерском контексте, – это восстановление той живой связи между иереем и народом Божиим, которая всегда была характерна для Православия».

Казалось бы, при чём тут византизм? На самом деле он имеет прямое отношение к названной проблеме, являющейся общей для Церкви и общества и сводящейся к тому, что когда человек попадает на какую-нибудь должность, связанную с контролем над материальными средствами, он может начать заботиться о себе гораздо больше, чем о деле, которое ему поручено. А происходит это во многом от того, что где-то глубоко у нас «сидит» мысль, что – империя большая, мы в ней ничего не значим, от нас ничего не зависит, сегодня мы – здесь, завтра – неизвестно где, за нас всё решат, всё сделают, и поэтому нам ничего не остаётся, как «пользоваться ситуацией». Имперская идеология приводит таким образом к тотальной *безответственности*. Действительно, империя сама о себе заботится; в имперской системе жизни мы – не самостоятельные ответственные личности, от которых, собственно, всё в обществе и зависит, а винтики самодовлеющего имперского механизма, которого лозунг – «незаменимых нет»... Поэтому у нас – коррупция, отсутствие гражданского общества, поэтому мы, православные, не можем, не умеем отстаивать свои позиции в нашей собственной стране. Из истории мы видим, что одной из причин падения всех империй является ситуация, когда империя начинала существовать сама по себе, а люди, живущие в ней – сами по себе; это всегда приводило к внутреннему разложению общественного организма. По тесной исторической связи империи и Церкви (явления, названного нами «византизмом»), такой процесс может происходить и в Церкви... Повторю ещё раз, что если мы не осознаем этой проблемы и не будем учиться жить не по-имперски, то наряду с нравственным и демографическим упадком общества, мы не избежим и весьма печальных процессов похожего рода и в нашей Русской Церкви.

ОБРАЗ ХРИСТА КАК ПРОВЕРКА СОВЕСТИ

Всегда хочется, касаясь столь животрепещущих, отмеченных нами, проблем, дать какой-то рецепт их решения. Но ведь мы не можем в одночасье изменить общественную жизнь или переломить складывающиеся веками идеологические тенденции. Да и изменения эти не могут быть произведены

директивно, принудительными или запретительными средствами; они происходят сначала в умах и сердцах людей, потом уже складываясь в некий общественный поток. Но мы можем «начать с себя». Вл. Соловьёв предложил для этого следующее:

«Окончательная задача личной и общественной нравственности та, чтобы Христос, – в Котором обитает вся полнота Божества телесно, – «вообразился» во всех и во всём. От каждого из нас зависит содействовать достижению этой цели, «воображая» Христа в нашей личной и общественной жизни». Для этого стоит «перед тем, как решаться на какой-нибудь поступок, имеющий значение для личной или для общественной жизни, вызвать в душе своей нравственный образ Христа, сосредоточиться в нём и спросить себя: мог ли бы Он совершить этот поступок, или – другими словами – одобрит Он его или нет, благословит меня или нет на его совершение?»

Предлагаю эту проверку всем – она не обманет. Во всяком сомнительном случае, если только осталась возможность опомниться и подумать, вспомните о Христе, вообразите Его себе живым, каким Он и есть, и возложите на Него всё бремя ваших сомнений. Он уже заранее согласился принять и это бремя со всеми другими, не для того, конечно, чтобы развязать вам руки на всякую мерзость, а для того, чтобы вы, обратившись к Нему и оперевшись на Него, могли удержаться от зла и стать проводниками Его несомненной правды» (т. III, стр. 415-416).

Лишь придерживаясь этого правила, когда «все люди с доброю волею, как частные лица, так и общественные деятели, и правители» обращались бы «к этому верному способу во всех сомнительных случаях» (там же), мы сможем наполнить наши национальные идеологические искания подлинным смыслом, по праву говорить об истинном возрождении Церкви и называть наше отечество православной страной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На могиле Владимира Сергеевича Соловьёва в Новодевичьем монастыре до сих пор не восстановлен крест (до революции на нём была выбита надпись: «Ей, гряди, Господи Иисусе!»). Столетие со дня его смерти (в 2000-м году) и 150-летие со дня рождения (в 2003-м) прошли почти незамеченными для церковного общества. Нет надобности говорить, что подлинный патриотизм обязательно включает в себя почитание и уважение к своим великим предкам. Вл. Соловьёв может быть, даже больше чем кто другой, достоин такого почитания. Его убеждения были не просто кабинетными размышлениями учёного, но жизненными принципами, которых он неуклонно придерживался, являясь для окружающих его людей примером открытого исповедания веры и нравственности, ревности о церковном единстве, христианского милосердия, бессребренничества и любви к людям. С нашей стороны память о нём лучше всего выразилась бы во внимательном прислушивании к исполненным боли и тревоги за своё отечество словам человека, всем сердцем любившего Россию, и желавшего ей не земного имперского процветания (которое многие ныне считают идеалом и конечной целью нашей общественной жизни), но подлинного христианского блага.

О ЦЕННОСТЯХ ИМПЕРСКИХ, ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ДРУГИХ...

ОПУБЛИКОВАНО В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК», № 19 ЗА 2005 ГОД

Опубликованная в №13-14 «Церковного Вестника» моя статья «Владимир Соловьёв и национальный вопрос» вызвала довольно бурную реакцию в небольшом, но весьма шумном круге людей, являющихся приверженцами имперской национал-патриотической идеологии. Не имея ни желания, ни возможности

отвечать им по существу (ибо, собственно, «существа» в их высказываниях как раз и нет, а есть наглая и разнузданная брань в адрес редакции Церковного Вестника и меня), я, тем не менее, воспользуюсь ситуацией как поводом к разъяснению моего отношения к некоторым действительно важным и актуальным идеологическим вопросам современной церковной жизни.

I

Меня часто упрекают, что я критикую и отвергаю традиционные для нашего отечества так называемые «имперские ценности». Но что они такое, на чём основан имперский строй мыслей, который – надо отметить это – разделяется значительным количеством православных христиан? Весьма обстоятельно и ёмко это изложил один почтенный и уважаемый историк в недавнем эфире известной православной радиостанции (тем, кому потребуется, готов предоставить все ссылки). Я изложу ход мыслей этого историка (в кавычках – точные его цитаты), а затем по пунктам прокомментирую его. Итак, вот несколько озвученных им тезисов:

1) Церковь – «рождающее лоно»; и империя – то же самое; оно есть «рождающее лоно» пространства спасения для всех людей – верующих и неверующих. Церковь всегда, начиная с Апостолов, принимала империю именно в таком качестве.

2) Рождество Христово мистическим образом совпало с рождением империи. Рассказ евангелиста Луки о рождестве Христовом, по мнению нашего историка, означает, что если бы не было бы повеления Кесаря, то Мария с Иосифом не пришли бы в Вифлеем; если бы не было императора, то не было бы повеления осуществить перепись; «если бы император Август за 27 лет до Рождества Христова не был провозглашён императором, то – дерзновенное допущение, но на самом деле богословски совершенно точное – не родился бы Христос... Христос и империя рождаются вместе».

3) «Империя не является каким-либо чисто правовым, кабинетным, теоретическим понятием. Она по-своему священна, она тоже так же как Церковь, своими таинственными, хотя другими способами, призвана вести людей к Царству Небесному; она, более того, есть единственная форма осуществления жизни Церкви в гражданской реальности на земле».

4) «Главой Церкви является император». Святой равноапостольный император Константин сказал Отцам I Вселенского собора следующее: «как вы поставлены Епископами над Церковью, так я поставлен епископом внешних дел». В трактовке цитируемого историка эти слова св. императора надо понимать так: «вы поставлены Богом – и я поставлен Богом. Вы поставлены Богом надзирать и управлять над Церковью – я поставлен Богом как внешний епископ, надзирать и блюсти за вами, от имени всего церковного народа». В связи с этим император по положению созывает Вселенские соборы, становится главою их и утверждает все постановления их от лица народа церковного. «Церковь на Востоке всегда есть Церковь в империи. Главой православной империи является император, а значит, он является и главой Церкви. Это представление было безусловно распространено в Православной Церкви постоянно и всегда».

II

А теперь давайте разберём всё это. Сразу хочу оговорить, что я совершенно не рассматриваю исторические и геополитические аспекты становления и существования империи, а лишь делаю попытку анализа вышеозвученной идеологии с христианской точки зрения.

1) Империя не есть «рождающее лоно» в Царство Небесное (таковым является исключительно Церковь), но есть всего лишь одна из форм (пусть даже лучшая) организации земной общественной жизни.

Империи никогда не придавалось духовного смысла ни в Ветхом, ни в Новом Завете. «**Царство Моё не от мира сего**» (Ин. 18, 36), сказал Господь, и тем навсегда решил проблему взаимоотношения Церкви и форм земной жизни. Это вовсе не значит, что нужно выходить из мира (1 Кор. 5, 10); Церковь никогда не трактовала эти слова Христа так прямолинейно и односторонне; наоборот, она всегда стремилась воцерковить мир сей. Это значит – отдавать «**кесарево кесарю, а Божие – Богу**» (Мф. 22, 21), то есть всегда исходить из того, что у Церкви и у государства разные природы, разные задачи и совершенно разное достоинство. Ссылки на слова ап. Петра: «**Бога бойтесь, царя чтите**» (1 Петр. 2, 17) и ап. Павла «**Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены**» (Рим. 13, 1) – нисколько не подтверждают отношение Апостолов к империи как к чему-то самому в себе священному. Для Апостолов империя есть не более чем данность (безусловно, восходящая к Богу, как к Творцу всего сущего), земная организация общества, которой должно быть лояльным, повиноваться за совесть – но до определённого предела: «**должно повиноваться больше Богу, нежели человекам**» (Деян. 5, 29), – ответили Апостолы власти, когда последняя запрещала им проповедовать Христа.

2) Наш историк, высказывая своё дерзновенное допущение о том, что если бы не было императора, не родился бы Христос, считает его «богословски совершенно точным». Увы! это совсем не так. Оно не только не точное, но совершенно произвольное, и – я бы сказал – глубоко не богословское. Безусловно, промыслом и смотрением Божиим земная действительность была приуготовлена к Боговоплощению. Безусловно, и империи была уготована важная роль в деле Евангельской проповеди. Но ставить Боговоплощение *в зависимость* не от извечного определения Божия, не от того, что «**пришла полнота времён**» (Гал. 4, 4), но от того, что за 27 лет до этого события была провозглашена империя, в некоторое даже смысловое *подчинение* этому событию – чудовищно некорректно с богословской точки зрения.

3) Мы подошли к центральному пункту имперской идеологии. Заявление о том, что Империя «священна», что она «так же, как Церковь, своими таинственными... способами призвана вести людей к Царству Небесному» решительно выводит нас из рамок христианского мировоззрения. Это совершенно языческая идеология. Именно в контексте эллино-римской религии империя священна, а император имеет «святость харизмы» (слова цитируемого историка) и включается в пантеон богов. Именно здесь проходила та граница, которую не мог переступить христианин в своей общественной жизни того времени. Именно здесь – причина мученичества: добросовестно выполняя социальные обязанности, христиане не желали выполнять одну из них – поклониться императору как Богу, за что и были мучимы и убиваемы. Характерно, что наш историк ничего не говорит о мучениках. Об эпохе Диоклетиана, например, он рассуждает так: «Диоклетиан, великий предок Константина, провёл много государственных реформ, преобразований, создал тот вид империи, ту структуру, в которую выходит из катакомб Церковь». Но Диоклетиан – величайший гонитель Церкви той эпохи; как же можно историку обходить это вниманием, рассуждая о взаимоотношении Церкви и империи? Мученичество явно не вписывается в систему империфилии; для последней не только отдельная человеческая жизнь (провозглашение уникальной ценности которой – один из основных постулатов Нового Завета), но и сама Церковь являются второстепенными, служебными вещами по сравнению с империей. С христианской точки зрения такая постановка вопроса совершенно неприемлема, ибо тем самым мы вводим некое «второе божество» – которое и делает империю «по-своему» (т.е. иным образом) священной. «Един Свят, един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца», исповедуют христиане за каждой Евхаристией; един Источник освящения – Дух Святой. Он может освятить и императора, и империю – через Таинства Церкви и соблюдение заповедей Божиих; но каких-то «таинственных других способов» освящения в мире нет, а если их признать, то мы сейчас же упираемся в двоебожие, попираем основные заповеди Божии («**Я – Господь Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим**» – Втор. 5, 6-7) и становимся на языческие позиции. Если империя священна, то тогда не нужна Церковь; если империя – необходимое условие Боговоплощения, тогда Христу нужно было рождаться не в семье нищего плотника в дальней провинции государства, а законным наследником императорского престола... Что касается

утверждения, что империя есть «единственная форма осуществления жизни Церкви в гражданской реальности на земле», то тут и говорить особо нечего. Империи уже нет, а Церковь существует. Ставить жизнь Церкви в зависимость от имперского строя – значит совершенно не понимать смысла Церкви, того, что она имеет совсем другую природу, чем какие бы то ни было формы государственных устройств.

4) Мнение, что «главой Церкви является император», не требует даже сколько-нибудь серьёзного разбора. Во-первых, глава Церкви есть Господь Иисус Христос, и никто другой. Во-вторых, если даже говорить о земных формах организации церковной жизни, то никогда и никем (за исключением нескольких одиозных личностей типа Феофана Прокоповича или императора Павла I, на которых ссылается наш историк) император не признавался главою Церкви, хотя история знает много временных перекосов в этой области. В-третьих, церковные соборы были и в I, и во II, и в III веках, и Церковь приняла их в качестве авторитетных без каких бы то ни было санкций императорской власти. В-четвёртых, хотя бы пример преподобных Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, сонма святителей и мучеников, противостоящих императорам-еретикам, достаточен для опровержения того, что император всегда и всеми в Церкви воспринимался как глава Церкви.

Не буду утомлять читателей дальнейшим разбором аргументации империофилии. Сказанного достаточно, чтобы сделать следующие выводы: имперская идеология, распространённая сегодня в нашей церковной среде, совершенно произвольна с христианской и церковной точки зрения. Она рассматривает империю как некое «второе божество», параллельный Церкви источник освящения. Она совершенно не учитывает разницу между природой Церкви и мира сего и тем подчиняет Церковь империи, провозглашая последнюю непременным условием не только существования Церкви, но и самого факта Боговоплощения. Империофилия мифологизирует историю, игнорируя такие церковно-общественные явления, как мученичество и монашество. В философском плане она не учитывает онтологическую несводимость друг к другу Царства Небесного и падшей земной действительности, сакрализируя и оправдывая последнюю, что совершенно противно Евангелию Христову. Она навязывает нам имперское устройство жизни как обязательное, неотъемлемое от церковного учения (напомню в этой связи, что официальный документ нашей Церкви – Основы социальной концепции РПЦ – настаивает на позиции о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин» – III, 7). Наконец – и самое главное – империофилия не приносит плодов. Будучи основана на мифологическом, неистинном, нецерковном, неевангельском представлении о взаимоотношении Бога, человека и истории, она не может быть действенной для решения современных церковных и общественных проблем. Вот что писал об этом выдающийся русский богослов протопресвитер Иоанн Мейендорф: «в наше время византийская идея гармонии между Церковью и обществом стала неприменимой как *практический* образец общественного строя. Более того, в самом византийском – по существу утопическом – идеале крылся духовный изъян: византийцы, как и весь средневековый мир, фактически считали гармонию *уже осуществлённой*... Говоря богословски, византийская идеология погрешала в области своих же собственных эсхатологических категорий, отождествляя земное царство с Царством Божиим и часто забывая, что всякая государственная структура принадлежит к миру падшему, не подлежащему абсолютизации и обожествлению... Византийская империя как политическая и культурная реальность никогда не разрешила двусмысленность своих притязаний. Церковь, однако, в своём богословском сознании всегда придерживалась различия между священством и царством, между литургическим, сакраментальным и евхаристическим предвосхищением Царства Божия, с одной стороны, и эмпирической жизнью всё ещё падшего человечества – с другой». Церковь всегда помнила о том, что «империя – ещё не Царство Божие, что христианин для того, чтобы соучаствовать в Христовой победе над миром, должен порвать с законами и логикой падшего человечества – чего никакой государственный строй, даже вдохновляющийся христианством, не может сделать» (Живое Предание, стр. 316-318. М., 2004).

III

Разбирая «имперские ценности» с церковной точки зрения, и приходя к выводу, что империофилия есть мифологизация и подмена, а, следовательно, неправда, я никогда не давал повода к тому, чтобы считать меня приверженцем ценностей так называемых «либеральных». Тем не менее, однако, некоторые считают, что, коль скоро человек не является поклонником имперско-патриотической риторики, он неизбежно должен преклоняться перед США и Европой и являться сторонником современного либерализма, а следовательно, обязательно быть модернистом, обновленцем, экуменистом и проч. и проч., и любителем (а то и «наймитом») Запада. Но в этом совершенно нет логики... К Западу я отношусь ничуть не менее критически, чем к своему отечеству, а современный западный образ мыслей, называемый у нас «либеральным», считаю совершенно антихристианским (нужно, правда, оговориться, что речь идёт об идеологии секулярного гуманизма, а вовсе не о социально-политическом устройстве западного общества, доброкачественность и жизнеспособность которого вполне подтверждена историей). Не буду разбирать гуманистические секулярные ценности: у нас этим занимаются – и часто очень толково – весьма многие; скажу лишь, что вслед за преп. Иустином Поповичем я считаю, что Европа предала Христа и свою историю, и доживает свои последние десятилетия. Господь обязательно накажет европейский мир за нечестие, не только существующее в наличной жизни, но уже узаконяющееся на уровне государственных законов. Я в полной мере разделяю тревогу людей, беспокоящихся об умножении распущенности и греха в России; однако мы с национал-патриотами совершенно по-разному оцениваем причины этого явления.

Национал-патриоты считают, что идеология греха является чем-то внешним для русского человека, и проникает в Россию посредством целенаправленных действий наших врагов: пятой колонны, масонов, евреев, мировой закулисы, Сороса, Бжезинского, и проч., и проч. Я считаю это болезненной мифологией, неверно ориентирующей людей. Грех в общественную жизнь выливается из сердец человеческих – наших соотечественников. Гедонизм, злоба, обман, неуважение друг к другу, хамство, сквернословие, сексуальная распущенность, супружеские измены и многое, многое другое – продукт вполне отечественного производства. Если бы люди не хотели смотреть «За стеклом» и «Дом-2», то их бы и не было. Не нужно представлять наш народ как невинных детей, которых растлевают коварные враги; люди вполне отдают себе отчёт в своих стремлениях и желаниях и *хотят так жить*. Да, максимальное удовлетворение греховных стремлений, как и вообще всяких человеческих потребностей, предлагает нам модель общества, зиждущаяся на идеологии секулярного гуманизма. Но нечестие всегда начинается в душе, а потом реализуется в социуме. Не было бы западного образца, был бы другой какой-нибудь. Русская пословица по этому поводу мудро и совершенно точно определяет: «свинья грязь найдёт». И не нужно идеализировать прошлое. Почитайте исторические книги (нормальные, *не* те, которые надписаны именем митр. Иоанна Снычёва), почитайте проповеди святителей и пастырей Церкви всех времён, и вы увидите, что и в самый расцвет империи, и во времена наибольшего влияния Церкви на социум в обществе наличествовали, и не в малом количестве, те же самые грехи...

IV

Но я вовсе не хочу умалить влияние идеологии секулярного гуманизма на процесс распространения в обществе греха. Мы действительно нуждаемся в ценностях, которые можно было бы этому противопоставить. Национал-патриоты видят в качестве таковых ценности имперские. Но их несостоятельность и нежизненность для нашего времени я отмечал выше. Пусть они прекрасны, замечательны, традиционны, желательны, – но увы... объективно они есть архивная принадлежности Истории. Это можно не замечать, отвергать, ругать и проч., но это – *факт*. Именно поэтому все наши церковно-патриотические усилия не увенчиваются успехом.

Это вовсе не кабинетные размышления. Будучи сотрудником Патриаршего центра духовного развития детей и молодёжи при Даниловом монастыре, я имею дело с молодёжью – и вовсе не с десятком человек, и вовсе не с алтарниками или клирошанками. Наш Центр, помимо собственной ежегодной работы не менее чем с двумястами человек, сотрудничает с несколькими московскими и областными ВУЗами, круг нашего общения – в основном студенты и, скажем так, образованная и активная молодёжь со всех концов России. По опыту общения с ними могу засвидетельствовать следующее. В среде современной церковной (и околоцерковной) молодёжи мы видим, что – действительно, ценности секулярного гуманизма не удовлетворяют молодых христиан и людей, ищущих смысла жизни. Они, естественно, обращаются к Церкви, которая устами многих пастырей и активных церковных людей чаще всего предлагает им взамен исключительно ценности имперские. Однако многие молодые люди не принимают и их, справедливо чувствуя в них очевидную подмену. В итоге у немалого числа людей складывается мнение, что Церковь ничего, кроме националистической идеологии, предложить на может, и на запросы сегодняшнего дня ответить не в состоянии. Призыв «молиться, поститься и от мира отрешиться» для молодёжи «не срабатывает», потому что молодые люди особенно остро воспринимают христианство не как личное дело только, но как всеобъемлющее явление. Их естественное ожидание, что Православная Церковь является их союзником и мыслит так же, терпит фиаско, когда они сталкиваются с существующим в нашей церковной жизни весьма односторонним и мифологическим «раскладом мыслей». Молодые люди сейчас очень прагматичны; обращаясь к Церкви и не получая от неё ответа на религиозные запросы души, которые они могли бы реализовать в своей жизни, они начинают воспринимать нас, пастырей и людей церковных, как не более чем странных маргиналов, не могущих противопоставить – на деле, а не на словах – ровно ничего современному секулярному гуманизму. Я вижу в этом большую опасность: это грозит нам потерей паствы. Нельзя реальность заменить мифологией. Молодёжи особенно свойственно искать всеобъемлющие и реальные ценности; мы, к сожалению, не прилагаем должных усилий, чтобы они были ими найдены, – может быть потому, что сами не знаем их.

V

На самом деле, если говорить по существу, в мире есть Ценность, которой оживляется и одухотворяется любое земное существование. Это – единственная Ценность, способная изменить жизнь человека, дать ей смысл и удовлетворение. Мало того, это вообще единственная Ценность в мире. Это Иисус Христос и Его Церковь. Всё, что вне Христа, вообще не может называться ценностью. На земле ценно то, и только то, что непосредственно или опосредованно восходит ко Христу Спасителю. Всё на свете поверяется этой Ценностью; ею и ради неё живёт мир. Христианин не может быть христианином, а тем более православным христианином, если он считает по-другому, если он ставит – не просто наравне, но даже рядом – иные ценности, имперские, либеральные или какие другие. **«Что для меня было преимуществом, то ради Христа я почёл тщетою. Да и всё почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа»** (Фил. 3, 7-8), говорит ап. Павел. Меня очень печалит, что мы в Церкви это очень плохо понимаем и чувствуем. Тому доказательство – сегодняшнее «противостояние» церковных людей, ратующих за имперские или за либеральные варианты решения современных проблем. Наше время предоставило нам возможность оценить и те, и другие именно с церковной точки зрения, увидеть, что и в имперскости, и в либерализме есть своя правда и неправда, понять их относительность и шаткость и держаться единственного твёрдого основания, которое есть Христос. Но мы не видим этого: с истинно русским стремлением к крайностям мы ставим вопрос исключительно – «или-или», и запутываемся в этой дилемме. Оставаясь при этом в сфере земного, грешного, падшего бытия, мы теряем себя как христиан, мы не являем собою Церковь, что совершенно не прибавляет нам веса и уважения в глазах «внешних»: они перестают считать Церковь источником тех ценностей, которые только и могут быть альтернативой сегодняшнему печальному состоянию нашего отечества.

VI

Как же нам воплотить христианские евангельские церковные ценности в жизнь нашего общества? Очевидно, что это невозможно, во-первых, без того, чтобы эти ценности стали содержанием прежде всего личной жизни каждого из нас, членов Церкви, наших семей, наших близких. Во-вторых, необходимо иметь правильный строй мыслей, понимать разность природ Церкви и государства, правильно оценивать нынешний исторический момент, не упираться в плоскостные дилеммы, подобно приведённой выше. Первому препятствует общее ослабление нравственной и духовной жизни в Церкви; второму – шумливая и агрессивная пропаганда, навязывающая Церкви имперский национализм. А дальше – давайте думать вместе, как нам воздействовать на общество, на власть, чтобы нас уважали, с нами считались. Но для этого мы должны являть людям действительное христианство, а не имперскую лжемистичность, смешанную со злобою и абсолютной неадекватностью восприятия современности.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАТРИОТИЗМЕ

ОПУБЛИКОВАНО С СОКРАЩЕНИЯМИ В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК», № 12 ЗА 2005 Г.

Для начала я вывалю на читателя кучу вопросов. Не я их придумал. Являясь сотрудником Патриаршего Центра духовного развития детей и молодёжи при Даниловом монастыре, я имею дело с современными молодыми людьми, как правило, студентами московских (и не только московских) ВУЗов, которые спрашивают меня почти на каждой встрече: батюшка, а как же... и дальше следуют вопросы. Вот они:

Сейчас много говорят о патриотизме, о возрождении патриотического воспитания. Но что такое патриотизм? Любовь к отечеству, конечно. Но что именно любить? Маму с папой? Место, где я родился? Город, где я живу, где живут мои родственники и жили мои предки? Родной язык? Отечественную культуру? Леса, реки и поля? Правительство, которое не заботится о своём народе? Милицию, которая не защищает? Скинхедов? Армию, в которую страшно отдавать своих детей? Какую Россию нам любить – Россию преп. Сергия Радонежского и патр. Тихона, Россию Пушкина, Менделеева и Шостаковича – или Россию Малюты Скуратова, Ленина и Демьяна Бедного? Родина требует от нас любить себя... но сама на каждом шагу проявляет свою нелюбовь к нам. Как тут быть? Как, наконец, к этому относится Церковь, что, с её точки зрения, есть патриотизм? и т.д., и т.п.

Что делать? Отмахнуться от всех этих вопросов? Сказать этим молодым людям – нашему будущему, нашей надежде: ага! вот!! вас растлила западная пропаганда!!! – Но ведь этим не решишь вопросов. Коль скоро они появляются, на них нужно ответить, а не уходить от них.

Но как отвечать? с какой точки зрения рассматривать эти проблемы? Для нас это совершенно ясно. Ведь мы христиане, а тем более – православные христиане, то есть те, которые с наибольшей полнотой, точностью, верностью Евангелию имеют истинное Богознание, хранят его и живут соответственно ему. Если мы христиане, то мы не можем оценивать любое явление или факт с точки зрения иной, чем христианская, евангельская. Если мы православные, то мы непременно должны во всяком жизненном явлении **искать Царства Божия и правды Его** (ср. Мф. 6, 33). Правда для христианина превыше всего: **блаженны алчущие и жаждущие правды** (Мф. 5,6). Если мы что бы то ни было оцениваем не с точки зрения Христа, то мы не только не православные, но вовсе никакие и не христиане. Из этого общего принципа отношения к жизни никак не должен изыматься и патриотизм. Ещё в конце XIX века великий русский философ Владимир Соловьёв подметил, что большинство современных ему разговоров о патриотизме исходят из того, что последний есть некая самостоятельная ценность, которая поэтому не должна подчиняться абсолютной нравственной (а для Соловьёва это = христианской) оценке. Признавая

нравственность нужной в личной жизни, патриоты, критикуемые Вл. Соловьёвым, не считали её обязательной в вопросах национальных. К моему удивлению, ровно на это же обращали моё внимание не читавшие Соловьёва уже современные молодые люди, с которыми мне приходилось беседовать на эти темы.

Давайте же разберёмся – что такое патриотизм с церковной точки зрения, каким он должен быть. Любовь к своему отечеству есть естественное чувство, подобное любви к своим родителям. Отсюда, кстати говоря, сразу видны две любопытные вещи. Первая: представим себе человека, который чрезвычайно много и пышно говорит на каждом углу: «ах, как я люблю своих маму и папу! ах, как они мне дороги...» и проч., при том, добавим для полноты аналогии, что мама и папа прозябают в нищете. Не заподозрит ли здравое нравственное чувство явную фальшь в таком вот выпячивании естественных человеческих качеств? Второе. Можно ли воспитывать любовь к родителям? Не предполагает ли, наоборот, любой воспитательный процесс любовь к родителям как данность и базируется на ней? Для поддержки и укрепления любви к родителям нужна всего одна вещь – любовь родителей к детям. Любовь всегда явление обоюдное, взаимное. Не является ли шумный призыв любви к себе демонстрацией отсутствия любви к тем, к которым он обращён? – Оставим, впрочем, решать эти вопросы читателям.

Итак, патриотизм – естественная любовь к родине. Но что такое эта любовь с христианской точки зрения? Обязан ли человек любить родину только потому, что она родина? Нужно ли любить что-либо исключительно по той причине, что оно – своё, родное, отечественное? Для христианина ответ ясен. **Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек** (1 Ин. 2,15). Родина для христианина на небесах: **наше жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа** (Флп. 3, 20); **вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге** (Кол. 3,3); **мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда** (2 Петр. 3, 13). **Все сии**, пишет ап. Павел о ветхозаветных праведниках, **умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город** (Евр. 11, 13 – 16); **ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего** (Евр. 13, 14). Об отношении христианина к земному отечеству Церковь говорит устами неизвестного автора авторитетного древнего церковного памятника «Послание к Диогнету»: *Христиане не различаются от прочих людей ни странною, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречия, и ведут жизнь, ни в чём не отличную от других. Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей, ищущих новизны, они не привержены к какому-либо учению человеческому, как другие. Но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна... Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные. Повинуются постановленным законам, но своею жизнью превосходят самые законы... Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане. Душа распространена по всем членам тела, и христиане по всем городам мира. Душа, хотя обитает в теле, но не телесна, и христиане живут в мире, но не суть от мира... Душа заключена в теле, но сама содержит тело; так и христиане, заключенные в мире, как бы в темнице, сами сохраняют мир. Бессмертная душа обитает в смертном жилище; так и христиане обитают, как пришельцы, в тленном мире, ожидая нетления на небесах... Так славно их положение, в которое Бог определил их и от которого им отказаться нельзя. Церковь, хотя и существует в виде*

поместных национально-территориальных автокефалий, саму себя определяет как *вселенскую*, то есть ту, в которой *нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3, 11).

Итак, мы видим, что любовь к земной родине не является чем-то таким, что выражает суть христианского учения, или входит в его состав, как неременная и обязательная часть, без которой христианин – не христианин. Однако же Церковь, проходя своё историческое бытие на земле, никак не является противником патриотизма, как здравого и естественного чувства любви. Другое дело, что Церковь не воспринимает ни одно естественное чувство как нравственную **данность**, ибо человек – существо падшее, и чувство, пусть даже такое, как любовь, предоставленное самому себе, не выходит из состояния падения, а в религиозном аспекте приводит к язычеству. Церковь принимает и благословляет любое естественное чувство не само по себе, но как **задание**, под условием проникновения его благодатью Св. Духа, под условием его «христианизации». С евангельской точки зрения любовь к чему-либо сама по себе – не самоценная вещь. **Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником** (Лк. 14, 26), говорит Господь. Нравственное и духовное достоинство любви зависит не от неё самой, но от предмета любви (многие люди, например, беззаветно любят грех). А для христианина исключительным предметом любви является Господь. Даже любовь к ближним не самоценна; заповедь о любви к ближним лишь *подобна* первой и наибольшей заповеди – любви к Богу (Мк. 12, 31), и, по утверждению преп. Макария Великого, может осуществляться только под условием и по мере исполнения её. Главная и исключительная забота Церкви – приобщение человека ко Христу; все проявления Церкви, все её действия в сфере социальной, культурной, общественной, хотя и затрагивают весь объём человеческой жизни, влияют на неё и изменяют её, имеют собственно церковное, христианское, духовное значение лишь постольку, поскольку выполняют или способствуют выполнению этой единственной задачи Церкви. Например, Церковь благословляет семейную жизнь не для того, чтобы люди созидали совместную жизнь, растили и воспитывали детей и проч., – всё это люди вполне успешно могут осуществлять и вне Церкви; и даже не для того, чтобы «ребёночек не болел», чтобы его «не сглазили», чтобы муж «не гулял», и т.п., – эти «религиозные потребности» может удовлетворять и какой-нибудь экстрасенс; но для созидания домашней церкви, раскрытия во всех проявлениях жизни обратных нашей «падшести» действий Святого Духа, и в конечном итоге – для бессмертия, для жизни со Христом в вечности. Так и патриотизм. Церковь не может признать это явление падшего мира абсолютным и самоценным. **Патриотизм имеет достоинство с христианской точки зрения и получает церковный смысл тогда и только тогда, когда любовь к родине является деятельным осуществлением по отношению к ней заповедей Божиих.** Из этого следует, во-первых, что патриотизм никак не может включать в себя ненависть, ксенофобию, превозношение своей нации перед другими и т.п., ибо всякая ненависть есть грех; во-вторых, нельзя рассматривать «пользу для страны» абстрактно, в оторванности от конкретных людей, живущих в стране; ибо заповеди Божии могут быть исполняемы только по отношению к людям, а не государственным институтам, идеологическим схемам и т.п. Церковь поэтому не является и не может являться идеологическим инструментом для патриотического воспитания населения; она не может благословлять никакие национально-общественные, а тем более политические, формы сами по себе, – но только под условием их христианского служения людям.

Непонимание этого приводит к неверному восприятию Церкви. В мировоззрении, основанном на абсолютности и самоценности патриотизма, Церковь перестаёт быть собственно Христовой Церковью, а становится лишь содержительницей националистической идеологии, для которой хорошо только то, что хорошо родине (точнее – людям, выступающим от имени её), пусть даже это «хорошо» и противоречило бы прямым заповедям Божиим (пример – хотя бы государственная деятельность пресловутого Ивана Грозного или людоеда Сталина). Трезвенное церковное мировосприятие в этом случае подменяется мифотворчеством, за образцами которого далеко ходить не надо. Недавно мы отпраздновали 60-летие Победы. Действительно великое историческое событие; но сколько псевдоцерковных мифов породило

оно! Это и легенды о Казанской иконе Божией Матери – якобы она износилась пред войсками, перед ней служились молебны, с нею облетались фронты, и т.д., и т.п. Это и история о сталинском подарке митрополиту Ливанскому Илию, якобы вымолившему у Божией Матери победу в войне. Это и усиленно насаждающееся в последнее время мнение о верующем и чуть ли не святом Жукове... и прочее, и прочее. Настоящему христианскому церковному сознанию, как я уже говорил, свойственна особая чувствительность к правде. Оно видит промысл и действия Божии в естественном ходе истории, приведшей к победе; мифологическому сознанию этого недостаточно, ему нужно «расцветить» подлинный промысл Божий лубочными историями о Казанской иконе и о сталинской панагии, якобы подаренной митр. Илию. Здоровое церковное нравственное чувство отделяет выдающиеся военные победы маршала Жукова от того, какую цену он достигал их – крайней жестокостью, нежеланием и неумением щадить жизни подчинённых ему солдат; мифологическому, основанному на абсолютном патриотизме, сознанию последнее совершенно не важно, и сам факт полководческих побед достаточен, чтобы делать вывод о глубоком «православии» и «богоугодничестве» Жукова. Вообще подмена духовного человеческого, церковного национальным («служил русскому народу – значит, православный») есть одна из самых распространённых экклезиологических ошибок нашего времени; суть этой ошибки – абсолютизация человеческой деятельности самой по себе вне христианских оценок её.

Это вовсе не безобидная вещь: она в корне разрушает правильные (= православные) отношения человека и Бога. Несколько лет назад мне пришлось быть на открытии съезда студенческой молодёжи, который проходил в одном из ВУЗов крупного российского города (не Москвы). Среди официальных выступлений значительную долю занимали патриотические речи, содержание коих сводилось к убеждению слушателей в величии России и руганию Америки, непрестанно строящей в отношении нас ужасные ковы. Затем в общении с преподавателями мне пришлось выслушать, как плохо сейчас, и как хорошо было «тогда»: дружно пелись пионерские песни, советская школа осуществляла, помимо прекрасного образования, и замечательное воспитание, и т.д. Очень часто произносилось слово «святое»: «наше прошлое для нас – святое», говорили старые педагоги. На моё робкое замечание, что – но ведь им приходилось говорить, что Бога нет, – они ответствовали: «но тогда был патриотизм». При этом мои собеседники декларировали: «а как же, мы – православные!»

И тут я задумался. Ведь это же очевидное религиозное явление; только религиозное чувство у этих достойных и уважаемых людей, подвижников своего дела, выразилось не в христианских, церковных формах – а в мифологическом сознании абсолютного патриотизма. Налицо – очевидная подмена: первая заповедь Божия – **Я Господь, Бог твой..., да не будет у тебя других богов перед лицом Моим** (Втор. 5, 6-7) – отменяется и заменяется поклонением атеистической по сути идее земного агрессивного коллективистского благополучия. Увы, евангельская оценка такой подмены неутешительна для мифологизаторов: **что высоко у людей, то мерзость пред Богом** (Лк. 16, 15).

Между прочим, из вышесказанного вовсе не следует, что я являюсь противником Великой России или настроен антипатриотически. И большинство молодых людей, с которыми мне приходилось говорить на эти темы, также искренне желают мира и процветания нашему отечеству. Но очень часто молодёжь, желая разобраться, задаёт вопрос: а в чём, собственно, величие России? Да, самая большая, самая богатая страна в мире. Но это не наша заслуга; это дал нам Бог, и, следовательно, это естественное величие и должно возводиться к Богу, а не присваиваться себе. Так в чём? в атомной бомбе? в силе, остатками которой мы пока ещё пугаем весь мир? Но один из «отцов» нашего отечества, св. князь Александр Невский сказал по этому поводу: «не в силе Бог, а в правде». В чём же наша правда? в пьянстве? нищете (это в самой-то богатой стране мира)? безответственности? воровстве? «украшении» нашей истории – ГУЛАГе? в традиционном пренебрежении к отдельному человеку? Повторяю, я не придумываю эти «злопахательские» вопросы; мне, как пастырю Церкви, постоянно задают их люди, наши молодые соотечественники.

Ответ есть. Посмотрим, как созидалась Российская держава. Святой князь Владимир, святой князь Александр Невский, святой князь Даниил Московский; святые митрополиты Пётр и Алексей – вот кто основа нашего отечества. Не потому они святые, что созидали и защищали державу (как воспринимает это мифологическое сознание); а наоборот, Россия созидалась и покрывалась Богом потому, что они – святые. Вся жизнь этих, и многих других, не упомянутых мною, праведных людей, при всех их многообразных государственных и церковных заботах, была посвящена одному – исполнению заповедей Божиих. И сбылось над ними слово Евангелия: они **прежде всего искали Царствия Божия и правды Его** (ср. Мф.6, 33), и **приложилось им** великое государство, да такое, идеалом которого долгое время было не земное благосостояние, но Христова святость. Вот в чём единственное истинное величие нашего отечества: в пусть даже теоретическом, плохо воплощавшемся, но стремлении к идеалу святости. (Сегодня, к сожалению, этот идеал – архивная принадлежность истории.)

Как же теперь нам, оставаясь христианами, и в этом полагая главный смысл нашей жизни, послужить и нашему отечеству, беря пример с сонма праведников, в земле Российской просиявших? Может быть, возможно возвращение идеала Святой Руси в нашу жизнь? – Здесь нужно осознавать, что этот идеал – вовсе не когда все стройно ходят крестными ходами, круглосуточно читая акафисты, но именно понуждение себя на исполнение заповедей Христовых. **Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое** (Мф. 7, 24-27). Это основа всякого действия для христианина. Но именно здесь есть сложности. Христианство велит всё начинать с себя, созидавать святость в себе; а вот с этим как раз у нас проблема. У нас «святость Руси» проявляется в ностальгировании по давно ушедшим временам, воспевании монархии и войн без трезвой и разносторонней их оценки (мифологическое сознание), и в традиционном поиске врагов. Почему так? Потому что искать врагов и бороться с ветряными мельницами гораздо легче, чем быть нравственным порядочным человеком, христиански созидающим свою жизнь. Подлинный патриотизм, подлинная любовь к родине должна проявляться в делах, не в словах. И дела эти не обязательно глобальные – «всех порвать на части, Господа хваля», как призывает певица Бичевская. Оглянемся вокруг себя. Вот наши подъезды – грязные, вонючие, изрисованные, с выбитыми стёклами, сожжёнными кнопками лифтов. Казалось бы – наш дом, чего уж ближе; нам дела нет. Мы будем сквозь горы мусора аккуратно пробираться к своим железным дверям, и на кухне будем с горячностью говорить о кознях против России мировой жидомасонской закулисы, о том, что Запад развращает нашу молодёжь... простите, но эта молодёжь – **наши** дети: откуда они научились гадить в своих же собственных подъездах? Закулиса растлила? Не мы ли сами превратили нашу жизнь в грязь?

Итак, **единственный путь к величию нашего отечества – это созидание его во Христе**. Утопия? в объёме социума – безусловно. Наша сегодняшняя общественная жизнь не только далека от христианства, но агрессивно-нехристианская; исчезающе мала «критическая масса» христиан. Но в своей жизни, жизни своей семьи, той части общества, с которой мы соприкасаемся, ничто не мешает нам быть христианами. Что же касается патриотизма, то тут особо многого и не нужно. Прежде всего, необходимо осмыслить нашу историю и нашу жизнь с христианской нравственной точки зрения: отказаться от нелепого мифотворчества, давать всему трезвую и правдивую оценку, не поддаваться на оболванивающую, столь традиционную для нас, агрессивную пропаганду. А с практической стороны – давайте начнём любовь к родине с наших подъездов и уборки мусора на улицах и дворах, где мы живём...

ВСПОМИНАЯ 1937-Й

ОПУБЛИКОВАНО (С СОКРАЩЕНИЯМИ) В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК», № 15-16, АВГУСТ 2007 Г.

30 июля 1937 года был подписан, а 5 августа начал исполняться приказ НКВД № 00447 (два нуля перед номером приказа означают, что он исходил лично от Сталина), положивший начало самой кровавой странице отечественной истории. Конечно, неверно ограничиваться только этой датой: целый период с 1917 по 1953 г. – время массовых репрессий, которые унесли жизни миллионов наших соотечественников. Тридцать Седьмой – лишь самый пик кровопролития, поэтому эта дата стала знаковой. Как мы осмысляем трагические страницы нашей истории? какие выводы нами сделаны (и сделаны ли)? Некоторые размышления об этом предлагаются вниманию читателя.

I

В июне этого года в Москве прошла всероссийская конференция «Актуальные вопросы преподавания новейшей истории и обществознания в общеобразовательных учреждениях». 21 июня состоялась встреча её участников с Президентом России В. В. Путиным. На этой встрече Президент, в частности, сказал:

«Давайте вспомним события, начиная с 1937 года, давайте не будем об этом забывать. Но и в других странах было не менее, страшнее еще было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения. Мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз больше бомб, чем за всю Великую Отечественную войну, как это было во Вьетнаме, допустим. У нас не было других черных страниц, таких как нацизм, например. Да мало ли чего было в истории каждого государства и каждого народа! И нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины, – о себе пускай подумают!»

Г-н Путин пользуется чрезвычайным доверием и поддержкой большинства населения нашей страны. Столь высокий рейтинг основывается, в числе прочего, и на том, что Президент, будучи талантливым политиком, умеет ясно и концентрированно выразить мнение, которое разделяется народом. Приведённые слова В. В. Путина – не исключение: такого же взгляда придерживаются очень многие жители России. С другой стороны, высказывания Президента у нас по традиции воспринимаются директивно – следовательно, озвученный им взгляд получит ещё большую поддержку. Рассмотрим поэтому вышеприведённую цитату, абстрагируясь от личности и должности произнесшего её, а относясь к ней именно как к популярной общественной идее.

Первое, что здесь видится – какая-то прямо-таки подростковая безответственность. «Конечно, не будем забывать; но у других-то хуже! В сравнении с другими мы прямо ангелы: и нечего нам навязывать чувство вины!» Второе. В качестве иллюстрации тезиса, что «другие хуже», перечислены злодеяния этих самых «других». Все названные злодеяния – *военные* преступления. Безусловно, они ужасны. Но ещё ужаснее – массовое истребление *своего* народа, которое было вовсе не у «других», а у нас в стране. Всякое нормальное непредвзятое нравственное чувство не может не рассудить, что убийства и издевательства над собственными детьми и родителями гораздо преступнее, чем жестокость, бесчеловечность и превышение меры насилия на войне. Массовый, искусственно вызванный, голод в 20-х и 30-х годах. Уничтожение русского крестьянства. Непрестанные репрессии. ГУЛАГ. Отказ государства от военнопленных. Депортация народов. Тоцкий полигон, на котором, под командованием маршала Жукова, испытывалось действие ядерного оружия над ничего не подозревающими регулярными воинскими частями... и многое, многое другое, по сравнению с чем, пожалуй, побледнеет и Вьетнам. В

XX веке только г-н Пол Пот в Кампучии так же целенаправленно и интенсивно уничтожал свой народ. Действительно, «давайте не будем об этом забывать». Третье. Да, у нас не было нацизма. Нацизм – бесчеловечный и преступный режим, человеконенавистническая идеология. Но у нас был большевизм – режим не менее бесчеловечный и преступный, который, вдобавок, сформировал такой народный менталитет, от которого нам многими десятилетиями придётся (если, конечно, захотим стать нормальными людьми и нормальной нацией) болезненно избавляться. Наконец, общая методологическая постановка вопроса неверна: ведь речь идёт об *отечественной* истории. Конечно, она должна рассматриваться в контексте общемировой. Но было бы странно, если бы, скажем, учебник истории России подробно описывал детали той же войны во Вьетнаме, и очень кратко, обтекаемыми словами, на полстраничке, упомянул бы о ГУЛАГе, с обязательным примечанием, что на фоне зверств американской военщины наши лагеря – прямо дома отдыха: очень гуманны, и исторически необходимы.

Далее. Президент Путин позиционирует себя как православного человека. Общество наше тоже православное – во всяком случае, мы всячески убеждаем себя в этом. Президент, как я уже сказал, блестяще чувствует и выражает народное мнение. Посмотрим на нашем примере, какое в оценке разбираемых исторических событий у нас получается «общественное православие». Увы, весьма своеобразное: оно начисто лишено покаяния. По сути, вместо него выступает чистое самооправдание и перекалывание вины на других, которые мало того, что хуже нас, так ещё и навязывают нам что-то! Пусть о себе подумают!

Но подумаем и мы о себе. Что такое «покаяние» в данном контексте? Конечно, это вовсе не истерическое «винение» себя в том, что я не совершал, наподобие того, как некоторые «ревнителю» призывают сегодняшних людей каяться в личном грехе убийства Царской семьи. Согласитесь, нелепой будет ситуация, когда человек на исповеди будет приносить покаяние за массовое истребление своих соотечественников в то время, когда его и на свете-то ещё не было. Общественное покаяние отличается от личного, от церковного Таинства; оно начинается с того, чтобы, как неоднократно говорил Святейший Патриарх Алексий, назвать вещи своими именами: грех – грехом, убийство – убийством, мерзость – мерзостью. Такого покаяния не может быть без осмысления народом – как ни крути – *общественной вины*. Этому осмыслению не нужно быть, конечно, «комплексом» вины, но трезвым и правдивым взглядом на свою историю. Общество должно ясно осознать, что период с 1917 по если уж не 1980-е, то во всяком случае по 1953 г., нравственно преступен для всего народа (верующие люди употребят слово «греховен»); что никакие победы и достижения не оправдывают братоубийства; что возглавители народа в то время – величайшие преступники в истории; что восхваление их и их дел должно являться не только нравственно, но и уголовно наказуемым деянием. Учебникам истории надлежит описывать события именно с такой точки зрения; политики, не только славословящие советское время, но даже и просто согласные с тем, что к нему могут быть применимы слова «нравственная норма», не должны быть политиками. Все памятники палачам должны быть демонтированы; города, посёлки, улицы, станции метро и проч., в изобилии носящие их имена, переименованы. Необходима соответствующая воспитательная работа, начинающаяся со школы, подобная той, какая была в постнацистской Германии. Только когда в каждой российской семье будут с такой же степенью достоверности, как то, что трава зелёная, а небо синее, знать, что Сталин – людоед, и оценивать его положительно – это всё равно, что восторгаться, скажем, умению Чикатило красиво повязывать галстук, – у общества появится шанс не бояться своей истории, не переиначивать её, не лгать себе, но нравственно оздоровиться и двигаться вперёд... Но – всем, я думаю, очевидно, что это утопия. По данным социологических опросов, до 40% населения считают роль Сталина в нашей истории положительной, а «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына не купишь в книжных магазинах – его не переиздают много лет...

Стало быть, на вынесенный в начало вопрос – какие выводы сделаны обществом по отношению к событиям 1937 года – ответ неутешительный. Общественное сознание всё более и более склонно осмыслять эти события с анти-этической точки зрения, урезать их масштаб, оправдывать их какими-то

«экономическими необходимостями» и «политическими целесообразностями». И даже такая ужасная народная трагедия даёт повод к нашему излюбленному занятию – поиску «врагов», которые, оказывается, и навязывают нам всякие бесполезные размышления о нашей истории не в парадно-барабанном стиле, а в совершенно чуждом и ненужном России «чувстве вины»...

II

Но оставим общество. Меня гораздо более волнуют процессы, происходящие в нашей Церкви. Как сегодняшняя церковная действительность относится к рассматриваемому периоду отечественной истории?

У нас принято считать, что, прославив сонм новомучеников, Церковь своё отношение выразила. Дерзну сказать, что такое «заявление позиции» весьма опосредованно и пассивно, и его явно недостаточно. На мой взгляд, прославление новомучеников обязательно надо сопровождать активным пастырским усилием (ныне совершенно отсутствующим), направленным на то, чтобы дать честную нравственную и евангельскую оценку времени, которое убило новомучеников, и – главное – причинам и последствиям этого времени, которые до сих пор не только сказываются на нас, но и во многом определяют многие стороны нашей (в том числе и церковной) жизни. Без этого получается: новомученики – отдельно, сами по себе, а Церковь (то есть мы) – сами по себе. Без этого известный миссионер может говорить в передаче православного радио: «со временем облик Сталина всё более и более просветляется». Без этого почтенный, ныне уже покойный, протоиерей (получивший, кстати говоря, от советской власти «по полной программе») мог писать: «я, как православный христианин, низко кланяюсь Сталину»... Многие в нашей Церкви разделяют эти чудовищные взгляды. Кажется, уж православным-то должно быть за них как минимум стыдно перед памятью миллионов безвинно погибших людей... но с нами происходит какая-то абберация совести. Немало даже и священников (а вслед за ними и их паства) возвеличивают Сталина как национального, а то и церковного «героя», а репрессии чуть ли не оправдывают, говоря: ну да, несколько десятков тысяч уничтожено (про миллионы – это, конечно, враги придумали...) – но так ведь было надо, ничего не поделаешь, иначе бы Россия не выстояла... Я думаю, если провести среди русских православных людей опрос – положительно ли они относятся к Сталину и его делам, то он покажет результаты и повыше тех 40%, которые насчитали социологи в российском обществе.

Прямым следствием этого является и то, что новомученики (пожалуй, за исключением Царской семьи, но это отдельный разговор) мало почитаются церковным народом. Разовые акции (такие, как недавно состоявшийся крестный ход от Соловков до Москвы) здесь не в счёт. Для примера – сравните отношение в православной среде к дивеевской канавке и бутовскому полигону: канавка преимуществом в почитании, она значимее, важнее. Сравните количество заказываемых в любом храме молебнов блаж. Матроне Московской, и, скажем, свв. патр. Тихону, митр. Петру Крутицкому или Кириллу Казанскому. Новомученикам не составлена служба, до сих пор мы пользуемся достаточно бездарным РПЗЦ-шным последованием, которое автор этих строк в середине 90-х приспособил для употребления в тогда ещё разделённой Русской Церкви. Отдельным новомученикам служб почти нет, дни их памяти мало где совершаются; пример их жизни – не самое частое назидание с церковных амвонов... Мало того, в последнее время уже и самый подвиг их начинает подвергаться переосмыслению, каковое переосмысление, не побоюсь этого слова, уничтожает самое христианство.

Так, в этом году на весьма представительном круглом столе в «Литературной газете» одним церковным лицом было заявлено, что новомученики первого времени советской власти пострадали не за Христа, а потому что они были монархистами. Из этого тезиса вывелись ещё два: что отсутствие уважения к личности в нашем менталитете – это правильно и хорошо, и что в общественном бытии есть ценности, ради которых можно жертвовать чужой жизнью... И это вовсе не какой-то случайный эпизод. Сегодня в нашей Церкви идёт энергичный (эх, эту энергию, да на решение бы внутрицерковных проблем...) поиск

«ценностей», конструирование «традиций» и создание некоей новой «национально-церковной» идеологии. Если это ценности, традиции и идеология – те самые, о которых сказал уважаемый участник упоминаемого Круглого стола, то налицо опасная тенденция: на наших глазах рождается мировоззрение, содержанием которого является православие без Евангелия, Церковь без Христа, «традиционные ценности» без этики.

III

Читатель может подумать, что я уклонился от темы статьи в постороннюю полемику. Отнюдь нет. Что такое был 1937-год (и все многолетние репрессии советского времени)? Во-первых, с библейской точки зрения – поущение и вразумление Божие русскому народу, который вместо Евангелия избрал себе (или позволил «элите» избрать за себя) другие жизненные идеалы. А во-вторых – реализация на практике только что озвученной идеологии, что ради неких ценностей можно (а значит и *нужно*, здесь грань всегда бывает очень тонкой) жертвовать чужими жизнями. Мне возражат: но всё дело в том, *какие* это ценности. Вот именно. Ценности на земле только и исключительно одни – Евангельские; а Евангелию совершенно чужда мысль о том, что даже за Самого Христа можно жертвовать чужой жизнью. Сам факт того, что современные православные в массе своей не видят и не чувствуют чудовищного, вопиющего противоречия вышеназванной (и становящейся всё более и более популярной) «идеологии ценностей» с евангельским учением Церкви, свидетельствует о том, что истинное церковное осознание 1937 года ещё впереди.

Это отнюдь не умозрительная проблема. Церковь постоянно декларирует, что она призвана оказывать нравственное влияние на общество. Такое влияние должно проявляться прежде всего в том, что Церковь даёт всему беспристрастную евангельскую оценку, невзирая на то, «наше» оно или «не наше». Если общество всё больше и больше склонно оправдывать злодеяния советского периода, то Церковь в данном случае обязана не просто говорить, но даже уже и кричать: люди, одумайтесь! Нельзя, *грех* оправдывать братоубийственное кровопролитие ни в какой форме, ни ради каких «великих» целей, ценностей и идеалов! Но как может прозвучать такой голос Церкви, если сам наш церковный организм сегодня очевидно нуждается в уяснении для себя, что суть Церкви составляет Евангелие Христово, а не скоромимопреходящее «величие» земного отечества, что нельзя быть христианином и распоряжаться, пусть мысленно, чужими жизнями, что Христос заповедует нам совсем другое...

Самый существенный урок 1937-го года для нас, нынешних российских православных христиан – что мы не извлекли из него урока. Вместо того, чтобы быть «солью земли», повести за собою общество в осознании нашей народной трагедии, в подлинном покаянии за неё и обновлении жизни – мы, наоборот, «подстраиваемся» под оправдывающие преступления и позор нашей истории общественные и властные настроения, рождая в ответ на них «идеологию ценностей», в которых нет места Христу, Его правде, состраданию, уважению к людям... Иногда даже складывается впечатление, что от нас отходит благодать Божия, Дух Истины – уж больно мы склонны подменять Его земными выгодами и сиюминутной конъюнктурой...

А это значит, что в будущем вовсе не исключён ещё один 1937 год. Господь печётся о Своей Церкви: если в ней, вслед за обществом, все ослепнут, если соль Церкви потеряет силу, то она будет больно и горько вразумляема от Бога. ***Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, – повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?*** (Ис. 1, 4-5).

Я хотел бы, чтобы мы начали задумываться об этом. Уже пора. Как бы не оказалось поздно.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

ДОКЛАД НА КРУГЛОМ СТОЛЕ В СВЯТО-ДАНИЛОВОМ МОНАСТЫРЕ, 21 ИЮНЯ 2006 Г.

*Ваши Преосвященство, досточтимые отцы, братья и сестры, уважаемые участники
Круглого стола, дорогие гости!*

Сегодня мы собрались здесь, чтобы обсудить проблемы вот такого рода.

Как мы знаем, недавно нашу церковно-общественную жизнь всколыхнули два события: показ фильма «Код да Винчи» и так называемый «гей-парад», против которых решительным образом высказывалось и наше Священноначалие, и церковная общественность. Нужно сразу сказать, что Церковь определяет и будет определять своё отношение к подобному рода явлениям, и стоять на страже общественной нравственности. Но хочется обратить внимание вот на какое обстоятельство. Реакция российского общества на мнение Церкви оказалась далеко не однозначной. Основной тон многих даже и серьёзных и солидных средств массовой информации был таков: да, фильм плохой, и гей-парад – событие неодобрительное; но с какой это стати Церковь указывает нам, что мы должны делать, а что не должны? И, к сожалению, не только средства массовой информации демонстрируют такой подход, но и немалая часть народа: количество проданных билетов и окупаемость «Кода да Винчи» свидетельствуют о том, что многие люди отнюдь не вняли призыву Церкви воздержаться от просмотра кощунственного фильма.

Церковь по статистике, пожалуй, самый уважаемый институт в России. Доверие к Церкви, по последним статистическим данным, весьма велико даже в молодёжной среде. Но вот на практике оказывается, что церковное суждение не имеет того веса в обществе, который, казалось бы, должен быть, коль скоро само общество в массе своей определяет себя как «православное». Это заставляет нас констатировать, что наша Церковь мало влияет на практическую общественную жизнь, на нравственный климат в стране; не всегда слова Церкви воспринимаются авторитетно.

В чём причины этого? – Здесь может быть два подхода.

Первый подход: козни врагов. С нашей Православной Церковью борются, во-первых, внешние враги. Они вдохновляются и финансируются масонской мировой закулисой и процессом глобализации, во главе которого стоит Америка. Во-вторых, в Церкви есть внутренние враги, некая «пятая колонна», которая разлагает Церковь изнутри – посредством вольномыслия, размывания традиционных форм благочестия, внедрения западно-либеральной идеологии под видом миссионерства и т.п. Практическим следствием такого подхода является то, что главной нашей задачей становится – посвятить все свои усилия именно борьбе с врагами, в лице тех или иных идей, явлений или конкретных людей. Я не говорю здесь о таких вещах, как пресловутая борьба с ИНН, борьба за канонизацию Ивана Грозного или Распутина – это уже, по сути, почти нецерковные явления. Речь идёт о том, что и в среде людей глубоко церковных, мы подчас видим стремление ожесточённо воевать с тем, что не вписывается, скажем, в рамки русского благочестия синодальной эпохи XIX века.

Разумеется, Церковь не должна «подлаживаться» под стихии мира сего; но бороться с возникающими новыми формами миссии, проповеди, церковной жизни только на том основании, что их не было раньше – бесперспективно. Вот что говорит по этому поводу Святейший Патриарх Алексий: *«Важнейшая задача Церкви, создателем Которой является Сам Господь Иисус Христос, – помочь человеку в деле спасения; и сущность этой миссии неизменна. Но, конечно, Церковь одновременно связана с конкретной исторической реальностью. Сегодня она очень непроста. Потребительский синдром, экологический кризис, опасность разрушения целостности личности – вот далеко не полный перечень*

проблем, с которыми мир столкнулся на рубеже тысячелетий. На всё это нужно дать ответ – авторитетный, понятный, искренний, сформулированный в категориях современной культуры... Современное понимание миссии основано на том, что хотя секулярный мир и Церковь, имея разные направленности и действия в этом мире, сосуществуют в одной исторической реальности, – между ними нет непроходимой стены. Церковь не отворачивается от «светского мира», не ищет противостояния с ним» (Святейший Патриарх Алексий II. Войдите в радость Господа своего. М., 2004, стр. 255, 54). Думается, что идеология «осаждённой крепости», только охранительства, противопоставление Церкви и общества не может способствовать ни решению миссионерских задач Церкви, ни поднятию её авторитета в обществе. В определении Архиерейского Собора 2004 года о вопросах внутренней жизни Русской Православной Церкви сказано: "Для развития свидетельства Церкви современному миру, обретения ею достойного положения в обществе и укрепления церковного авторитета, а также для развития богословия и образования, следует активизировать диалог и взаимодействие Церкви со светской культурой и наукой".

Второй подход к проблеме таков. Евангелие, православная духовность учат нас всегда начинать с самих себя, смотреть в себя. Духовность начинается с покаяния – это та основа, без которой невозможна церковная жизнь, как личная, так и общинная. Покаяние – это значит не оправдывать себя поисками внешних причин наших действий, но видеть именно свои ошибки и немощи, и попробовать понять: а может быть, мы сами даём людям внешним повод судить о Церкви недолжным образом?

Церковь сама в себе имеет неотразимую убедительность, ибо она – Христова, она являет действие Святого Духа в мире. Почему же люди не видят этого? Ведь очевидно, что идеи христианской евангельской нравственности, православной духовности, к сожалению, не разделяются значительной частью общества. Когда люди слышат осуждение или запрет, произносимый Церковью, они не понимают, не чувствуют, что стоит за этими запретами, потому что они не знают духовной реальности Церкви, видят её исключительно со-вне, всего лишь как один из традиционных общественных институтов. Не наша ли, пастырей и мирян, вина, что люди не понимают этого? Евангельский ответ может быть только один, его сформулировал ещё полторы тысячи лет назад великий учитель христианской Церкви святитель Иоанн Златоуст: «Никто не остался бы язычником, если бы мы были действительными христианами». Не во врагах дело, а скорее в том, что мы сами, в своей жизни и деятельности, не являем Церковь такой, какой она должна быть.

Я хочу привести слова замечательного пастыря, уже почившего, протоиерея Бориса Ничипорова, сказанные им ещё десять лет назад по этому поводу: «В церковной среде стало неписанным правилом публично клеймить все антихристианские проявления. По этой ревности даже судят о "церковности" и "духовности" православного. Редкая книга, редкая газетная статья, редкая проповедь обходится без критики безбожного современного мира и сетования на трудности жизни в нем. Возникла своеобразная православная мода на разоблачение язв и пороков общества. Но что же предложили мы, православные, этому самому обществу, и детям в частности, за почти что 10 лет легальной церковной деятельности? Какую альтернативу нашли мы той потребительской философии, которая с шиком и блеском подается нам с Запада?» Вопрос, так остро поставленный о. Борисом, актуален и сейчас.

Итак, исходя из этого второго подхода, можно сказать, что Церковь завоёвывает авторитет в обществе скорее за счёт внутренней церковной работы, когда богатство и полнота церковной жизни реализуется в нас самих, в наших семьях, в наших общинах, в нашей внешней деятельности, **чтобы люди, видя наши добрые дела, прославляли Отца нашего Небесного** (Мф. 5, 16).

На этом пути у нас множество проблем.

Это и неопределённость форм и методов миссии в современных условиях. Появляться ли миссионеру на рок-концертах? Как, на каком языке говорить о Боге и Церкви с современными детьми? Отвергать ли, клеймить то, что читают, смотрят, слушают наши дети и молодёжь, – или искать во всём этом то, к чему может привиться слово о Христе на их, современном молодёжном языке?

Это и проблемы катехизации. Святейший Патриарх Алексий отмечал: *«Многие люди, искренне считающие себя православными, остаются на уровне языческого сознания»* (там же, стр. 60). Прилагаем ли мы целенаправленные усилия к исправлению того положения, о котором Николай Семёнович Лесков ещё в XIX веке писал: «Русь крещена, но не просвещена»? Как правильно воцерковить едва вошедших в Церковь людей, или даже только тянущихся к ней? Покойный протоиерей Глеб Каледа писал об этом: *«Православие – это радостная полнота жизни во Христе. Сам Спаситель сказал: «да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15, 11). Апостол Павел писал: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь». (Флп. 4, 4). ... Нужны, конечно, и сокрушение, и плач, и слезы о своих грехах, на них возрастает совершенная радость. Покаяние – это средство, а не цель. Цель – стяжание Духа Святого, совершенная радость о Христе. Есть время слез и время радости. ... Суровость, фанатизм порою отталкивают людей от Церкви»*. Но и донныне наша проповедь, наша катехизация не христоцентрична; Церковь, как правило, представляется нецерковным (да часто и самим верующим) людям мрачной, каким-то средневековым, состоящей только из запретов и обязанностей, имеющей центром не Христа, а грех и адские муки. Порой темы патриотизма, величия России, сопротивления глобализации и подобные, – сами по себе, безусловно, важные, нужные и актуальные, – подменяют в проповеди и катехизации Священное Писание и духовный опыт Предания; бывает, мы так увлекаемся, что подменяем христианское, христоцентричное, вселенское содержание Православной Церкви грубым национализмом, обскурантизмом и бескультурьем.

Не решены многие проблемы богослужения, пастырского окормления и духовничества, молодёжной работы, социального служения. Важнейшая задача сегодняшней церковной жизни – созидание полноценной общинной жизни – остаётся без должной энергии пастырей. И так далее; каждый из участников нашего Круглого стола может много сказать своего по этому поводу.

Итак, давайте обсудим, какими путями нам идти дальше, как оказывать нравственное влияние на российское общество, как нам поднять авторитет Церкви. Я думаю, что для этого обязательно должна созидаться и развиваться внутрицерковная жизнь, и причём, с учётом того времени и обстановки, в которые поставил нас Господь. Сегодня уже недостаточно только лишь воспроизводить исторические церковные формы, изо всех сил охранять их, а в вызовах времени видеть исключительно происки врагов. Необходимо обратить нашу энергию и силы на решение именно внутрицерковных проблем. Тогда Церковь самой нашей жизнью выявит свой безоговорочный авторитет, и, по слову апостола Павла, люди, ныне укоряющие нас, ***«всеми обличатся, всеми судятся, и таким образом тайны сердца их обнаружатся; и они падут ниц, поклонятся Богу и скажут: истинно с вами Бог»*** (1 Кор. 14, 24 – 25).

* * *

А теперь я уже не как докладчик, а как участник Круглого стола сразу попробую кратко ответить на два поставленные вопроса, чтобы не занимать впоследствии вашего внимания своей персоной. Итак, у нас два вопроса: 1) проблемы современной церковной и церковно-общественной жизни и 2) приоритетные пути развития церковной и церковно-общественной жизни.

1. Главной проблемой современной церковно-общественной жизни мне представляется аберрация нравственности. У нас, православных, как будто атрофировалось нравственное евангельское чувство. Оно не является определяющим в наших оценках того или иного явления, а подчиняется каким-то другим вещам – национальным, патриотическим, политическим и прочим. Приведу примеры.

Если Церковь хочет реализовывать своё, действительно, присущее ей призвание – стоять на страже общественной нравственности и обличать грехи общества – то не должно быть избирательности. Вот мы обличили «Код да Винчи» и гей-парад. Хорошо. Но на память приходят множество вопиющих случаев, когда церковная общественность молчит, или, что ещё хуже – молчаливо оправдывает совершенно чудовищные вещи. Убийство иностранных студентов – в Воронеже в сентябре прошлого года, в Санкт-Петербурге постоянные случаи... подняли ли наши церковные СМИ – я уж не говорю шум, сравнимый с гей-парадом, а просто – этот вопрос? Случай с рядовым Сычёвым, который до сих пор находится в реанимации, очень показателен для определения нравственного уровня сегодняшних православных. Выступая по радио «Радонеж», писатель Крупин сказал: «Да, конечно, парня жалко (на этом тема этого человека и его трагедии была закрыта, больше слов писатель не нашёл для него); но мы не позволим шельмовать нашу армию!...» и далее шли пространные рассуждения, как же наша армия хороша, и какой шум подняла инородная пресса, чтобы эту нашу армию скомпрометировать. И это не настроение только писателя Крупина, а настроение очень многих наших православных. В голову не приходит, что если такие случаи в армии возможны, то её уже не надо шельмовать – издевательство, жестокость, безнравственность говорят сами за себя. Но когда правду объявляют шельмованием – это уже опасно. Когда это делаем мы, православные – мы тем самым выводим себя за рамки христианства. Приведу по этому поводу слова пророка Исаии: ***Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким! Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!*** (Ис. 5, 20-21) Ещё характерный пример. После суда над нападавшим на синагогу о. Дмитрию Смирнову в эфир «Радонежа» как-то позвонила дама и сказала: «Батюшка! как нам защитить нашего мальчика! Ну он там немножко похулиганил, но ему дали 13 лет! Куда обращаться, может быть, крестные ходы, стояния, пикеты?» О. Димитрий, помню, даже растерялся и сказал этой даме: но вообще-то ваш мальчик – уголовный преступник, и шёл в синагогу не чтобы похулиганить, а чтобы убить людей... Надо сказать, что Патриарх на следующий же день после этого происшествия направил сочувственное письмо руководителям еврейской общины; однако многие православные очевидно не разделили со своим Архипастырем нравственной боли. Повторю: это чрезвычайно опасно – размывать Евангельскую нравственность. О каком авторитете Церкви может идти речь, когда сталкиваешься с подобными вещами! Нельзя сказать, что они массовые, но и, к сожалению, далеко не единичные.

2. Нечувствительность к нравственности высвечивает связанную с ней проблему – отсутствие пастырских усилий к исправлению этой ситуации. Для немалого количества пастырей евангельская нравственность (я не беру их личную жизнь, а именно пастырский аспект) не стоит на первом месте, а иногда дело доходит до просто чудовищных вещей. Я знаю одного батюшку, настоятеля одного из московских храмов, который после 11 сентября говорил: «мало им, гадам!» Причём, его уста очевидно говорили от избытка сердца... Все вы, я думаю, слышали, как некоторые уважаемые батюшки говорили, что священник-монархист не имеет права стоять у престола... а, спрашивается, священник (монархист, кстати), который исполнен просто животной ненависти к ни в чём не повинным людям, к их трагедии – может совершать Служение Любви? Ещё одна пастырская проблема – ответственность за призывы. К сожалению, нередко призывы к насилию, причём – тайные. «Явно мы, конечно, не будем этого делать, а тайно – благословляем идти бить извращенцев» – слышал я из уст не одного батюшки по поводу недавнего гей-парада. Нравственная дозволенность насилия в деле отстаивания церковных ценностей также представляется мне и опасной, и не способствующей поднятию авторитета Церкви. Святитель Иоанн Златоуст говорил: ***Непозволительно христианам ниспровергать заблуждения принуждением и насилием; нам заповедано словом, убеждением и кротостью совершать спасение людей***».

3. Ещё одна проблема – фактический разрыв в образе мыслей между священноначалием и немалым количеством народа церковного. Выше я уже приводил пример, когда Святейший Патриарх, и по велению сострадательного сердца, и по пастырской и политической мудрости, пишет сочувственное

письмо по поводу нападения на синагогу – а многие православные христиане чуть ли не оправдывают это преступление. Очень хорошо иллюстрирует этот разрыв судьба церковных документов – Социальной концепции, решений Соборов. Это здравые, трезвые, подлинно церковные документы; но они не воплощаются в жизнь, потому что многие православные живут совсем другим... Не буду углубляться в эту тему, может быть, о. Андрей Кураев, который писал об этой своеобразной «реформации», скажет об этом несколько слов.

Что делать? (извечный русский вопрос.) Во-первых, обратить острие нашей критики на себя. Это будет по-христиански. Мы осуждаем мир за стяжательство, потребительство, гедонизм, двойные стандарты, и проч., и проч., и проч. Но достаточно поднять подшивку выступлений Патриарха на московских епархиальных собраниях за последние 10 лет, чтобы увидеть, что те же самые явления присутствуют и в нашей церковной, и даже в пастырской среде. Патриарх не устаёт говорить об этом... может быть, наконец, начать слушать Предстоятеля нашей Церкви и что-то делать?

Во-вторых, пора уже начинать быть адекватными. Церковь всегда давала ответ на вызовы времени; но для этого нужно перестать идти затылками вперёд. Нужно перестать искать вездe и во всём врагов, бороться с ветряными мельницами, отвергать новый опыт в тех или иных областях (пример – борьба с АА), а искать адекватные способы существования Церкви в постхристианском мире. Мы в Церкви занимаемся чем угодно – литературоведением, кинокритикой, эволюционной биологией, исследованием свойств йодированной соли, и проч., и проч... хотя нам в самой Церкви очень даже есть чем заняться... И – чуть больше взаимного уважения и любви между нами, людьми церковными.

Закончить мне бы хотелось цитатой по этому поводу мученика Иоанна – профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова, казнённого за исповедание Христовой веры в 1938 году. Вот что он писал:

«Сила и слава Церкви создается не железным мечом императора, не пышностью культа, не проклятиями инакомыслящих, а единственно осуществлением евангельской любви во взаимных отношениях верующих».

ЕВАНГЕЛИЕ И ЦЕННОСТИ СЕКУЛЯРНОГО МИРА

ДОКЛАД НА 15-М ЗАСЕДАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ. ТЕОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ» ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН, 25 ОКТЯБРЯ 2007 Г.

В начале нужно сказать о методологии, которой я буду пользоваться в данном докладе, и об основных понятиях. Уже достаточно долго мне приходится заниматься церковной публицистикой, поэтому методология моя – именно публицистическая. Это значит: с одной стороны, анализ с христианской точки зрения текущих событий, тех или иных актуальных идей, фактов, явлений; с другой стороны – выявление через такую повседневную конкретику некоторых общих вещей, о которых я и хочу сегодня порассуждать. Любая публицистика всегда носит несколько поверхностный характер, поэтому я заранее прошу прощения у г-д философов, что соображения мои, может быть, не всегда смогут соответствовать строгим философским критериям.

Я не буду вдаваться в рассмотрение проблемы ценности вообще, а «публицистически» приму для данного доклада общепринятый взгляд, который под ценностями понимает то, что определяет положительную мотивацию, поведение и мировоззрение человека. Я выступаю с позиции православного христианина, и поэтому сразу скажу, что ценность, из которой я стараюсь исходить,

Ценность абсолютная и всеобщая, универсальная и единственная – одна: это Господь Иисус Христос, воплотившийся нашего ради спасения Бог.

Здесь тотчас обращает на себя внимание одно существенное обстоятельство: эта Ценность представляет собою не какие-нибудь отдельные либо совокупленные предметы и идеи, свод правил, идеологию, мораль, планы на будущее, определённое отношение к прошлому и т.п., но исключительно *личность Христа*. Коль скоро это так, то восприятие этой Ценности для человека происходит не в сфере социальной, культурной, исторической и вообще во всём, что окружает нас ныне. По отношению ко Христу для человека важно не просто получение информации о Нём, интеллектуальное созерцание Его и Его дел, но то, что составляет смысл всякого межличностного соотношения – *реальное взаимодействие*, взаимодействие в любви двух субъектов. Для христианина именно *общение в любви личности Христа и личности моей* – высшая и исключительная мотивация всей его жизни, фундамент мировосприятия. Со стороны Христа это общение открылось вследствие Его воплощения, крестной смерти, воскресения и ниспослания на землю Святого Духа; со стороны же человека – верой, выражаемой покаянием и желанием быть с Богом, а также некоторыми определёнными вещами, которые зафиксированы в Священном Писании, в Евангелии. Соблюдение этих вещей, или, иными словами говоря, исполнение заповедей – есть условие богообщения, которое и является единственным стремлением, целью, задачей, а соответственно, и ценностью для христианина. В связи с этим я называю сферу личностного богообщения во Христе *Евангельскими ценностями*.

Отсюда вытекает следующая важная вещь, а именно: *Евангельские ценности, будучи исключительно личностными, не актуализируются в какие-то особые внешние формы*. Евангелие не создаёт никаких самих по себе существующих новых ценностей, оно не выливается ни в какую идеологию – пусть даже и в религиозной сфере. (Кстати, надо заметить, что последнее делает восприятие Евангелия затруднительным для многих людей, даже и через 2000 лет своего существования в истории. Многим людям нужно от религии именно внешнее: определённые правила, долженствования, запреты и тому подобное. Евангелие же как раз не предлагает никаких особых внешних форм богопочитания, оно всё направлено вовнутрь, базируется на личном духовном общении человека и его Спасителя – а для, так сказать, религиозно-общественного времяпрепровождения пользуется общими проявлениями естественной человеческой религиозности, преобразуя их изнутри, самим фактом богообщения.)

Несомненно, есть, как я только что сказал, определённые вещи, необходимые для созидания самой сферы Евангельских ценностей, а именно: 1) Священное Писание, 2) Таинства), 3) молитва и 4) евангельская нравственность, соблюдение заповедей – что составляет суть Христовой Церкви; исторический опыт выявления этой сути есть Священное Предание. Имеются вещи, прямо противоположные Евангельским ценностям, а именно – грех в любой его форме. Кроме этих «рамок» Евангельские ценности не отливаются в нечто «специфическое»: Евангелие не создаёт ни принципиально новой семьи, ни нового государственного или общественного устройства, оно не меняет форм каких бы то ни было человеческих занятий или творчества. Но оно вносит во все эти сферы человеческой жизни внутреннее содержание – личное богообщение.

На практике критерий ценности, исходящий из вышесказанного, будет таков: всё, что так или иначе, непосредственно или опосредовано, или по аналогии, или ещё каким-либо положительным образом, берёт начало в сфере евангельского личного богообщения, каким-то образом *соответствует* ему, отображает какие-то свойства его – пусть даже и вне лично-религиозного элемента – будет иметь ту или иную ценность. И наоборот – если что-то *противоречит* евангельским началам богообщения, то ценности иметь не может. Например: богообщение характеризуется неприменным уважением Бога к человеку – значит, уважение к личности есть евангельская ценность. Богообщению препятствует всяческая ложь – значит, никак не может быть евангельской ценностью любая мифология, как личная, так и общественная, ибо она «кривит» вещи, показывает их в ложном свете.

Вот кратко о Евангельских ценностях. Что же такое «ценности секулярного мира»? Надо сказать, что «секулярного мира», строго говоря, нет; есть «секулярные люди», то есть личности, для которых богообщение во Христе не является ценностью. Когда таких «секулярных личностей» много, большинство, то они создают для себя среду, в которой Христу места нет. Конечно, невозможно отрицать влияние на человека и на социум этой среды; но, тем не менее, изначально, онтологически секулярен не мир, но души – в полном соответствии со словами Христа, что *изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, – все это зло изнутри исходит и оскверняет человека* (Мк. 7, 21-23). Поэтому разделение на «секулярное» и «несекулярное» должно проходить вовсе не по той линии, которая принята у нас сегодня чуть ли не как догмат – а именно, что «либеральное» секулярно, а «традиционное» («базовые ценности») – несекулярно. Исходя из тезиса, что Евангелие не отливается в конкретные внешние формы, а наполняет своим внутренним содержанием то, что дано, я определяю «секулярное» как то, что *непричастно евангельскому ценностному смыслу*, коренящемуся если не непосредственно в личном богообщении во Христе, то во всяком случае в опосредованных свойствах этого богообщения, оплодотворяющих культуру и социум. Отсюда следует, что может быть и либерализм вполне евангельским, и патриотизм более чем секулярным, мало того – в самой Церкви могут найтись очевидно секулярные вещи, как и вне её – ценности евангельские: всё зависит от внутреннего наполнения вещей. Здесь нужно ещё отметить разницу между *декларированием* и *истинным положением вещей*. Например, православное сообщество убедило себя в том, что права человека – секулярная ценность, так сказать, «по определению»; да и сама в себе идеология прав человека ощущает себя таковою; но это слова, а что на деле – надо разбирать.

Вот давайте для иллюстрации и остановимся на этих двух вещах, которые традиционно «разводят по полюсам», причисляя одну к заведомо секулярной, а другую – к сугубо церковной сфере. Я имею в виду «права человека» и патриотизм.

Являются ли права человека секулярной ценностью? Христианство утверждает, что богообщение во Христе совершается только *лично*, Бог относится к человеку с великим уважением и настолько ценит его, что восходит ради его спасения на Крест. Кроме того, для Бога любовь к Себе и любовь к ближнему – вещи одного порядка: без последнего не бывает первого. Имеют ли хоть какое-то отношение к этим качествам права человека? Несомненно, имеют. Фундамент их – утверждённые именно христианством принципы самоценности человека как образа Божия, откуда неизбежно вытекают индивидуализм и уважение к личности. Либеральная идея по сути – исключительно евангельская. *Где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), возвещает Писание; а блаж. Августин выразил самую суть христианской жизни, сказав: *люби Бога и делай что хочешь*. Любовь к Богу и ближнему есть вещь личная; но она выражается и в социуме, и это выражение есть *право*. По Вл. Соловьёву, под правом нужно понимать минимум обязательной нравственности, а государство – осуществление, реализация и гарант права (а не нечто самоценное, как в не-либеральных концепциях).

Конечно, на практике мы видим умаление и покровление этих принципов. Из понятия «права» изъят Бог как Основа всякого закона; понятие «человек» лишено важнейшего постулата о том, что смысл его существования в мире сем – богоподобие, путь к которому – евангельская нравственность, соблюдение заповедей Божиих. Это приводит, разумеется, к обеднению и извращению, я бы сказал, «горизонтализации» концепции прав человека. Отсюда появляется общественное «право на содомию» и тому подобные неприемлемые для христианства вещи. Но выступать против гей-парадов, обвиняя в существовании их «права человека» как таковые – это то же, что отрицать необходимость медицины из-за ошибки недоучившегося хирурга или судебной системы из-за, пусть даже большого количества, судей-взяточников. Мы же не будем винить, скажем, аскетический опыт Отцов Церкви в том, что кто-то, пытаясь

осуществить оный, впал в прелесть или (как это повсеместно случается) стал неадекватно относиться к жизни.

Евангельская ценность прав человека отчётливее всего видна тогда, когда они *отсутствуют*. Когда они соблюдаются, можно спокойно, ничего не опасаясь, спорить о тех или иных частных извращениях концепции, происходящих из нерелигиозной антропологии нашего времени. Когда же никаких прав человека *нет*, когда гражданин абсолютно не защищён перед произволом государства, когда чуть ли не в каждом отделении милиции на Святой Руси людей пытаются, и невозможно найти на это никакую управу; мало того, когда такое положение вещей идеологически *оправдывается*, считается «своим, особым путём» – то, думаю, самому суперправославному, антилиберально и антизападнически настроенному человеку, попавшему в лапы нашего государства, пожалуй, захотелось бы, чтобы, по меньшей мере, в отношении него самого оно хоть каких-то правовых норм придерживалось... Итак, права человека – ценность несомненно евангельская в своей основе, но, так сказать, «осекулярившаяся» на практике.

А вот что противопоставляют этому «осекуляриванию» как уж точно несекулярную, «традиционную», «базовую», значительно превосходящую права человека ценность – патриотизм. Берусь утверждать, что в том виде, в каком он существует сейчас, патриотизм не только по сути именно секулярен, но является антиевангельским, антихристианским явлением, хотя и облачён в разного рода «православные словеса».

На чём базируется современный идеологический патриотизм? На одной идее, имеющей два очень важных следствия. Идея это вот какая: *государство (страна, нация) есть нечто самоценное*; как ценность оно – *выше личности*, превалирует над ней. Отсюда рождаются державность, «особый путь», Великая Россия, мобилизационный проект, Третий Рим, великая цель, Пятая Империя, Русская доктрина и тому подобная чушь. В такой системе взглядов патриотизм как естественное чувство любви к своей родине, своему народу, языку, культуре подменяется на искусственную любовь к государству, более того – на *долженствование* любви: хочешь – не хочешь, но люби своё отечество, независимо от того, что отечество тебя со своей стороны не только не любит и любить вовсе не собирается, но и ноги об тебя вытирает. Государство, идеологически и фактически, под видом патриотизма требует от личности религиозного себе послушания, одностороннего жертвенного служения, и поэтому неизбежно превращается в идола, питающегося человеческими жертвами.

Это порождает две вещи: 1) глубочайшее неуважение и крайнее презрение к отдельной личности, её нуждам и правам (и это, кстати, единственная традиционная, исконная, базовая, неискоренимая, «своя» российская «ценность»: тотальное, я сказал бы даже – inferнальное неуважение к человеку); и 2) мифологию, которая в силу вышесказанного неизбежно превращается в религию. Излишне, я думаю, оценивать эту религию с евангельской точки зрения; очевидно, что это чистой воды идолопоклонство.

В скобках должен отметить одну важную вещь: рассматриваемая идея, увы, проникает и в нашу Церковь. По тесной связи Церкви и общества современная церковная жизнь построена на совершенно произвольном постулате, что *Церковь выше личности*. Многие наши современные церковные проблемы имеют основой эту в корне неверную экклезиологию. На самом деле Церковь – *для личности*, она *служит* ей, самым правым и истинным служением, какое только возможно на земле, в полном соответствии со словами своей Главы: **Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих** (Мф. 20, 28). Поэтому *Церковь никак не может быть выше личности*; коль скоро в неё проникают подобные настроения, она становится секуляризированной. Но это тема для отдельного разговора.

Вернёмся к патриотизму. Надо сказать ещё, что в нынешнем своём виде он исторически весьма молод (то есть является, говоря церковным языком, «модернизмом»), будучи порождением секулярного Нового времени. Появление современного патриотизма относится к XVIII веку. В эпоху американской и

французской буржуазных революций понятие «патриотизм» было тождественно понятию «национализм», при политическом (неэтническом) понимании нации; по этой причине во Франции и Америке в тот период понятие «патриот» было синонимом понятия «революционер». Новое время, отказываясь от христианской идеи земного существования как всего лишь временного пристанища человека, поставило целью, опять же говоря церковным языком, «строительство рая на земле». Оформлялись для этой цели и соответствующие средства, как то: понимание нации уже как этнического, а не религиозного единства; обособление таких наций, противопоставляющих себя другим нациям и борющихся за лучшее место под солнцем; создание национальных государств в противовес традиционным империям; в этом ряду появляется и патриотизм как идеология служения национальному государству. Любовь к родине до Нового времени и современный патриотизм – явления принципиально разного порядка, ибо в религиозном обществе такая любовь не была самоценной, но стройно встраивалась в иерархию христианских ценностей. Нынешний же патриотизм, обожествляя государство (причём под государством здесь подразумевается не только правящая власть, но и властные традиции, история, прошлые военные победы и тому подобное), унижает богоподобную личность, лишает её свободы, а тем самым и подлинной религии (даже и термин такой есть – «гражданская религия»). Именно по этим двум причинам – 1) что патриотизм относится к личности и оценивает её противоположным Евангелию образом, и 2) что он обожествляет явления падшего мира – он *секулярен по существу*.

Но может ли патриотизм быть евангельским? Вне всякого сомнения. Основной тезис данного доклада – что Евангелие не отливается в самостоятельные ценности, а воцерковляет, то есть внутренне наполняет **Царством Божиим, пришедшим в силе** (Мк. 9, 1) любую положительную или естественную данность – наличествует и здесь. Как права человека «осекулярились», так и патриотизм вполне может проникнуться евангельскими началами. Это происходит тогда (и только тогда), *когда любовь к родине является деятельным осуществлением по отношению к ней заповедей Божиих*. Но что такое – это соблюдение? По отношению к отдельному человеку это понятно; но как понимать и осуществлять заповеди Божии собирательно, по отношению ко всему обществу? Ничего иного человечество здесь не придумало, кроме *права, как общественно обязательного минимума морального отношения к личности*. Итак – с чего начать общественное соблюдение заповедей Божиих? Парадоксально: только с *прав человека*. Чтобы перестать быть идолопоклонством и антиевангельской секулярной идеологией, наш патриотизм должен положить в свою основу именно права человека. Кстати, это самый настоящий, если можно так выразиться, «евангельский стиль»: Евангелие, отметая всякую идеологию, всё ставит с головы на ноги, руководствуясь словами Христа: **что высоко у людей, то мерзость пред Богом** (Лк. 16, 15). Поэтому Евангелие, во всяком случае в России и в русской церковной жизни, неудобно и пренебрегаемо, а патриотическая идеология популярна и желаемая многими.

Итак, мы увидели, что «евангельское» и «секулярное» не зависят от внешних форм, они составляют внутреннюю сущность вещей, так что одни и те же явления могут быть совершенно секулярными, а могут иметь евангельское достоинство. В связи с этим встают два вопроса. Первый: как различить одно от другого? Критерий такого различения дал яснее всего Владимир Соловьёв. Вот что он писал: «Окончательная задача личной и общественной нравственности та, чтобы Христос, – в Котором обитает вся полнота Божества телесно, – «вообразился» во всех и во всём. От каждого из нас зависит содействовать достижению этой цели, «воображая» Христа в нашей личной и общественной жизни». Для этого стоит «перед тем, как решаться на какой-нибудь поступок, имеющий значение для личной или для общественной жизни, вызвать в душе своей нравственный образ Христа, сосредоточиться в нём и спросить себя: мог ли бы Он совершить этот поступок, или – другими словами – одобрит Он его или нет, благословит меня или нет на его совершение?»

Предлагаю эту проверку всем – она не обманет. Во всяком сомнительном случае, если только осталась возможность опомниться и подумать, вспомните о Христе, вообразите Его себе живым, каким Он и есть,

и возложите на Него всё бремя ваших сомнений. Он уже заранее согласился принять и это бремя со всеми другими, не для того, конечно, чтобы развязать вам руки на всякую мерзость, а для того, чтобы вы, обратившись к Нему и оперевшись на Него, могли удержаться от зла и стать проводниками Его несомненной правды» (т. III, стр. 415-416).

Вопрос второй: что делать? Ответ я предлагаю такой: переходить на личные, частные позиции, давать правильную евангельскую оценку тому, что происходит вокруг и в общественной, и в церковной жизни (оценка эта, надо сказать, не оставит от современной ура-патриотической идеологии камня на камне), и обратить всё своё внимание на евангельское становление себя как христианина, пользуясь всем богатством предания Православной Церкви. Собственно, для этого и существует на земле Церковь Христова: не для того, чтобы призывать к «патриотизму» (это неизбежно вырождается в наших условиях в сервильизм), а чтобы люди, личности становились настоящими христианами, чтобы из этих христиан складывались настоящие общины. Если из христианских личностей и общин сложится подлинно церковное сообщество, обладающее некоей «критической массой», то и общественные порядки изменятся в евангельскую сторону. Правда, лично я смотрю на это весьма пессимистически: христиане, увы, обречены быть не более чем частными лицами, и дай Бог, чтобы из этих лиц складывались хоть немногие общины.

Закончить я хочу вот чем. Сегодняшнее время характеризуется тем, что эпоха развития информационных технологий и постмодернистского релятивизма отменяет всякие вертикальные иерархические ценности – то, что мы называем «традицией». Поэтому слабеют Церкви, нивелируется и опошляется культура, размываются устои жизни и т.п. Мир из *иерархического* становится *сетевым*. Но если эта метаморфоза ставит под угрозу общественное влияние Церкви как внешнего института, то Евангелие и евангельские ценности разрушиться не могут – потому что они находятся *вне* этого иерархически-сетевого глобального конфликта, ибо они исключительно *личностны*. Поэтому сегодня, в поисках ответа на вызовы современности, нужно отталкиваться именно от Евангелия, а не от «традиций», пусть даже и освящённых церковной историей. Наблюдение над нынешней церковной интеллектуальной жизнью показывает, что мы, повернувшись спиной вперёд, пытаемся изо всех сил реанимировать прошлое, искусственно конструируя и пытаясь насильно насадить ушедшие традиции. Прошлое прекрасно, спору нет, оно лучше, чем настоящее и будущее – я совершенно искренне это говорю... но оно *прошлое*. Застревая на прошлом, мы упускаем жизнь; единственная возможность избежать этого – держаться Евангелия (не в смысле, конечно, реформаций и революций, но на единственно возможном для нас уровне личного осознания и адекватного восприятия действительности).

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ В СМИ: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

ДОКЛАД НА РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧТЕНИЯХ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ СОВЕТЕ РПЦ, 1 ФЕВРАЛЯ 2006 Г.

I

Прежде всего нужно сказать, что такое, собственно, евангельские ценности. Строго говоря, эта ценность одна; она исключительна, велика и единственна. Это воплотившийся Бог – Господь Иисус Христос. Всё, что есть в мире существенного, благого, нравственного, значимого, прекрасного, получает своё ценностное достоинство исключительно от соотнесения – непосредственного или опосредованного – со Христом. Вне Его нет и не может быть никакой ценности. Входить в подробные объяснения, почему это так, не является задачей настоящего доклада; скажу лишь, что подлинной ценностью для человека может быть только то, что избавляет его от власти смерти; а именно это и делает для человека Воскресший Христос.

Итак, евангельские ценности усматриваются из непосредственного или опосредованного соотношения с Господом Иисусом Христом; более детализировано – с Его Словом, Священным Писанием, и с Его Церковью. К *непосредственным* относятся религиозные и нравственные ценности, к *опосредованным* – культурные. К ним можно отчасти отнести и социальные, но по большей части последние принадлежат больше нравственной сфере жизни. Более подробно содержание этих трояких ценностей – религиозных, нравственных и культурных – мы раскроем по ходу доклада, посвящённого как раз отображению этих ценностей в средствах массовой информации.

II

В контексте нашего доклада уместно разделить СМИ на светские и церковные (православные). Это разделение касается, разумеется, не типографских изделий, а людей. СМИ, так или иначе, выражают позицию тех или иных групп людей: с одной стороны, делающих то или иное средство массовой информации, с другой стороны – потребляющих их. В нашем сегодняшнем обществе можно наблюдать вполне отчётливое и достаточно резкое разделение на просто людей, и людей церковных, воцерковлённых. Это разделение, надо сказать, совершенно не зависит от самоидентификации от 50 до 85 % (по разным данным) россиян как «православных». Большинство из этих «православных» воспринимает «православие», к которому они себя причисляют, как некую «национальную традицию», и к собственно христианству не имеют никакого отношения. Настоящих церковных людей в нашем обществе не более 5 %, и в силу своей количественной незначительности (а также и многих других причин) у них есть более или менее убедительные основания считать себя в некоторой степени отделёнными от господствующей в обществе идеологии и культуры. Соответственно, так же делятся и СМИ – 95 % из них светские, и никак не более 5 % – религиозные. Такое деление не означает, что светские издания не рассматривают церковных вопросов, и наоборот; но очевидное мировоззренческое разделение накладывает на это рассмотрение специфический отпечаток, который нередко выражается в предвзятости, неодобрительности и зачастую малой компетенции обеих сторон, когда они выносят суждения друг о друге. – Теперь рассмотрим те и другие СМИ с точки зрения именно евангельских ценностей.

III

Начнём со светских СМИ. Главный их недостаток с точки зрения религиозной составляющей евангельских ценностей – ужасающее невежество и некомпетентность. Рассуждая (порой с апломбом) о Церкви, её учении, устройстве, положении, внутренней и внешней её ситуации, многие авторы руководствуются то ли данными, полученными при учёбе ещё в советское время по предмету «научный атеизм», то ли какой-то совершенно «левой» информацией. Журналисты не знают, что такое догматы Церкви – и записывают в них вопросы календаря и богослужебного языка. Журналисты не осведомлены о нравственном учении Церкви – оно представляется ими или как осуждение всех и вся в ад, пугание безрадостным тотальным аскетизмом, или как некое «всепрощение». Журналисты не в курсе не только что такое Таинства Церкви, сваливая в одну кучу крещение, отпевание, освящение воды; не только в чём смысл различия, например, христианских конфессий; но и основные сюжеты Священного Писания (то, что должен знать всякий культурный человек) подвергаются порой невероятному перетолкованию. Помню, в «Общей газете» (прекрасном издании, ныне, увы, уже не существующем) интеллигентнейший г-н Ю. Рост, всеми уважаемый и почитаемый авторитетный культурный деятель, в одной из своих статей коснулся того, что библейский кит проглотил Иова. И это не было опечаткой или оговоркой, потому что эта была составляющая часть сюжета, и пассаж про Иова (а не про Иону) был несколько раз повторен... В музыкальной передаче радио «Эхо Москвы», посвящённой творчеству И. С. Баха, тогда работавший на радиостанции г-н А. Варгафтик, разбирая 140-ю кантату композитора, заявил, что произведение написано на текст библейской притчи о семи мудрых и семи неразумных девах... Казалось бы, мелочи – но таких мелочей очень немало; они обличают, помимо прочего, не слишком корректное и добросовестное

отношение журналистов к тому, что они пишут... Наконец, Церковь, как и у подавляющего большинства россиян, не отделяется средствами массовой информации от народного лубка и языческого мироощущения. Журналисты совершенно искренне считают, что Масленица или «Яблочный Спас» – церковные праздники, или что смысл праздника Богоявления Господня заключается в купании в проруби, невзирая ни на какой мороз... Недавний пример – г-жа С. Сорокина в эфире радиостанции «Эхо Москвы» на Рождество выражала уверенность, что Церковь во время святков снисходительно относится к гаданиям... и т.д., и т.п. Я уж не говорю о тонкостях церковного этикета, когда пришедшего в эфир священнослужителя представляют: батюшка отец настоятель протоиерей священник такой-то... Короче говоря: с точки зрения религиозной компетенции подход многих журналистов к освещению церковных тем вопиюще непрофессионален; его можно выразить русской поговоркой: «слышал звон, да не знает, где он»...

Несколько иная картина с точки зрения евангельской нравственности. Надо сказать, что основной импульс журналистики как таковой – нравственный: это жажда правды – бороться за неё, найти её и поделиться с людьми. Многие материалы средств массовой информации прямо или косвенно одушевлены этим нравственным импульсом, особенно в немногих оставшихся так называемых «оппозиционных» СМИ. Выступления против лжи, произвола, коррупции, несправедливости, пренебрежения людьми, против человеконенавистничества в любых его формах etc, безусловно – благое, правое и подлинно евангельское дело. Но, к сожалению, далеко не всегда вышеназванный нравственный принцип выдерживается в чистоте и полноте. Это видно, в частности, и в обсуждении в светской прессе проблем, касающихся Церкви. Здесь нужно сказать, что я считаю (в отличие от некоторых церковных людей), что такое обсуждение само по себе чрезвычайно важно и полезно, в том числе и для Церкви. Оно даёт нам возможность увидеть изнутри нашей достаточно замкнутой и специфической среды многообразие взглядов на церковные и церковно-общественные проблемы, такие, например, как вопросы введения в школах ОПК, отношения с музеями, мера сотрудничества Церкви и власти и проч. Были случаи, когда только благодаря светским СМИ решались некоторые тяжёлые церковно-нравственные вопросы... Но, увы, не всегда, как я уже сказал, материалы такого рода выражают нравственный посыл журналистики. Наряду с уже упомянутой некомпетенцией и слабым пониманием, что и как в Церкви происходит (и должно происходить), в текстах некоторых журналистов наличествуют совершенно тенденциозные, порой хамские и производящие (на меня, во всяком случае) впечатления «заказных» материалы. Обидно, когда люди церковные судят о журналистике (а читатели – о Церкви) по, например, пасквилям г-на С. Бычкова, в то время как есть в прессе и немало корректных и профессиональных материалов, например г-жи С. Солодовник, публикуемые в интернет-издании «ЕЖ». К сожалению, таких журналистов, как г-жа Солодовник, освящающих церковно-общественные вопросы, меньшинство...

Теперь о культурной составляющей евангельских ценностей. Сегодня не видно сколько-нибудь адекватного выявления её в наших средствах массовой информации. Проправительственные и левые СМИ держат курс на национал-патриотическую имперскую культурно-социальную традицию, правые – на глобалистскую; ни та, ни другая линия без существенных оговорок не может ассоциироваться с христианскими ценностями. Кроме того, все светские СМИ, особенно электронные, являются активными проводниками антикультурных, антиэстетических тенденций. Попса, постоянно «ниже пояса» юмор, выходящие за рамки приличия «ток-шоу», одинаковые отупляющие сериалы, романтизация криминала, наживы, очевидный нравственный и культурный релятивизм, приводящий к стадности, мелочности и пошлости как нормы жизни – вот основная культурная деятельность подавляющего большинства средств массовой информации. Разумеется, это не может оцениваться положительно не только с христианской, но и с обычной человеческой точки зрения.

IV

Перейдём к церковным СМИ. Главный их недостаток – маргинальность, я бы сказал – геттообразность. Этот недостаток, с одной стороны, объективный – я уже говорил, что церковное общество отделено у нас некою внутреннею стеною от светского. С другой стороны, он определяется ужасающей непрофессиональностью большинства церковных СМИ. Причины этого непрофессионализма различны, и это не тема моего доклада, скажу лишь, что одной из них является отсутствие профессиональных кадров, в том числе и из-за ничтожного финансирования, показывающего, что заинтересованность в современных адекватных церковных СМИ не относится к приоритетам нашей церковной жизни; а другой – отсутствие проработанной системной идеологии – какими должны быть церковные СМИ в современном мире. Пока они просто неинтересны. Что составляет среднестатистическую церковную газету? Информация о грядущем или текущем церковном празднике, слащавые лубочные жития или современные чудесные события, патриотические призывы, выдержки из Св. Отцов... Мало аналитики, а если она есть, то она редко одушевляется собственно евангельскими ценностями, по большей части национал-патриотическими. В Москве, где собраны лучшие церковные силы, дело обстоит лучше, чем где бы то ни было, есть несколько интересных изданий – официальные ЖМП, ЦВ, журналы «Нескучный сад», «Фома»... региональная же церковная пресса, увы, оставляет желать лучшего.

Что касается выявления евангельских ценностей церковными средствами массовой информации, то тут тоже всё не слишком радужно. Начнём с культурной составляющей. Если в светских СМИ культура часто подменяется попсоем, то в церковных происходит подмена её этнографически-имперским ностальгированием и – я бы сказал – пуританским охранительством. Поясню, что основу христианской эстетики составляет выявление Царства Божия художественными средствами (то, что можно назвать «иконичностью»); это требует свободы и разнообразия творчества, которое, соразмеряясь верой и нравственностью, остаётся неподверженным никакой идеологизации, ибо идеология и художественность несовместимы. В православной же среде наличествует определённое идеологическое недоверие к творчеству: театр – грех, рок – сатанизм и т.д. Многие церковные СМИ рассуждают о культуре именно в этом ключе, делая некоторое исключение для русского искусства XIX века (при этом «за бортом» остаётся западноевропейская классическая и современная культура). В этом, кстати, и проявляется в значительной мере та геттообразность, о которой я сказал выше.

Если говорить о евангельской нравственности, то нужно отметить нередкую подмену нравственности аскетикой. Это вовсе не одно и то же. Аскетика – частный случай нравственности; она направлена прежде всего внутрь самого человека, имея целью, при помощи духовно-дисциплинарных действий, ограничить проявление человеческих страстей. Нравственность же есть по преимуществу сфера отношений с людьми, с миром. Уделяя большое внимание аскетике, современная церковная проповедь (а за ней и церковные СМИ) гораздо меньше говорят собственно о нравственности. Из-за этого вопросы социальной нравственности остаются почти вне сферы внимания церковной прессы, или же подменяются национально-патриотической риторикой. В качестве примеров приведу две вещи. Первый – вопиющие случаи нередких, увы, преступлений на национальной и расисткой почве. Ни воронежский, ни петербургские случаи убийств иностранных студентов не получили не только должной христианской оценки, но даже и сколько-нибудь внятного отклика в эфирах и на страницах церковных изданий... Второй пример – положение в армии. Всем известный недавний челябинский случай ещё раз с наглядностью продемонстрировал всем, что наша современная армия совершенно деградировала, что туда опасно отдавать наших детей... Поднимает ли эти вопросы церковная пресса? Нисколько; наоборот, армия превозносится чуть ли не как религиозное явление, а любая критика в адрес её объявляется антипатриотической и даже антицерковной... Итак, вывод – в нравственном отношении церковная пресса, к сожалению, отстаёт от светской.

Наконец, хочу обратить внимание ещё на одну, весьма тонкую, подмену. В области собственно религиозной в сознании немалого количества православных (а значит, и в церковных СМИ) евангельские ценности часто подменяются церковными; а это разные вещи. Ещё свт. Филарет Московский обращал на это внимание, когда противился включению в свой Катехизис «церковных заповедей» наряду с заповедями Священного Писания. Дело в том, что церковные ценности как таковые (я имею в виду здесь Церковь как институт) – авторитет, традиция, форма, дисциплина, корпоративность, охранительный консерватизм, патриотизм и проч. – законны и хороши только тогда, когда они одушевляются евангельскими ценностями и выражают их; но не сами по себе. Напомню, что евангельские ценности можно свести к трём вещам, о которых сказал Господь: суду, милости и вере (см. Мф 23, 23). Вера в данном контексте – это не анафематизмы в неделю Торжества Православия, а стержень человеческой жизни: живые, личные отношения с Богом. Милость – отношение к людям, вне вероисповедного, расового, национального, социального и проч. различия. Суд – не осуждение, конечно; но исходящее из веры и милости трезвое суждение, правая оценка всего. Если церковные постулаты лишаются этого евангельского стержня, то они перестают быть ценностью в точном смысле этого слова, превращаются в идеологию и неизбежно скатываются к антиевангельским вещам, таким, как упоминаемый уже национализм, обскурантизм etc. Соответственно, и вся аналитическая и иная политика, проистекающая из такого подхода к церковным ценностям, также становится не очень-то евангельской. Названная подмена мало кем осознаётся, но она порой сводит все усилия создателей церковных СМИ «на нет»; в качестве примера можно привести сайты «Правая.Ru» или «Русская Линия»: они гораздо более православно-идеологичные, чем христианские...

V

Ну и, наконец, задачи. Из вышесказанного они достаточно ясны. Светские СМИ должны понимать, о чём идёт речь в христианстве и в Церкви – в Церкви не как институте, а по сути. Для этого очевидно необходим некий ликбез – чтобы, например, в новостях «Эха Москвы» не сообщалось бы *urbi et orbi*, что «на Крещение заканчиваются святки – время церковных гаданий» и тому подобные вещи. Ликбез этот – не просто усвоение знаний (хотя оно совершенно нелишне), но понимание того, что Церковь живёт в другой культурной реальности, в «иконичной» традиции, и судить о Церкви с точки зрения современной «контртрадиционности» достаточно бессмысленно. В нравственной области соответствовать исходному импульсу журналистики, и не подменять поиски правды предвзятостью. Ну и в культурной сфере – меньше кинематографичности, меньше стадности и попсы, и, может быть, побольше традиционности. Отмечу в скобках, что здесь есть сложность. Дело в том, что в современной церковной жизни плохо выявляется сущностная культура Церкви – то, что можно назвать подлинной живой творческой традицией. Я бы сказал, что для нас актуальны скорее памятники традиционной культуры, но не сама она. Поэтому наша культурно-церковная данность не привлекательна для «внешних», и само понятие традиционности для них размыто и не носит безоговорочного положительного смысла. Впрочем, насчёт культуры – разговор особый, выходящий за рамки моего доклада.

Для церковных СМИ главное – это именно евангельская направленность; она придаёт нужный ракурс всему. Нужно следить, чтобы евангельские ценности не подменялись институционально-церковными. Больше аналитики, которая бы основывалась именно на евангельских, а не иных постулатах. В нравственной области – не подменять нравственность аскетикой, и обязательно нравственно реагировать на то, что происходит с нами и вокруг нас, давать адекватную оценку современному миру и происходящим в нём событиям с христианских позиций. Не бояться говорить евангельскую правду – она необходима людям, и именно она поднимает авторитет Церкви. В вопросах культуры церковные СМИ должны, так сказать, «расширить свой культурный кругозор»: актуализировать, как я уже говорил, христианскую культуру и адекватно включать её в сферу жизни, а не шарахаться от всего, разбирая, например, православно ли читать Гарри Поттера или нет... Помимо собственно церковной, необходимо ориентироваться на великую христианскую европейскую и отечественную культуру; иначе мы будем

беззащитными перед культурными подделками, такими, например, как недавно вышедшая книга некоего Никоса Зерваса «Дети против волшебников», восхваляющая на уровне откровенного кича чудовищный симбиоз Церкви и спецслужб, и уж никак не можем быть перед светским обществом носителями подлинных ценностных традиций...

И вообще – преодолевать пропасть между Церковью и обществом, и как светским, так и церковным СМИ всегда помнить о своём воспитательском призвании и неизбежно связанной с этим ответственности.

МИССИЯ, КАТЕХИЗАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ДОКЛАД НА КОНФЕРЕНЦИИ "ФОРМЫ И МЕТОДЫ МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ", 20 ЯНВАРЯ 2008 Г.

I

Мне бы хотелось порассуждать о миссии и катехизации в свете некоторых общественных проблем, имеющих ныне в нашем отечестве. Миссия и катехизация – вещи, вообще-то, разные: миссия зовёт людей ко Христу и Его Церкви, катехизация даёт уже вошедшему на церковный порог человеку полноту теоретического и практического знания о церковной жизни, о жизни во Христе. Но я буду говорить, в контексте заявленной темы, о миссии и катехизации как о едином церковном делании.

Сегодня и миссию, и катехизацию необходимо обращать не к заморским язычникам, а к нашему собственному народу. 20 лет как Церковь свободна в своей проповеди, но тем не менее острота этой необходимости отнюдь не притупилась: и люди внешние, и – что особенно важно – очень многие, ставшие членами Православной Церкви, нуждаются в правильных понятиях о христианстве, Церкви и духовной и нравственной жизни не меньше, чем в прошлые времена.

Церковная жизнь происходит не в башне из слоновой кости, не в воздушном замке, но в конкретном социальном, общественном и культурном контексте. Миссия и катехизация – та сфера деятельности, которая наиболее тесно соприкасается с особенностями «текущего момента» истории. Этого не понимают многие «охранители», ругающие миссионеров и катехизаторов за их поиски современного языка проповеди и адекватных форм общения с социумом, который – хотим мы этого или нет – является для нас данностью. По представлениям этих охранителей, миссия и катехизация должны быть столь же неизменными, как церковные каноны. Но те, кто миссией и катехизацией занимаются, не могут не чувствовать и не понимать необходимости некоего культурологического и даже духовного «риска», связанного с тем, что благовествование сегодня уже не может уместиться в рамках благочестивой православной лексики. Задача современной миссии – чтобы истины Евангелия и традиции Церкви были восприняты не абстрактными жителями некоей идеальной «Святой Руси», а нашими реальными соотечественниками – отвязной и развращённой молодёжью, циничными политиками, прагматичными бизнесменами, погружёнными в быт домохозяйками и так далее. Поэтому успешная миссия невозможна без очень хорошего понимания, в каких общественных условиях мы существуем. Если миссионер или катехизатор выходит на своё делание, будучи уверен, что перед ним – литературные персонажи благочестиво-назидательных книг конца Синодального периода, и что стоит только разоблачить козни либерального Запада, как люди тотчас с радостью вернутся к укладу жизни XIX, а то и XVII века, то такая миссия обречена на заведомый провал. Лишь когда мы трезво и адекватно оценим, что происходит в России, мы сможем выработать слова и формы проповеди, которые людей сегодняшних хотя бы заставят задуматься над смыслом их жизни.

II

Итак, каково состояние современного российского общества? Очень важно ответить на этот вопрос по возможности объективно. Россия в XX веке пережила величайшую катастрофу. Катастрофа эта всесторонняя: прежде всего духовная – оказалось, что святое Православие вовсе не является незыблемым устоем русского народа; катастрофа нравственная – эпоха доносов, страха, лжи и двойной морали наложила тяжелейший отпечаток на многие поколения; катастрофа социальная – человеческая личность ставилась ни во что, понятие о правовых нормах было искоренено из сознания людей; катастрофа культурная – в нашу жизнь намертво внедрилась эстетика конформизма, массовости и главенства низких жанров искусства; катастрофа демографическая, связанная с войной и массовыми репрессиями, в которых был уничтожен генофонд русской нации... Нами – и не только обществом, но, увы, даже и Церковью – эта катастрофа ещё не осознана: мы продолжаем восхвалять советское время, что является, на мой взгляд, просто безумием, каким-то историческим похмельным синдромом. Церковь прославила новомучеников, и одновременно многие церковные люди ностальгируют по СССР – не абсурд ли это? Результатом этого не-осознания является отсутствие в России народа, нации как гражданского понятия. Мы имеем обессиленное советским временем *население*, но не *граждан*: люди разобщены, атомизированы, не способны отстаивать сообща свои интересы.

Следствием этого являются две вещи: 1) что общество, не имея внутренних нравственных сил стать гражданским, становится нефеодалным, и 2) что руководит как властью, бюрократией, чиновничеством, так и большинством членов общества всё, что угодно, но только не общественный интерес. Феодалная структура власти и общества и отсутствие общественного интереса сверху донизу – вот основные характеристики российского социума на данный момент.

Я акцентировал внимание на общественных проблемах вовсе не из каких-то политических соображений. Лично я аполитичный человек, да и Церковь наша придерживается аполитичности – об этом говорит и Собор 1917-1918 гг., и церковные решения начала 1990-хх гг., и Основы социальной доктрины Русской Церкви. Для Церкви очень важно то, что в современном российском социуме, в силу названных мною особенностей общественного бытия, наличествует некая могущественная религия. Большинство людей, как бы они не идентифицировали себя в социологических опросах (как известно, по этим опросам порядка 70% нашего населения – «православные»), исповедуют, а главное – всей своей жизнью практикуют Религию Денег. Любая религия порождает свою мораль и свою культуру. Религия Денег – не исключение: она также имеет свою мораль, по которой, собственно, и живёт сегодня Россия: готовность приносить Деньгам даже и человеческие жертвы; непорядочность как норму существования, ложь, цинизм, холуйство перед высшими и жестокость к низшим, и тому подобное. Мораль Религии Денег колеблет основу социальной жизни – семью: до чрезвычайности распространены, скажем, браки по расчёту, супружеские измены, аборт, пренебрежение детьми и проч. Эстетика, производимая Религией Денег, также на виду: это то, что называется «гламуром». Стадность, полное «опопсение» (от слова «попса») культурного пространства, тщеславие, культ плоти, гедонизм – вот некоторые её характеристики. Особенно значима эта эстетика (а на деле, конечно, анти-эстетика) в молодёжной среде. Кто кумиры современной молодёжи? отнюдь, увы, не свв. Александр Невский и Сергей Радонежский, а гламурные персонажи типа каких-нибудь Ксении Собчак и Сергея Зверева.

Нынешнему миссионеру и катехизатору всё это необходимо учитывать. Мы должны, повторю ещё раз, очень хорошо осознавать, что наша проповедь обращена не к детски невинным людям, которые исторически случайно подпали под чуждое им заблуждение, и стоит только открыть им глаза на эти заблуждения, как они тут же и обратятся к вере прадедов (специально не употребляю выражение «вера отцов», потому что вера наших отцов – богоборческий большевизм). *Сегодня мы обращаем Евангельское слово к добровольным и сознательным адептам Религии Денег, гедонизма и гламура.*

Возникает вопрос: есть ли в современной церковной жизни ресурсы – прежде всего внутренние, духовные, – для осуществления полноценной миссии и катехизации в таких условиях? На мой взгляд, таких ресурсов у нас скорее нет, и вот почему.

III

«Церковь отделена от государства, но не от общества». Сегодня часто можно услышать эти совершенно правильные и истинные слова. Но нельзя воспринимать это положение только лишь как лозунг. Здесь необходимо разобраться. Что это такое – «неотделимость Церкви от общества»? Это вовсе не только тот бесспорный факт, что Россия исторически и культурологически коренится в Православии. Помимо прочего это и то, что все процессы, свойственные обществу, имеют место и в церковной жизни, ибо и Церковь, и общество состоят из одних и тех же людей; вдобавок, общество сегодня «по объёму» гораздо больше Церкви, и оно гораздо больше влияет на Церковь, чем Церковь на общество. Преломление Религии Денег мы видим сегодня в церковной действительности в виде активного расцвета разного рода коммерции; разобщённость и атомизированность людей не позволяет созидаться христианским общинам на наших приходах; отсутствие общественного интереса оборачивается незаинтересованностью Церкви в системной миссионерской и катехизаторской работе; она становится уделом исключительно энтузиастов... Из года в год указывает на эти и подобные недостатки нашей церковной жизни на Епархиальных собраниях духовенства г. Москвы Святейший Патриарх Алексий, но ничего не меняется. Спрашивается – почему? Во все не потому, что те, к которым обращено слово Патриарха, какие-то особенно «плохие», или саботируют указания своего Архипастыря. А потому, что таково довлеющее влияние духа социума, в котором мы живём. Именно то, что нынешний общественный менталитет всю силу наличествует и в церковной жизни, и является главным фактором, который препятствует развитию миссионерского ресурса Церкви.

Но, в свою очередь, в чём причина, по которой в Церкви уживается подобный менталитет? Почему Церковь не отторгает его, почему она терпит в себе наличие чуждых ей стихий? Выношу на ваш суд попытку ответить на этот вопрос.

Положение о неотрывности Церкви от общества должно быть очень выверено с церковной точки зрения. Фактом является то, что Православная Церковь отождествила себя со своими народами. Это обусловлено исторически, и в своё время – тогда, когда объём народов и Церкви совпадал – было плодотворно. Сегодня же отождествление Церкви и нации стало экклезиологически опасно: осуществляя эту идеологию на практике, Церковь оказывается всего лишь одной из частей народной жизни – причём эта часть всё уменьшается и маргинализируется, ибо таковы общемировые процессы.

В чём, собственно, заключается эта экклезиологическая опасность? Дело в том, что Церковь не может служить народу, как это делает, скажем, государственная система здравоохранения, образования или пенсионного обеспечения. **Церковь призвана служить Христу в своём народе;** иными словами говоря, единственное назначение национальной Церкви – приводить людей, личностей, составляющих народ, ко Христу, к полноте духовной и нравственной христианской жизни. Церковь не может отождествлять себя со всем объёмом народной жизни, хотя бы потому, что она должна быть для народа нравственным и духовным ориентиром. Это всегда связано с определённой дистанцией по отношению к народу, с критическим осмыслением его истории и современности в свете Евангелия.

Если церковная действительность находится в норме экклезиологического сознания, то примером для неё должны являться пророки и апостолы, вовсе не хвалящие свой народ, но нещадно обличавшие его; святитель Филипп Московский, прав. Иоанн Кронштадтский, патр. Тихон и многие святые Христовой Церкви. Если народ (то есть – власти и общество) отступают от веры, от нравственности – Церковь обязана

со смелостью давать этому евангельскую оценку. Для Церкви превыше всего всегда должна быть Евангельская правда. Только служба Христу, можно подлинно служить и своему народу.

Когда же «единство Церкви и народа» оказывается вне контекста служения именно Христу, то возникает ситуация «двух господ», о невозможности одновременного служения которым ясно сказал нам Господь. Церковь перестаёт быть деятельным нравственным ориентиром, и фактически оправдывает наличное состояние народа, каким бы оно не было (что отчётливо выражено в известном церковном документе 20-х гг. прошлого века: «ваши радости – наши радости»). Следствием этого является потеря Церковью, во-первых, сознания вселенскости, универсализма во Христе, а во-вторых – собственно то, о чём мы и говорим – угасание миссионерского горения. Масса исторических примеров свидетельствует об этом. Церковь стала служить Византийской империи – и «проморгала» ислам, не отреагировала миссионерски на его появление, а потом было уже поздно. Греки не захотели возиться с лютеранами, когда они в середине XVI века обратились к ним – и упустили возможность вернуть в православие пол-Европы. Проф. Дворкин приводит в своём учебнике Истории Церкви факт, когда Кемаль Ататюрк обратился к Вселенскому Патриарху с предложением устроить «крещение Турции» – Патриарх отказался, под предлогом того, что Православие – вера греков...

Сегодня в среде людей церковных нет осознания того, что народ – это одно, а Церковь – всё же нечто иное, что одно не сводимо к другому, и Церковь должна не обслуживать религиозно-магические нужды населения или восполнять идеологический вакуум, а возвещать Евангелие Христово словом, и главное, делом. Без этого осознания у Церкви не может быть сил, во-первых, противостоять тем началам, которые определяют жизнь современного общества, а во-вторых – давать импульс подлинной миссии. Пока идея «народ и Церковь – едины» не получит экклезиологического осмысления – ни сил, ни ресурсов на системные миссию и катехизацию у нас не будет, частных же миссионеров и катехизаторов будут с успехом травить, видя в них врагов, разрушающих это мифологическое «народное единство».

IV

Но что же нам делать, чтобы миссионерский ресурс в нашей Церкви появился? Прежде всего – ни в коем случае не устраивать никаких революций, реформаций, обновленчества и т.п. Начало всему – в осознании каждым из нас истинного положения вещей. Это то, о чём не раз говорил Святейший Патриарх Алексий: назвать (для себя хотя бы) вещи своими именами: грех – грехом, глупость – глупостью, отступление от Евангелия – отступлением от Евангелия, и не оправдывать частные и общественные злодеяния и отступления от истины Христовой тем, что они «наши», «отечественные», и исключительно по этой причине – правильные и хорошие. Нравственная энергия (да и миссионерство, и всякое церковное делание) начинается всегда с *правды*. Ложь, миф, самооправдание, помимо того, что они сами по себе противны Духу Истины, Который живёт в Церкви, опасны как раз тем, что они отнимают внутреннюю силу исполнять дело Божие: они – как педаль сцепления, размыкающая двигатель и колёса: машина под горку катится, но в горку уже не въедет, да и на льду забуксует...

Протоиерей Димитрий Смирнов высказал как-то мысль, что у Церкви всё должно быть своё: школы, ВУЗы, заводы – государство в государстве. Эта прекрасная идея; увы, она нереализуема в наше время. Но можно начать с главного: с того, что у Церкви должен быть свой, а не тот, которым руководствуется сегодняшнее общество, строй мыслей – евангельский и подлинно церковный. Если общество поклоняется деньгам, стремится к гламурной жизни, исполнено безнравственности, безответственности, бездушного отношения к людям – то Церковь никак не может жить этими началами, в ней всё должно быть наоборот: она должна являть любовь, милосердие, взаимопомощь, подлинную культуру. Если общество оценивает свою историю в духе гордости и тщеславия – то в Церкви должна звучать смиренная и покаянная правда.

Вот я говорил о правильном экклезиологическом сознании – что оно такое? В контексте нашей темы взаимоотношения с обществом это сознание того, что Церковь – такая реальность, что между ней и миром всегда «искрит». Понимание принципиальной несводимости и, так сказать, «евангельской вражды» между миром сим и Церковью плодотворно и для Церкви, и для народа. Для нас – людей церковных – потому что мы ясно видим, какому из «двух господ» нам следует служить; для мира – ибо только тогда, когда Церковь является Церковью, а не придатком народной жизни, она светит миру, оплодотворяет культуру, является нравственным авторитетом для людей. Сегодня, на мой взгляд, мы плохо это понимаем.

Итак, исходить нужно из осознания этих проблем, из того, чтобы вернуть наше экклезиологическое сознание к своей вселенской, **неотмирной** норме. На практике – ещё раз повторю – это не обновленчество, не реформы, не революции. Не нужно для этого ни увлекаться словесными обличениями, ни ссориться с властями, ни отказываться от того сотрудничества с ними, какое есть, ни уходить в пещеры, ни, тем более, вставать в позицию, занятую ныне еп. Диомидом. Обличать мы можем, когда у нас внутри всё в порядке, когда наша церковная жизнь – образец и пример для людей. Вот с этого и надо начинать: внутри Церкви, нисколько не разрушая её традиций, устраивать жизнь, строящуюся не по мирским, но по церковным началам. Для этого прежде всего нужно противостоять Религии Денег в наших сердцах и умах; противостоять стадности, мифологическому сознанию, лжи, абберации нравственности... Всё это требует исключительно личных усилий, поэтому и возможно для каждого. Личные же усилия этого рода, с Божией помощью, рано или поздно наберут критическую массу и повлияют на общее состояние церковной среды.

В деле же миссии и церковного просвещения – реализовывать катехизацию, прежде всего, как научение истинной жизни во Христе – в добре и милосердии; миссию – как освобождение человека от безумных и злобных стихий мира сего. Наконец, и миссия, и катехизация должны открывать людям Православие (ещё раз подчеркну – современным языком и адекватно сегодняшнему дню) не как всего лишь былое и нуждающееся в реанимации наследие народной жизни и не как перемещение в виртуальное прошлое. Подлинное православное христианство – это то, что реально, именно сегодня, даёт благодатную силу жизни людям, величайшая драгоценность на земле, вселенская неотмирная истина, путь к бессмертию и счастью во Христе, к единственно достойному человека существованию. Именно об этом мы должны свидетельствовать своей жизнью и словом проповеди.

Благодарю за внимание.

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

ОПУБЛИКОВАНО В СОКРАЩЕНИИ В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК» ПОД НАЗВАНИЕМ «БЫТЬ ПОНЯТЫМ», № 24, ДЕКАБРЬ 2005 Г.

I

В начале лета мне довелось представлять Патриарший центр духовного развития детей и молодёжи при Даниловом монастыре, сотрудником которого я являюсь, в Государственной Думе. На круглом столе, посвящённом вопросам демографии, компетентные, заинтересованные и болеющие за дело люди со всех концов России излагали печальную статистику и те или иные предложения для исправления катастрофической ситуации в этой области. В ходе обсуждения выкристаллизовались две основные точки зрения. Одна – что необходима пропаганда многодетности, престижа семьи, что нужно изменять современную антисемейную идеологию, противопоставляя ей идеологию иную, позитивную, и т.д.

Другая, высказанная автором этих строк, сводилась к тому, что люди не просто рожают детей, а воспитывают и всячески обеспечивают их. В связи с этим демографическая проблема в некотором смысле вторична, ибо она зависит от проблемы нестабильности семьи вообще. Нежелание иметь много детей происходит во многом от отсутствия государственной поддержки и от тревоги за будущее своих детей, которую внушают людям так называемые «реформы», а на деле коммерциализация образования и здравоохранения, невозможность улучшить жилищные условия, положение в армии и многое другое. Кроме того, в силу нашей исторической памяти, идеология в нашей стране может быть действенной не иначе, как только если она подкреплена конкретными делами. Если же просто внушать людям: рожайте! семья – это «круто!» – а не способствовать этому продуманной социальной политикой, то пропаганда даст обратные результаты; к тому же Государственная Дума – как раз такое учреждение, которое и призвано, и имеет реальную возможность решать именно социальные проблемы.

Была на круглом столе представлена и третья точка зрения. Её озвучил присутствующий на заседании ещё один священник. Своё выступление он начал так: «ну, к сожалению, Церковь у нас пока ещё отделена от государства...» По аудитории пронёсся неодобрительный шум. (Меньше всего мне бы хотелось, чтобы читатель воспринял мои слова как порицание моего собрата – достойнейшего пастыря и прекрасного человека. Я говорю исключительно об образе мыслей, о высказанной позиции.) Далее батюшка сослался на Библию, которая говорит, что семья – это хорошо, и заговорил о том, что решить демографические вопросы может Церковь. «Опыт показывает», говорил батюшка, «что когда Церковь присутствует, например, в тюрьмах – там лучше дисциплина; в армии – меньше дедовщины; в школах дети меньше шалят...» Но несмотря на это, Церковь в лице священников особо никуда не пускают, и это – корень зла. Решение проблемы – допустить духовенство в школы, детские учреждения и вообще всюду. «Недавно в одном из городов России Церковь провела специальную пропагандистскую компанию – и рождаемость там сразу повысилась...», закончил своё выступление батюшка. Присутствующий на заседании депутат от названного священником города довольно громогласно усомнился в этом, а сидевший рядом со мною чиновник министерства образования, с которым мы по ходу круглого стола время от времени обменивались репликами, наклонился к моему уху и сказал: «ага, пусти вас...» Батюшку вежливо выслушали, поблагодарили за выступление, и дискуссия опять пошла между первым и вторым вариантом. Третья точка зрения не повлияла на ход её, хотя многие участники круглого стола и говорили о важности сотрудничества Церкви и государства.

По окончании заседания мой сосед объяснил мне свою позицию. «В своё время», рассказал он, «я был начальником районного управления областного департамента образования. Мы решили ввести Основы православной культуры. Я захотел послушать урок ОПК и отправился в одну из школ. Пришёл батюшка – в шестой класс. Половину занятия он рассказывал детям об этих... как это у вас... ну, то, что после смерти...» «Мытарства», – подсказал я. «Во-во, про мытарства. Затем он как-то сразу перешёл на Царя-мученика и стал говорить, что мы непременно должны восстановить самодержавие, потому что только этим мы можем спасти Россию; а в конце урока заявил, что нам обязательно нужно противостоять глобализации, а для этого девочки всегда должны ходить в юбочках и косынках. После этого урока я распорядился, чтобы в моём районе нога священника не переступала больше порога школ... Я верю в Бога, и я вовсе не против Церкви, но я – простите меня, батюшка – против вашего сословия. Вот вы всё требуете, а что вы можете взамен-то дать? С вами дело иметь очень трудно, вы как будто из XIX века вывалились...»

Я возвращался из Государственной Думы в монастырь, и, сдавливаемый со всех сторон своими соотечественниками в московской подземке, думал о словах, которые мне было неприятно слышать... но на которые и нечего было возразить. Вот я сам, лично, убедился, что чиновники, которые «не пускают» Церковь – вовсе не злонамеренные или «купленные мировой закулисой» люди. Они искренне желают улучшения и исправления ситуации в нашей стране, но, при достаточном пиетете к Церкви не очень-то

хотят иметь дело с её представителями – нами, клириками. И, похоже, они имеют для этого основания... Давайте же рассмотрим – какие.

II

И первое, о чём придётся сказать – это о своеобразном «клерикализме». И Церковь, и государство солидарны в том, что для полноты общественного блага важен и востребован опыт Церкви. Но чиновники контактируют в подавляющем большинстве с духовенством; и очень нередко возникает вопрос – а, собственно, выражаем ли мы, клирики, опыт Церкви? Наблюдая за современной церковной жизнью, я пришёл к выводу, что часто опыт Церкви подменяется опытом тех или иных конкретных священнослужителей... а это, увы, далеко не одно и то же. Духовенство (я не говорю, разумеется, обо всех клириках, и не о большинстве; но даже и некоторых представителей нашего сословия хватает, чтобы о нас складывалось нижеследующее впечатление) живёт в совершенно особых условиях. Рукоположение переносит человека в весьма специфическую сферу самооценки и отношений с миром; к сожалению, не все пастыри понимают и учитывают это. Мы привыкли быть «над» людьми, «сверху»: нам должны благоговейно внимать, целовать ручку; в сообществе людей мы всегда первые. Мы можем изрекать всё, что нам придёт в голову («от ветра головы своя», по словам Святейшего Патриарха Алексия II), и люди будут поддакивать нам и говорить: «правильно, батюшка!», или (с придыханием): «так батюшка сказал». Нередко мы думаем, что духовный сан делает нас компетентными абсолютно во всём, и считаем себя вправе с уверенностью и апломбом судить даже о тех вещах, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Мы начинаем злоупотреблять в разговорах, в том числе и там, где это совершенно неуместно, особой лексикой: «благословляю», «не благословляю», «за послушание», «смирись» и проч. Мы говорим всем (кроме начальства, разумеется) «ты» – в том числе и людям, намного старшим нас. Мы искренно считаем, что все обязаны почитать нас, и привыкаем к беспрекословному подчинению нашим словам и распоряжениям. От всего этого многие из нас распускаются, начинают манипулировать людьми, считать, что наша паства обязана нам – в немалой степени – и материально... Всё это происходит в нашей весьма узкой церковной среде, и становится возможным потому, что многие церковные люди переносят (а мы, бывает, их так и воспитываем) смирение перед достоинством Церкви и почтение к священническому сану лично на носителей сана, на нас – независимо от нашего нравственного состояния. Святитель Феофан Затворник писал, что пастырь должен много и долго трудиться над собою, чтобы приобрести уважение и вес, заслужить доверие к себе – оно не обеспечивается автоматически просто наличием сана; немало клириков, увы, забывают это. Часто мы вместо образца доброты, такта, деликатности, воспитанности, уважения к людям, понимания их проблем являем собою прямо противоположные качества... От всего этого мы нередко «выпадаем из реальности» и становимся просто неадекватными людьми. Я не раз обращал внимание на то, что многие священники могут общаться только с народом церковным, а с «внешними» – не могут... последние, поговорив с таким батюшкой, пожимают плечами и чешут в затылке... Вот реальная картинка. Областной центр. Городская администрация. В здание входит священник с большой рыжей бородой, в кирзовых сапогах и с холщёвой сумой за плечами. Из этой сумы он достаёт бумажные иконки и иерусалимские белые свечи. «Раб Божий?», говорит он вахтёру. Тот в изумлении моргает, не понимая, чего от него хотят. «Имя как?», поясняет батюшка. «Валерий Сергеевич», лепечет вахтёр. «Вот, возьми иконку и свечку. Крещёный?» Валерий Сергеевич с трепетом (отнюдь, я думаю, не религиозным) кивает головой и берет неожиданный подарок. Батюшка вступает в коридор, по которому снуют туда-сюда озабоченные женщины с разными административными бумагами. Проходя мимо каждой, батюшка вопрошает: «раба Божия?», и т.д., см. выше. Женщины жмутся к стенам... им вручается иконка и свечка... наконец батюшка исчезает в нужном ему кабинете, нимало не обращая внимания на очередь в него «простых» людей... Через час на стоянке батюшка садится в машину. К ней подходит охранник, говоря: «стоянка платная, десять рублей». Через оконную щель появляется купюра. Охранник берёт её, но священник, в свою очередь, её не отпускает, говоря: «надо жертвовать на Церковь-то!» Охранник тянет деньги к себе, батюшка – к себе. Некоторое время продолжается это «перетягивание каната» через приспущенное стекло; наконец купюра рвётся...

охранник, махнув рукой, уходит... Батюшка при всём этом, вероятно, вряд ли задумывается, какой он производит «эффект»: он живёт в своей реальности...

Но дело ведь в том, что (возвращаясь к нашей теме) то, что «проходит» в церковной среде, становится неуместным во всём остальном мире. Чиновники – люди в большинстве своём нецерковные, не знающие и не понимающие всех этих наших «примочек». Они вовсе не обязаны почитать нас и смиренно нам подчиняться. Они видят в нас не носителей непонятого им сана, а как бы равных себе, то есть ответственных в своей сфере адекватных и компетентных людей. Но оказывается, что нередко мы не соответствуем этому вполне естественному представлению. А ведь по нам судят о Церкви, да притом не частные лица, а люди, от которых действительно многое зависит. Достаточно одного батюшки, не знающего, о чём и как говорить с современными детьми – и школы всего района остаются без ОПК. Священник устраивает, сам не видя того, «шоу» в областной администрации – и многие административные работники при слове «Церковь» ухмыляются и думают: а надо ли вообще с ними связываться? Один высокопоставленный человек, выдающийся нарколог и психолог, рассказывал мне, что его начавшееся воцерковление надолго остановилось после того, как священник сказал ему, что «мечтать – это грех»... В лице нас, клириков, Церковь нередко представляется неким странным заведением, перед которым чиновники должны «построиться» и «жертвовать». «Строиться» они не хотят, и мы начинаем обвинять их: они-де нас недооценивают, Церковь «не пускают», с нами дела иметь не хотят... а нужно не с «клерикальной», а с нормальной, человеческой точки зрения посмотреть: а почему не хотят? А вот именно потому, что в наше время недостаточно просто принадлежать к Православию и только лишь на этом основании что-то требовать от других. Сегодня нужно делами доказывать достоинство своего исповедания и соответствовать ему. Коль скоро мы действительно хотим сотрудничать с властью на благо наших соотечественников, а не просто «выбить деньги», выгнать протестантов или решить свои узко-партийные проблемы, мы должны не укорять чиновников, а посмотреть на себя со стороны и постараться *сначала* сделаться просто адекватными людьми, чётко осознавая пределы своей компетенции, *затем* – являть христианское учение в себе самих, быть образцом порядочности и культуры, и *только потом*, и только если это будет уместно, апеллировать к «духовности»: цитировать Библию, раздавать иконки, призывать к жертвенности и определять для людей, что грех, а что не грех...

III

Есть и вторая проблема, препятствующая плодотворному сотрудничеству Церкви и государства. Область такого сотрудничества по преимуществу социальная; но у нашей Церкви на сегодня нет (или их крайне мало) концептуальных социальных программ. (Речь идёт не о том, чтобы Церковь подменяла собою деятельность или восполняла бездеятельность государства; имеются в виду *церковно-социальные* программы, направленные на выражение сущностной деятельности Церкви в обществе.) Мы совершенно справедливо заявляем, что в определённых социальных сферах опыт Церкви незаменим; но на данный момент у нас нет сколько-нибудь значимых общецерковных системных разработок, которые позволили бы успешно приложить этот опыт к реалиям сегодняшнего дня. В силу этого все наши благие желания и порывы не идут далее деклараций, в лучшем случае каких-то частных одномоментных акций. Декларации же, не подкреплённые продуманными чёткими и ясными планами с соответствующими для их выполнения средствами, чреватые двумя опасными вещами. Во-первых, это апелляция к чуду: пусть только духовенство в школы, в армию, etc. – и всё там само собою выправится к лучшему: дисциплина улучшится, дедовщина исчезнет, дети не будут хулиганить и т.д. Во-вторых, это вытекающая отсюда безответственность. Один знакомый священник, служащий на окраине небольшого российского городка, рассказывал мне, как однажды он, воодушевлённый епархиальным начальством, стал с амвона, в проповеди, призывать своих прихожан повышать рождаемость. После службы к нему подошла женщина и сказала: «батюшка! вот у меня двое детей. Мы с мужем получаем на двоих 10 000 рублей в месяц, едва сводим концы с концами. Хорошо бы, конечно, завести ещё детей; но как мы будем их содержать?

Сможет ли наш приход помочь – выплачивать, например, хотя бы тысячи три-четыре в месяц?» Батюшка ответил: «мы бы рады, но, к сожалению, мы не сможем... вот у нас крыша течёт, нужно платить за иконостас, я не могу найти денег, чтобы оплатить налоги и коммунальные услуги...» Женщина спросила: «ну, может быть, поможет епархия?» Батюшка невесело усмехнулся... и больше уже не проповедовал на эту тему.

Действительно, вот мы от лица Церкви бросаем те или иные призывы – а дальше что? Господь поможет? Все проблемы, материальные и социальные, чудесным образом разрешатся? К сожалению, чудеса совершаются в Церкви независимо от социального заказа и далеко не в массовом порядке... а в результате Церковь может выглядеть довольно безответственной, в том числе и перед чиновниками. Люди государственные хотят от нас реальных действий, проработанных планов, обдуманных программ – а их нет. Чиновники не знают, чего от нас, собственно, и ожидать, – ибо если нет чётко продуманной концепции, дело начинает зависеть от, так сказать, частных церковных лиц, занимающихся данной деятельностью, – а что им, каждому, в голову придёт, только один Бог знает. Чиновники рискуют – что это будет: ОПК или ИНН-щина... и предпочитают не рисковать.

Отсутствие вышеупомянутых социальных программ высвечивает, в свою очередь, ещё более важный вопрос – отсутствие системной деятельности внутри самой Церкви. В нашей современной церковной жизни масса проблем этого рода. Укажу некоторые: отсутствие концептуальной молодёжной работы, катехизации, благотворительности, миссии... В этих областях всё держится на энтузиастах, нередко несущих свой подвиг без какой бы то ни было поддержки со стороны церковных структур. Низок уровень образования духовенства. Не на высоте уровень преподавания в церковных учебных заведениях. В приходской жизни процветают магизм, старцепоклонничество, ужасающее невежество, доходящее до кликушества – достаточно вспомнить упомянутые уже пресловутые ИНН... и прочее, и прочее, и прочее. Вот я перечитывал недавно материалы Архиерейского Собора 2000 года. Святейший Патриарх Алексий II говорил о необходимости создания литургической комиссии, об упорядочении богослужения, о том, что молодёжная и катехизационная работа должна быть приоритетной и со стороны внимания пастырей, и со стороны средств... вот 2005 год на исходе – а воз и ныне там. Соответствующие этим задачам церковные структуры работают более чем недостаточно. – Я говорю об этом безо всякого осуждения: я понимаю, что нет сил, нет средств, нет кадров... Но это видят и люди внешние, и чиновники, которые вполне закономерно удивляются: как так? требуют от нас, чтобы их всюду «пустили», говорят, что они решат все наши проблемы, а у самих, в собственном, так сказать, доме, «конь не валялся»?

Очевидно, что Церковь может помочь обществу, когда она выявляет, осуществляет в жизни себя, Христову Церковь, а не когда она берёт на себя внешние вещи, пренебрегая при этом своим существенным внутренним содержанием. Завоевать авторитет и уважение и реально влиять на общество мы можем только, именно реализуя себя как Православную Церковь во всём богатстве её духовной и социальной жизни; а это невозможно без решения вышеназванных церковных проблем. А если мы не начнём их решать, наши интенции не будут никем воспринимаемы, потому что они останутся на уровне уже изрядно надоевших всем слов, но не реальных дел. Поэтому прежде, чем требовать, чтобы нас всюду «пустили», давайте сначала внутри, у себя, разберёмся, и начнём, наконец, что-то делать – хотя бы в меру тех сил и средств, которые есть у нас сейчас...

В заключение скажу, что из вышесказанного совершенно не следует, что я «против» сотрудничества государства и Церкви, или что его нужно отсрочить на неопределённое «потом», когда у нас внутри Церкви всё «засверкает». Не «против» я, а обеими руками «за» сотрудничество, и именно сейчас, не теряя драгоценного времени. Общество нуждается в Церкви – ибо, как я уже говорил, есть области, в которых её опыт незаменим и приоритетен, да и вообще, где исконные и прочные человеческие и общественные ценности, как не в Христовой Церкви? и Церковь нуждается в помощи государства для обустройства внешней стороны своего бытия. Я хочу лишь, чтобы в этом сотрудничестве Церковь

выступала достойной самой себя, чтобы мы, её члены, а особенно пастыри, не бросали на неё тень, и чтобы сотрудничество это строилось на основе взаимного уважения, компетентности и профессионализма, а не одностороннего клерикализма и безответственности.

О ЦЕРКВИ, КУЛЬТУРЕ И РОК-МУЗЫКЕ

ОПУБЛИКОВАНО В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК» ПОД НАЗВАНИЕМ: «РОК-МУЗЫКА И РОК-ПРОПОВЕДЬ», № 13-14, ИЮЛЬ 2006 Г.

I

Сначала несколько общих соображений.

Сегодня перед нами со всё большей и большей остротой встаёт вопрос – почему Церковь становится малоубедительной для огромного числа людей, особенно для молодёжи? Одной из важнейших причин этого является следующее. Церковь – это не голый спиритуализм, не исключительно духовность; Церковь целостно охватывает всего человека, все сферы его жизни. Духовность же свою Церковь выражает посредством определённой культуры, которая есть культура слова, *logos`а*, личной, самостоятельной и ответственной рефлексии (не путать с приходской субкультурой). Эта культура глубоко традиционна и – в лучшем смысле слова – консервативна.

Современные люди не только от рождения, но уже и на генетическом уровне живут в совершенно иной культуре: для более старшего поколения футбольно-кинематографичной, для молодёжи же – компьютерно-клиповой. Это прежде всего культура видеоряда и массовых медиа-технологий, которые обесмысливают традиционную эстетику. Музыка из высочайшего искусства превращается в попсу, – ибо если она играет и гремит из всех точек пространства, она не может не обесцениться. Изобразительное искусство из-за перестройки мышления на прежде всего видеовосприятие теряет значение искусства и становится повседневным фоном. Литература, соответствующая высокой эстетической заданности прошлых времён, просто не может пробиться к массовому читателю из-за массовости же полиграфии... и т.д. Количество слов в сегодняшнем мире, обеспеченное системой массовых коммуникаций, девальвирует и обесценивает смысл слова. В научном обиходе всё это называется «постмодернизмом»; в практическом ключе современная культура – это оболванивающая стадность политтехнологий, спортивных трансляций, рекламы, MTV и мобильно-интернетности. Дальше всего она именно от индивидуального осмысления жизни, от *logos`а*, слова, его ценности и значимости.

Именно здесь, на мой взгляд, коренится малопродуктивность современной церковной проповеди: в нестыковке культур. Церковь обращается к людям на своём языке, а современный человек – не то, что он «плохой», хуже, чем люди, скажем, XIV века, – но он просто не «въезжает» в ту культуру и те слова, которыми оперирует Церковь. Людям поэтому тяжело читать Евангелие, воспринимать традиции Церкви, а тем более – перестраивать в соответствии с ними свою жизнь. Этико-культурный «резерв» современного человека не способен вместить этого.

II

Что делать? Ну конечно, ни в коем случае не становиться Церкви клипово-мобильной (есть такие попытки), хотя, безусловно, в деле миссии необходимо учитывать особенности современной культуры и пользоваться ими, говоря с людьми на их языке. Нужно осознать (и прежде всего – пастырям Церкви и людям, причастным к делу миссии и катехизации), что на Церковь сегодня свалилась почти неподъёмная задача – включать в воцерковление и «во-культуризацию»; вместе с Евангелием, а порой и до него,

знакомить людей с исторической традиционной Евангельской человеческой культурой. Сразу нужно оговориться, что под культурой я здесь понимаю, с одной стороны, не памятники церковной жизни, и не перемещение человека из современности в ностальгически-этнографическое прошлое; с другой стороны – не походы в консерваторию или картинную галерею (хотя это далеко не лишне, надо сказать). Христианская культура – это прежде всего способ мыслить, это фундамент этики и эстетики, основанный на личной ответственности и христианской свободе, на мировосприятии не-стадном, чувствующем и понимающем многогранность и сложность христианства и вообще жизни.

Это очень важно в деле миссии. Христианизация – это как прививка плодового черенка дереву; для того, чтобы нам получить плод, необходимо как минимум здоровое «дерево», к которому прививается благодать Христова. Если раньше традиционный («доэлектрический») социум представлял собою именно такое дерево, то сегодня положение решительным образом изменилось. Деревьев нет, и Церкви приходится самой сначала их выращивать, и самой потом уже прививать. Приходя к людям, начиная говорить с ними о Христе, необходимо учитывать это. Привьётся ли наше слово? Не бывает ли так, что ему и привьётся-то не к чему? Может быть, не о Церкви нужно начинать говорить «в лоб», а прежде о том, что человек – не часть толпы, что у него есть от Бога голова не только для того, чтобы он ею ел и смотрел телевизор, а чтобы осмыслил себя как личность. Может быть, сначала необходимо сказать о человеческом достоинстве, о здравомыслии, нравственности, порядочности, воспитанности и о многих простых вещах, о которых наши соотечественники имеют, увы, очень малое представление, – и потом уже к этому прививать благовествование Христова. Осмысление этой проблемы, практическое её решение – первоочередная задача миссии в постмодернистском культурном пространстве.

III

В свете вышесказанного – несколько замечаний о «рок-проповеди», которая вызывает сегодня споры в церковной среде. Надо ли священнослужителям, миссионерам идти в рок-мир, проповедывать на рок-концертах? Непременно, обязательно надо. То, что делают игумен Сергей (Рыбко), диакон Андрей Кураев и другие наши рок-проповедники – дело важное и необходимое. Но это дело и новое для нас; первые опыты показали его нужность и успех, но и поставили вопросы, с которыми, я думаю, рок-миссионеры обязательно столкнутся, когда спадёт первая волна энтузиазма этого необычного вида проповеди. Вопросы эти – «а что дальше?» Миссионерский импульс мы дали; но каковы будут следующие, уже педагогические, шаги?

Выше я отмечал, что многим людям тяжело воспринимать Евангельскую весть и церковные традиции, потому что их внутреннее устройство и внешняя среда культурно «не вмещают» полноту христианства. Способна ли вместить эту полноту рок-культура? Будучи по образованию и интересам академическим музыкантом, попробую порассуждать на эту тему с точки зрения музыкальной эстетики (сознательно не затрагиваю социальные и прочие аспекты рок-культуры).

Рок-музыка по всем без исключения параметрам представляет собою *низший жанр*. Во-первых, единственная музыкальная форма рок-музыки – песня (прямолинейная подача смысла, что почти недопустимо в художественном произведении). Во-вторых, мелодическая, гармоническая и ритмическая компоновка этих песней, как правило, весьма примитивна: квадратные построения, бесконечные повторения, три-четыре аккорда, непрестанное подчёркивание ритма и проч. (учитывая богатство музыкальных средств выражения, ограничение лишь примитивнейшими из них неизбежно сводит рок-музыку к первобытной эстетике). В-третьих, рок невозможен без электрозвука, противоположного по сути естественным акустическим тембрам музыкальных инструментов. В-четвёртых, рок-музыка предполагает обязательную «обратную социальную связь»; стандартно-ансамблевая при исполнении, она требует аудитории; её не поиграешь «для себя», уединившись за фортепиано (а в связи с примитивизацией средств художественного выражения обязательно происходит

и примитивизация аудитории). И так далее, не буду утомлять читателя профессиональными подробностями. – Я не говорю о содержании текстов, о мастерстве и обаянии самих рок-музыкантов; речь, повторю, идёт исключительно о музыкальной стороне вопроса. И, на мой взгляд, с этой точки зрения эстетика рока не может вместить в себя весть о Христе.

Вообще в художественном творчестве, как известно, большие проблемы с достойным выражением положительного идеала; а уж адекватно говорить о Боге посредством эстетики можно лишь в виде исключения. В музыке, пожалуй, одному лишь И. С. Баху удалось с великой силой художественной убедительности говорить о Христе, и то за счёт того, что его искусство – изощрённейшее, интимнейшее, на пределе сложности – опирается на древнюю европейскую религиозную музыкальную символику и литургические тексты Лютеранской Церкви, без знания чего мы не можем понять музыки Баха (а в наше время и для проникновения в эту область знания требуется значительное культурное и личное усилие и желание). Но Бах – исключение; уже обычная классическая музыка, вооружённая богатейшим арсеналом художественно-выразительных средств, с гораздо меньшей адекватностью (чем творчество Баха) способна выразить содержание христианства; тем менее это может низшее и примитивнейшее с музыкально-эстетической точки зрения явление – рок-музыка.

Не нужно думать, что это отвлечённые рассуждения. Эстетика с трудом может довести человека до начатков божественной гармонии (всего несколько имён в истории человечества); но она может запросто обрушить благие религиозные интенции творца до неожиданно низкого уровня подмены смыслов. Для примера возьмем нашего самого известного православного рок-певца – Константина Кинчева. Каким бы он не был лично замечательным православным христианином, в рамках рок-культуры говорить именно о Христе и евангельской жизни у него не получается. Рок-эстетика снижает его мысль до околочристианских вещей: он поёт о «небе славян», о Руси, о том, что сейчас позднее, чем можно было себе представить («православные» страшилки), и проч. Легко завести зал на рок-концерте, чтобы полупьяная молодёжная аудитория вслед за своим кумиром ревела: «мы – православные»; но возможно ли в рамках рок-концерта дать человеку подлинно художественный импульс к осмыслению того, что должно стоять за этим словом? Мне видится здесь опасность совершенно неверного восприятия Православия. Не одушевлённое подлинным христианским содержанием, оно, вслед за эстетическим, неизбежно снижает и этическое, и духовное своё значение (как тут не вспомнить Бродского: «эстетика – мать этики»), и превращается в некую «православную» идеологическую оболочку, под которой скрывается массовая молодёжная агрессия; а она может так или иначе выплеснуться (и уже выплёскивается), что отнюдь не служит ни полноценному воцерковлению этих молодых людей, ни авторитету Церкви.

IV

Итак, что мы в перспективе хотим от нашей проповеди на рок-концертах? Внести в рок-культуру элементы внешнего, «сниженного», обскурантски-националистического «православия»? Как любую агрессию и любой примитив, рок-культура, будучи в значительной степени примитивной и агрессивной по природе, такое «православие» примет и «переварит». Нужен ли такой результат нам (и – кстати – самой рок-культуре)? Или всё же мы хотим благовествовать Христа и евангельскую жизнь в Его Церкви? Но это возможно, если мы, хотя бы частично, выведем людей за рамки собственно рок-культуры и введём их в гораздо более высокую и во многом иную культуру христианства. Именно это направление в рок-проповеди представляется мне единственно возможным, если мы желаем действительного успеха нашей миссии в этой области. Конкретные же шаги такого миссионерства – повторю, принципиально необходимого – нуждаются в обсуждении всех, трудящихся на ниве апостольского служения в молодёжной среде.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

ОПУБЛИКОВАНО В «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ», ТОМ 45 (2008, №6)

Каково будущее России? Думаю, что любой россиянин так или иначе задумывается над этим вопросом. Обычно рассуждения этого рода по большей части касаются экономического, политического, социального, реже — культурного аспекта жизни страны. Но мне представляется, что гораздо более значимым является аспект нравственный. Экономические, политические, социальные и культурные процессы не совершаются сами по себе; они творятся людьми и для людей. Источник и цель всякого действия — человек; следовательно, состояние человеческой личности — в первую очередь, и объединения личностей, во вторую, — является главным определяющим фактором всех общественных процессов; состояние же личности относится к сфере нравственности.

В контексте политико-экономики-социальной жизни важным является понятие subsidiarity. Это значит, с одной стороны, такое распределение властных и общественных полномочий, при которых низшее звено институциональной иерархии (индивидуум, семья, община, ассоциация, гражданское объединение) обладает максимумом власти, чтобы выстраивать свою жизнь самостоятельно; с другой стороны, если для этого возможностей не оказывается — соответствующие усилия берёт на себя высшее звено, дабы неосуществимость самостоятельного бытия восполнялась, компенсировалась («субсидировалась») «сверху». Этот принцип положен в основу государственного устройства Западной цивилизации — например, федеративных структур Германии, Швейцарии и Евросоюза в целом.

Subsidiarity, будучи принципом прежде всего политическим, имеет, тем не менее, большое нравственное значение, ибо для своего осуществления она требует определённый тип человека; поэтому вполне можно говорить о subsidiarity личности как о нравственной категории. Вот признаки такой личности: максимальное развитие самостоятельности (что непременно включает в себя свободу и ответственность, каковы качества, по моему глубокому убеждению, имеют всегда религиозную, «вертикальную» природу); гражданственность (понимаемая здесь, во-первых, как горизонтальные связи взаимопомощи и солидарности, во-вторых — как приверженность общественному интересу, гармонично сочетаемому с полноценным индивидуальным существованием); готовность предоставлять самостоятельность нижестоящим; готовность приходить им на помощь, не требуя за это платы в виде их свободы; контроль за «субсидирующей» деятельностью вышестоящих. Разумеется, чтобы личность приобрела такие «subsidiarity» качества, необходимо соответствующее воспитание. Возможно ли оно в России?

Увы, воспитание subsidiarity личности, так, чтобы критическая масса таких личностей влияла на общество, в сегодняшней России невозможно.

По тесной связи общественных и церковных процессов затруднительно это и в современной православной церковной среде. В обоснование этого вывода предлагаю читателю следующие размышления.

* * *

Воспитание личности есть явление социальное, общественное. Так или иначе, в большей или меньшей степени, личность формируется в русле народного духа, национальных культурно-социальных традиций. Вне общественного контекста воспитать личность невозможно.

Россия с этой точки зрения страна в христианском мире уникальная. Традиции почти тысячелетнего духовного, культурного и общественного развития нашей страны оказались не просто сломаны, а с корнем выкорчеваны и с жестокостью, не имеющей аналогов в истории, уничтожены. Для меня несомненно, что Россия как цивилизация и христианская культура, как живая преемственная традиция закончила свое существование. Если говорить об этом «пунктиром»: отечество наше было сословной и в силу этого очень разноплановой страной; каждое сословие имело свой строй жизни и свои традиции. К началу XX века уже можно было говорить об очевидной тенденции всё большей открытости сословий и таком растворении их в общегражданской и политической жизни, при котором каждое сословие вносило бы в общество свои достоинства (дворянство — кодекс чести, образованность, общественные «служилые» идеалы; купечество — производственную инициативу, меценатство, благотворительность; мещанство—создание полноценной городской среды и т. д.) и нивелировало недостатки (крестьянство — косность, неграмотность; духовенство — обрядовость и проч.). Либеральные преобразования Александра II, начинающийся парламентаризм, столыпинские реформы, осознание необходимости реформ церковных; развитие науки и культурной жизни, повышение образовательного уровня, отсутствие в силу этого языкового барьера для интеграции с Европой и многое другое — давало надежду на то, что Россия постепенно, не без трудностей и «болезней роста», вызванных нашей азиатчиной и патернализмом, но станет полноценной европейской цивилизованной страной, не потеряв ни своих православных корней, ни самобытной культуры. Большевизм, пришедший к власти по причинам, во многом субъективным, воспользовавшись своеобразием военных действий, недееспособностью царского, а затем Временного правительства и опираясь на люмпенизированные низы мещанского сословия (при равнодушии сословия крестьянского, составляющего большинство населения России), стал физически, «под корень» уничтожать дворянство, купечество, казачество и духовенство, а впоследствии и крестьянство.

Разумеется, при этом не могло быть речи о сохранении каких бы то ни было традиций этих уничтожаемых сословий. Согласно словарному определению, традиция [лат. *traditio* — передача, повествование] — исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение формы деятельности и поведения, а также сопутствующие им обычаи, правила, ценности, представления. Здесь очень важна именно непрерывность этой самой передачи от поколения к поколению. Если эта цепочка прервана, то мы не можем говорить о живой традиции; все попытки ее восстановления всегда будут реконструкцией этнографического прошлого. При этом не помогают ни сохранившиеся (скажем, школы), ни восстанавливаемые (например, офицерство во время Второй мировой войны, Дума в наше время) институты, ибо важно, что и как институализируется, а не институты сами по себе. Когда институты возникают не в силу естественным порядком оформившейся общественной потребности, а «декларативно», тогда они формируют особую «традицию»: полный разрыв «институционального слова» и реального дела (за примерами далеко ходить не надо: советская Конституция, советская же «борьба за мир», сегодняшняя российская политика). Традиции современной России — исключительно советские. Наша апелляция к до-советскому образу жизни, усилия восстанавливать его (особенно заметные в церковной среде) абсолютно иллюзорны. Что бы мы ни делали, у нас выходит восстановление именно советских традиций.

Каковы же они? Первое — это тотальное, абсолютное, inferнальное нечеловеколюбие. Второе — такое же тотальное и абсолютное неуважение и презрение к личности, к индивидууму, в силу чего государственные интересы всегда над личностью превалировали. Нельзя сказать, что это было чуждо российскому досоветскому менталитету; и до революции такие интенции были сильны. Это, однако, не значит, что русский национальный характер ущербен, не способен к демократическому устройству общественной жизни (речь может идти лишь о неразвитости, своеобразной стадии «детства» в этом отношении). Дело в том, что христианским наше отечество стало на тысячу лет позже, чем цивилизованный мир, а культуре нашей (в европейском понимании Нового времени: наука, систематическое образование, эстетика досуга и проч.) и вовсе триста лет. История России показывает

нам, что благодаря, в первую очередь, Петровским реформам, Россия, как я уже сказал, постепенно усваивала начала европейской цивилизации и имела все шансы стать страной, с одной стороны, свободной и процветающей, с другой—подлинно христиански—православной. Но российская жизнь сменилась на советскую; а характерная особенность «советского» — что лучшие качества национального характера были уничтожены, а худшие получили развитие до возможного своего максимума. Это привело к тому, что в России нет, собственно говоря, народа как гражданского солидарного устойчивого (это важно — не проявляющегося спонтанно, по частным поводам, как, например, в деле Щербинского или ради отстаивания собственных домов в Южном Бутове, а именно как континуума жизни) общества. Есть масса прекрасных людей, но они не «складываются» в народ: между людьми нет солидарности, процент общественного недоверия, по данным социологов, доходит до 80-ти.

Если мы обратимся к постсоветской эпохе, то с очевидностью усмотрим, что в стране изменились политический строй и экономические отношения, но несколько не изменился советский менталитет. Из нового российского общества также не сложился народ. Мало того, он и не может сложиться, как раз по той причине, что русские традиции, на которые могло бы опереться гражданское делание (сами по себе бывшие слабыми, только начавшими укореняться с 60-х годов XIX века), прерваны; а на основе советского воспитания (главным содержанием которого было формирование «двойной жизни» и полного разрыва между словом и делом) могли возникнуть лишь дорвавшиеся до потребления атомизированные индивидуумы, что мы и наблюдаем. Для формирования (или возрождения) народа нет условий (главное из которых — самоуважение). В России продолжает иметь место тотальное неуважение к личности; дух власти и общества — нечеловеколюбие; общественные отношения — сатрапия. К этому необходимо прибавить действительное безверие большинства людей (при декларациях «православное™»), подмену подлинной православной духовности и христианской нравственности внешностью, и идеологией. Народ не способен к частной и общественной самокритике, попытки таковой вызывают раздражение и агрессивное отторжение. Это делает невозможным усвоение библейского, нравственного взгляда на историю и широко распахивает двери перед мифологией и демагогией. Следствием этого является отсутствие в России нравственной оценки исторической и современной жизни, что приводит на практике к моральной релятивизации общества и отдельных людей, его составляющих, что, в свою очередь, заставляет ожидать и библейского сценария «наказания» страны.

Прошедшие двадцать лет показали, что большинство наших соотечественников под стремлением к свободе понимали стремление к материальному благополучию. Когда оно было хотя бы отчасти получено, свобода и личностные ценности оказались совершенно не востребуемыми. На данный момент мы видим полное погружение большинства россиян в материальную сферу при отсутствии какой бы то ни было общественно значимой потребности в осмыслении жизни. Большевики действительно вывели новую «породу» человека, «советский народ» (этого «нового человека» Пушкин в свое время называл «чернью»). Современная Россия — это своеобразная смесь неофеодализма и охлократии.

Нынешний общественный контекст, в котором формируются личности, характеризуется, во-первых, тем, что руководит как властью, бюрократией, чиновничеством, так и большинством членов общества все что угодно, но только не общественный интерес; во-вторых, восстановлением крикливой лжепатриотической государственной пропаганды, в-третьих, тем, что вместо общественных ценностей сформировалась массово исповедуемая индивидуалистическая религия денег, в-четвертых (как это ни парадоксально прозвучит в связи с только что сказанным), стадностью сознания, формируемого прежде всего телевидением. С культурной точки зрения уровень народа чрезвычайно низок — как раз ровно то, что и вкладывается в понятие «чернь» (пример — повсеместное, без всякого стеснения, употребление людьми матерной брани: на улице, при детях). Мало того: произошла окончательная гибель русской интеллигенции. Если в империи она была на стороне слабых и обижаемых, а в советское время умудрялась как-то держать «фигу в кармане», то сегодня интеллигенция, вкусив прелестей

«потребления», насквозь сервильна и обслуживает сильных и обижающих. В советское время сервильность была хотя бы понятна: от нее зависела жизнь или по крайней мере минимум благосостояния; сегодня же интеллигенция сервильна исключительно по «велению души». Редкие исключения (публичных людей, выступающих — вовсе не против власти; сегодня власть и народ — одно целое, как, пожалуй, никогда; нет, против бесчеловечного и стадного духа сегодняшнего общества — можно пересчитать по пальцам) только подтверждают это положение вещей.

Одним из важнейших факторов в деле воспитания считается школа; от неё, по «советской привычке», обычно ждут чуть ли не главного воспитывающего влияния на подрастающее поколение. Правда, советское школьное воспитание (да и сам процесс обучения) базировалось на пропаганде и идеологии, поэтому собственно воспитания личности не происходило; но в тех условиях, когда семья не осознаёт себя главным ответственным за воспитание своих детей, ожидание осталось. Наиболее актуальным в таких условиях представляется гуманизация обучения, которая своим центром имеет величайшее сокровище земной жизни — христианскую европейскую культуру (и русскую как часть ее). Причём речь идет не столько о знакомстве с памятниками ее, сколько об усвоении христианской культурной парадигмы: культуры слова, мысли, личностной нравственной рефлексии, эстетики.

Но на практике это осуществить сегодня вряд ли возможно. Во-первых, помимо общемировых процессов дехристианизации, в России ныне чрезвычайно сильны и усиливаются антизападные интенции, то есть сознательное изымание себя из общехристианского культурного контекста; во-вторых, отсутствует общественный спрос на гуманизм как человеколюбие вообще и христианский гуманизм тем более (ибо последний предъявляет неприменные требования нравственности от личности и общества); в-третьих, отсутствует общественное согласие о всеобщих ценностях и интересах.

В силу вышесказанного воспитание личности, свободной, с одной стороны, от коллективизма (сегодня он трансформировался в лжепатриотизм, поклонение деньгам, все более «понижающую планку» масскультуру и всеобщее взаимное ожесточение), а с другой, от индивидуализма (возникающего — если не брать индивидуальное потребление, возведенное в главную жизненную ценность, — как реакция «уйти от всего этого», ибо на ситуацию невозможно повлиять общественными, гражданскими методами¹) делается чрезвычайно трудной задачей. Оно потребует двух вещей: первая — позиции частного лица (она не равна эскапизму, частное лицо — не асоциально, наоборот, только оно может иметь гражданское сознание); вторая — воспитателям и воспитаннику придется идти против всеобщего течения: против пропаганды, стадности, вообще против всего духа общества. Я не знаю, как это сделать; на мой взгляд, это возможно только если наличествуют крепкие семейные традиции; только мама с папоймогут заложить в ребенка эти вещи. На общественном же уровне воспитание полноценной личности становится все менее и менее возможным.

¹ Почему невозможно повлиять — вопрос ключевой, требующий отдельного разговора. С библейской точки зрения количество зла, выпущенное в мир в России XX века, чрезвычайно велико. Состояние этого зла можно уподобить энтропии: оно никуда не девается, и если ему не противостоять, только увеличивается. Противостоять же злу, изжить его можно лишь покаянием и возвращением к истинному богочитанию. Покаяние заключается вовсе не в каком-то кликушестве, а богочитание — не в повсеместном освящении офисов, автомобилей и ядерного оружия, не в хождении крестными ходами и тому подобных вещах; но только и исключительно в исполнении заповедей Христовых, в оценке в их свете себя самого, истории и современного положения своей семьи, своего народа. Истинное богочитание предполагает неприменную иерархию ценностей — нельзя Гагариным «уравновешивать» ГУЛАГ; если за «величие страны» было заплачено человеческими жизнями, то такое величие — мерзость пред Господом (Лк. 16, 15). На практике это значит люстрацию, осуждение советского режима как преступного и т. п. Да, это затронуло бы половину страны. Да, это стыдно и больно — но без этого никакое нравственное движение вперед немыслимо. Сегодня очевидно, что возможности и время для этого упущены. «Вставание с колен» противоречит христианскому осознанию мира.

* * *

Осознав такое положение дел, естественно обратить взоры к Церкви, ожидать помощи от нее. Но тут мы сталкиваемся вот с какой проблемой. Сегодня наша Церковь подчёркивает (и совершенно справедливо), что она «отделена от государства, но не от общества». Но что это такое — «неотделимость Церкви от общества»? Это вовсе не только тот бесспорный факт, что Россия исторически и культурологически коренится в Православии. Помимо прочего это и то, что все процессы, свойственные обществу, имеют место и в церковной жизни, ибо и Церковь, и общество состоят из одних и тех же людей. Общество сегодня «по объёму» гораздо больше и сильнее Церкви, и не Церковь обществу, но общество, которое, на мой взгляд, уже перешло «точку невозврата» в нравственном разложении, диктует Церкви свой стиль жизни — примитивности, «гламура», агрессии, грубых страстей, безответственности и безбожия, ибо, как я уже сказал, на деле наше общество исповедует религию денег, а вовсе никакое не Православие. Ещё святитель Игнатий (Брянчанинов) в XIX веке писал, что состояние общества влияет на состояние Церкви². Подтверждение его слов мы и наблюдаем.

Церковь может воспитывать полноценных личностей только тогда, когда она сознательно противостоит этому духу социума. Подчеркну, что противостояние это — не власти, не людям, а именно антиевангельским началам жизни; и противостояние это — не в обличениях нецерковных людей или навязывании ОПК³, а в примере настоящей жизни и в слове Божией правды. Но на это у Церкви сегодня нет сил. Уже выросло новое поколение церковных людей, которые в полной мере подтверждают тезис о том, что советский менталитет, как неизжитое зло, воспроизводит себя и что церковность не является этому препятствием. В церковной среде подчас формируются люди, едва ли не ещё более повреждённые, чем в обществе: помимо всех свойств сегодняшнего социума сюда добавляются нравственный релятивизм, неадекватность и полностью «замифологизированное» сознание. Сбылось предсказание св. м. Марии Скобцовой: *«В постпленный период в Церковь придут новые люди, воспитанные советской властью... Тут не надо иметь никаких иллюзий — в случае признания Церкви в России, и в случае роста ее внешнего успеха, она не может рассчитывать ни на какие другие кадры»*⁴.

Чрезвычайно важно ответить на вопрос — почему так происходит? Вот некоторые соображения.

В силу положения Церкви в советских условиях получилось так, что весь XX век прошёл мимо русского Православия. Церковью не осмыслена, а стало быть, не преломлена в пастырском подходе к людям ни научно-техническая, ни сексуальная революции, ни коренное изменение всех сторон человеческой жизни — например, ускорение ритма и внешней интенсивности жизни, возросший уровень образования, социализация женщины; изменение мировосприятия с вербального на кинематографически-телевизионно-компьютерно-мобильно-клиповое. В Церкви до сих пор представляется, что мы имеем дело с традиционным человеком XIX-го, а то и ещё более ранних веков, с которым по какому-то недоразумению и злокозненности Запада что-то случилось, и стоит только вернуть его в условия, бывшие прежде, как тут же всё станет хорошо (в частности, надежды этого рода возлагаются на введение преподавания ОПК, о чём я сказал раньше). Проблемы, решение которых предполагалось на Соборе 1917–1918 годов (христианское просвещение народа; изменение богослужения в сторону большей

² Ср.: Творения святителя Игнатия. Собрание писем. Изд. Сретенского м-ря. М.: 2003, с. 474.

³ ОПК — Основы православной культуры. С одной стороны, введение культурологического предмета, дающего учащимся знания о православном христианстве и его культуре, мне представляется очень важным и нужным. Но с другой — в наших условиях (то есть негуманитарности школы и пропагандистских и идеологических её традиций) этот предмет неизбежно вырождается в ура-патриотизм в православной оболочке.

⁴ Цит. по: Борис Колымагин. Испытание культурой. М., 2008, с. 112.

понятности; облегчение дисциплины постов; вовлечение мирян в церковное управление, то есть некоторая, так сказать, «демократизация» и многое другое), за сто лет еще более усугубились — и этого как будто никто в народе церковном не замечает.

Нередко приходится слышать, что «Церковь не сказала свое слово в 90–е годы». Не произошло ли так потому, что этого слова у Церкви просто не оказалось — в силу именно того, на что я указал выше: общественные процессы взяли над церковной жизнью верх, и Православие для многих превратилось в идеологию (то есть не в полноту жизни со Христом и во Христе, что и составляет суть и возвешение Церкви, а в свод схем, запретов и долженствований, прилагаемых к другим людям и ко всем сферам жизни, в том числе и выходящим за пределы компетенции Церкви как общественного института)? Идеология, подменившая в головах людей Православие, просто не может, не умеет говорить с современным человеком на его языке; как и любая идеология, она боится того, что если вынуть из неё хоть один кирпич, то рухнет вся стена; поэтому был взят курс на охранительство. «Кирпичи» же эти, весьма распространённые в приходском сознании (и, надо сказать, противоречащие официальным церковным документам) следующие:

а) самопревозношение и неуважение к другим традиционным христианским Церквям (католической, лютеранской), отрицание их миссионерского и социального опыта (пример: деятельность реабилитационной программы «Анонимных алкоголиков», поддерживаемая на Западе Церковью, нашими «православными ревнителями» шельмуется);

б) подмена созидания внутрицерковной жизни «претензиями» к внешнему нецерковному обществу (скажем, опасение научного и образовательного сообщества, что предмет ОПК в нынешних условиях не воспитает в детях ни христианства, ни культуры, объявляется чуть ли не враждебными действиями по отношению не только к Церкви, но и к России);

в) намертво «зашитое» в Православии отождествление себя с нацией и государством, происходящее под знаменем «соборности». (Здесь нужно сказать несколько слов о спекуляции этим термином. Дело в том, что соборность, со всеми добавлениями в это понятие, внесёнными русской богословской мыслью XIX века, означает надличностное единство. Но единство только и исключительно во Христе, Духом Святым. Любое расширение этого термина, а тем более перенесение его из сугубо церковной области на общественные контенты (то есть единство в государстве, в нации, в какой-либо идее и т. п.) абсолютно незаконно и служит поэтому всегда лишь целям для демагогических спекуляций);

г) этнографический, исключительно охранительский подход к богословию, дисциплинарности, богослужению и прочим сторонам церковной практики (сегодня весьма многие православные под флагом борьбы с «неообновленчеством» и «модернизмом» препятствуют малейшим попыткам сделать богослужение для людей чуть более понятным, а обрядовую дисциплину — чуть менее тяжёлой). Сегодняшнее православное сознание, на мой взгляд, не созрело ещё для того, чтобы с серьёзностью поставить и обсуждать эти вопросы. А между тем их вполне можно решать — и у Церкви всегда на это есть силы от Бога, если только не на уровне одного–двух человек, а на общецерковном уровне осознать, что нужно не восстанавливать ушедшие формы церковной жизни, ходя «затылками вперёд», не полагать единственной целью реанимацию прошлого, но церковно осмысливать вызовы времени.

* * *

Теперь я отвечу на заданный мне вопрос — возможно ли, чтобы Россия вновь стала христианской страной? Реактуализация христианства в России невозможна как по вышеуказанным «местным» причинам, так и в силу процессов, общих для всего человечества. Вообще мысль о реактуализации христианства в обществе я считаю большим соблазном для Церкви. Точкой приложения её сил сегодня

может быть только адекватное созидание своей общины в языческом постхристианском и постмодернистском окружении. «Христианизировать» же (или «рехристианизировать») мир — значит заведомо становиться на иллюзорные позиции и растрачивать энергию впустую.

Что в такой ситуации делать? Становиться и быть христианином самому, в своей семье, в своём кругу. Осуществлять на практике «теорию малых дел», «жить не по лжи» в солженицынском смысле, хотя бы не участвуя в том, что противно совести. И объединяться — единомышленникам, сочувствующим, на сетевом уровне, в частные, малые неформальные сообщества, для того, чтобы хоть в малом кругу, на частном уровне, но воспитывать субсидиарность личности и гражданственность.

ТУПИК 90-Х: НАЙДЕН ЛИ ВЫХОД?

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ "XX ВЕК В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА" НА XXI МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ-ЯРМАРКЕ, 4 СЕНТЯБРЯ 2008 Г., (ПРОХОДИЛА 3-8 СЕНТЯБРЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ВЫСТАВОЧНОГО ЦЕНТРА (ВВЦ))

Девяностые годы XX века Александр Солженицын называл «Великой Русской Катастрофой». *«Не закроем глаз на глубину нашего национального крушения, которое не остановилось и сегодня. Мы – в предпоследней потере наших духовных традиций, корней и органичности нашего бытия»,* – писал Александр Исаевич в своей книге «Россия в обвале», вышедшей в 1998-м году. Я не буду приводить развёрнутую характеристику того времени; все мы знаем положение вещей – и из названной книги, и из других многочисленных источников, и, конечно, непосредственно из нашего жизненного опыта. Я бы хотел поговорить вот о чём: на что надеялся Александр Исаевич, какие пути выхода из «обвала» он видел; оправдались ли его надежды, и если нет, то почему. По недостатку времени я буду краток, и лишь конспективно намечу основные мысли.

Прежде всего необходимо отметить очень важный, и в наше время почти уникальный фактор: в своих размышлениях Солженицын исходил исключительно из нравственного и религиозного начала. *«Большней и опасней нашего хозяйственного хаоса – наш кризис духовный. Если дать подорвать и душу народа – это уже его уничтожение. "Нечего и браться за восстановление России без совести и без веры" (Ив. А. Ильин)».* *«Нет, не в земельных просторах наш главный понесенный ущерб. Духовная жизнь народа важней обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа – в высоте внутреннего развития, а не внешнего».* И возлагал свои надежды Александр Исаевич – на Бога. *«Кто за жизнь свою уже убеждался в правоте и могуществе Высшей Силы над нами – тот поверит, что и после прокатанного по нам столетия – есть у русских надежда. Не отнята».* Солженицын предлагал в качестве главного вектора развития страны именно нравственную категорию: *«"Сбережение народа" – и в самой численности его, и в физическом и нравственном здоровье – высшая из всех наших государственных задач»,* говорил он. Наибольшие нравственные требования писатель предъявлял к власти: *«Государственная власть в своих действиях ещё ответственной, чем рядовые граждане, обязана соблюдать моральные рамки. Это может служить показательным образцом, но не формой насильственного установления. Здесь вижу выход только в сознательном самоограничении людей, и особенно тех, кто берётся направлять общественное мнение».* В начале 2000-х годов власть, казалось, стала прислушиваться к голосу Солженицына... Но вот прошло почти десятилетие, и уже можно ставить вопрос – изменилось ли что-нибудь в лучшую сторону? Можно ли говорить о том, что Великая Русская Катастрофа миновала?

На мой взгляд, такое утверждение было бы неоправданно оптимистичным. Разумеется, в материальном плане люди стали жить немного лучше. Но это следствие не зависящего от нас «везения» – высоких цен

на нефть. Да, казалось бы, укрепилось государство. Но укрепилось оно не за счёт нравственной социальной ответственности и упрочения права и законности, а за счёт складывания жестокой и циничной системы «пацанской» власти. Действительно, через народ сегодня в меньшей степени пропускается «шоковый электрический ток»; но место экономического шока занял шок культурный, в виде полного «опопсения» (от слова «попса») культурного пространства, возрождения идеологической пропаганды, стадного навязывания «гламура» как цели существования... С точки зрения нравственных и религиозных категорий, в которых рассуждал Солженицын, нужно сказать, что трагедия, начавшаяся в 1917 году, увы, не исчерпала себя. Залив кровью, уничтожив, подменив страну (до 1953 г.), воспитав «новую историческую общность людей – советский народ» (до 1991), в новое время Россия кинулась потреблять, а чуть-чуть напотребившись, утвердила для себя ложь и нечеловеколюбие как норму жизни. Дух зла, овладевший нашим отечеством, никуда не делся; он мимикрирует, видоизменяется – в моменты смены ракурса мы начинаем надеяться: а вдруг? ну наконец! наладится!.. – но проходит время, и всё остаётся по-прежнему: нечеловеколюбиво...

Всесторонне, честно и безжалостно изображая в своём творчестве драму двадцатого столетия, Александр Исаевич был твёрдо убеждён, что *«коммунистическая система есть болезнь, зараза, которая уже много лет распространяется по земле... Мой народ, русский, страдает этим уже 60 лет и мечтает излечиться. И наступит когда-нибудь день – излечится он от этой болезни»*. – И здесь я должен признаться, что чем дальше, тем больше становится для меня дискуссионным это убеждение. До самого недавнего времени и я думал так же; но теперь с большой болью я убеждаюсь, что народ вовсе не мечтает излечиться. Коммунизм сбросил с себя идейную оболочку, но никуда не делась его суть – безбожие, ложь, стадность, бескультурье и нечеловеколюбие. Главный плод XX века – что коммунизм стал органичным нашему народу. Это и показали 1990-е годы: народ хотел колбасы, а не подлинной (то есть понимаемой как нравственность) свободы; получив колбасу, народ снял с себя ответственность за страну. Многие проблемы 1990-х гг., казалось, исходят из противопоставления власти и народа; но если посмотреть чуть более отстранённо, то окажется, что власть и народ, по крайней мере, с 30-х – 40-х гг. XX века, в основном (за немногими исключениями) адекватны друг другу... Всё это заставляет сделать неутешительный вывод: после проигранного столетия у России не остаётся надежды на возрождение (разумеется, это моя частная точка зрения).

Казалось бы: ошибка Солженицына? Я бы по-другому поставил вопрос. Бывает, что один человек прав, а народ ошибается. В истории Церкви было так, что лишь несколько человек продолжали оставаться в истине, а вся Церковь уклонялась в ересь (пример преп. Максима Исповедника и св. папы Мартина). Александр Исаевич, безусловно, был прав в своём нравственном импульсе. Но изломанная народная жизнь до этого уровня подняться не смогла.

Неверно было бы остановиться только на констатации этого факта. Почему так произошло? Солженицын центром своих рассуждений имел, как я уже сказал, нравственно-религиозное начало; и только исходя из этого, можно получить ответ на данный вопрос.

В пятой главе Книги пророка Даниила повествуется, как на пиру царя Валтасара ***вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала*** (Дан. 5, 5). ***И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам*** (Дан. 25 – 28). По контексту Священного Писания, это случилось тогда, когда царь Валтасар переступил некую религиозно-нравственную границу... То, что я скажу дальше, является моим индивидуальным, и, конечно, крайне субъективным ощущением; но мне чувствуется, что сегодня Россия взваливается на эти роковые, судьбоносные, ужасные Божьи весы, показания которых никто не может отменить. С 1990-х гг. и по сейчас идёт вот это «взвешивание России». И, боюсь, оказывается она пред Богом слишком лёгкой.

Но что же это? судьба? фатум? Нет. Православное христианство говорит нам о том, что взаимоотношения человека и Бога строятся на основании принципа синергии – некоей, я бы сказал (хоть это и не очень корректно со строгой богословской точки зрения) взаимозависимости человека и Бога. Не просто так отняты у народа духовные силы; а вот по какой причине, о которой говорит пророк Исаия: **горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!** (Ис. 5, 20). Наш народ – то есть власть и общество в своём большинстве – не сделал никаких нравственных выводов из своего прошлого. «*Одно слово правды весь мир перетянет*», говорил Солженицын. Не принял и не принимает народ это слово. Не покаялся и не кается народ в истории XX века, столь правдиво осмысленной писателем; не захотел и не хочет пройти через нравственное покаянное неудобство. Сегодня для многих Сталин – «успешный менеджер»; один лишь этот пример свидетельствует об отсутствии моральной оценки истории; а таких примеров можно приводить сотни. **Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет** (Гал. 6, 7), говорит апостол Павел. 90-е годы – начало жатвы; сейчас – её разгар; чем всё это кончится – боюсь, что, по библейской логике, увы, наказанием...

Но это не повод к пессимизму. Выход из тупика 90-х в том, что сегодня никто из нас не лишён возможности назвать вещи своими именами и внутренне противиться духу лжи и нечеловеколюбия – с чего и начинается то покаяние, о котором я только что сказал. Нужно только осознать, что это нравственное усилие уходит (и ушло) из сферы общественной в сферу частной жизни. И здесь уроки Солженицына, его оценка XX века драгоценны и актуальны. Жить не по лжи – призыв, обращённый к личности, независимо от состояния окружающей её «общественной среды». «Слово правды, перетягивающее весь мир» – итог именно частного, внутреннего, индивидуального нравственного созревания. Да и сам жизненный пример Александра Исаевича – прекрасный образец того, как нравственная личность идёт «против течения», против господствующего духа жизни, уклоняющейся с путей истины. Может быть, наступит такой момент, когда частные личности, живущие не по лжи, руководствующиеся словом правды, составят «критическую массу» и повлияют на общество. Но даже если этого не будет (что, на мой взгляд, скорее всего), даже если то, о чём так болел Александр Исаевич, останется достоянием только лишь отдельных людей – с точки зрения христианства подвиг жизни и подвиг творчества писателя несколько не умалится, но всегда будет воодушевлять ищущего правды человека.

ЦЕРКОВНОСТЬ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ?

ДОКЛАД БЫЛ ПРОЧИТАН В БИБЛИОТЕКЕ-ФОНДЕ «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» НА ШЕСТОМ СЕМИНАРЕ ИЗ ЦИКЛА: «НАШЕ ВРЕМЯ ЕЩЕ НЕ РАЗГАДАНО...» ОПЫТ XX ВЕКА И ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ». ТЕМА СЕМИНАРА: «ХРИСТИАНСТВО И ИДЕОЛОГИЯ (ПО “ДНЕВНИКАМ” О. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА)», 22 ФЕВРАЛЯ 2008 Г.

1. Отец Александр в «Дневниках» так определяет идеологию: *«Идеология — это христианство, оторвавшееся от Христа, и потому она возникла и царствует именно в “христианском мире”»* (с. 192). Имеет ли современная идеология религиозные корни? Должны ли христиане взять на себя ответственность за идеологические метаморфозы христианства?

2. Каким должен быть язык общения Церкви с миром, чтобы он не был языком идеологии?

I

Я бы некоторым образом переформулировал первый вопрос: *не имеют ли некоторые стороны современной церковной жизни в себе идеологии больше, чем подлинного церковного смысла?* Для

ответа на этот вопрос я позволю себе немного расширить угол зрения, и сказать вначале несколько слов о состоянии современной культуры. Очень точно, на мой взгляд, это состояние оценила О. А. Седакова в интервью газете «Культура» (№ 4 за 2008 год). Вот некоторые выдержки из этого интервью:

«...Леви-Стросс, сумевший описать сложный мир архаической культуры, "совсем другой" в сравнении с нашей, думал о человеческом мире в первую очередь как о мире смыслов, знаков, символов, значений. Этим и занимаются гуманитарные науки: человеком в его отношении к смыслам, антропологией в широком смысле слова. Об этом современная цивилизация как будто не думает, она слишком многое забыла о человеке. Человек-производитель, человек-потребитель, человек в биологическом и социальном отношении – вот на что направлено внимание "прогресса". Человека все лучше лечат, продлевают жизнь и молодость, развлекают, занимают трудом, облегчают усилия. Вот и всё. А кто этот человек, и хорошо ли ему при всех успехах техники, социальности и невероятной свободе всяческих выборов, и хорошо ли для него такое существование или от него еще что-то ожидается? Идея неудержимого технического завоевания окружающей среды (да уже и человеческой данности: геновая инженерия), которая сейчас правит всем, никогда не обсуждалась с гуманитарной точки зрения. Не обсуждалась и та плата, которой человек расплачивается за свой новый комфорт. Мы теперь не прилагаем и малой части физических усилий, которые были необходимы совсем недавно, но наш слух, наше зрение, все наше восприятие подвергается такой агрессии, которой тоже совсем недавно человек не знал. Восприятие не может от этого не искажаться и не слабеть. А для жизни в смыслах, человеческой жизни необходимо тонкое и развитое восприятие. Это только одна черта "негуманитарности" цивилизации: как легко она жертвует психикой ради, так сказать, физики человека. Одностороннее технократическое и утилитарное развитие грозит и человеку как виду, и всей природе».

«В самих гуманитарных науках теперь очень немного остается гуманитарного, то есть касающегося существа человека как *homo sapiens*. Они явно технизируются. Они описывают материю своих предметов (лингвист – "материальное тело" языка, музыковед – музыки и т.п.), не ставя вопроса об их осмысленности. Больше того, вопросы такого рода считаются "ненаучными"... Мышление сегодняшних гуманитариев заставляет вспомнить позитивистов XIX века с их прямолинейностью... От гуманитарных наук теперь осталось только две: социология и психология. Всё рассматривается исключительно в социологическом или психологическом плане. Открываешь работу о Шекспире, а там очередное социологическое исследование, например, или гендерные отношения. Или психоанализ: поиски комплексов Шекспира. Я помню кошмар советской истории искусств или литературы, когда все переводилось на язык классово-борьбы. Но перевод на язык Фрейда или рыночных стратегий и гендерных исследований ничуть не богаче».

Из этих слов Ольги Александровны усматривается основная проблема сегодняшнего культурного пространства. **Культура перестала производить гуманитарные смыслы** – то есть такие, которые отображают глубину, уникальность и интимность человеческой личности, её отношения с Богом, с миром, с самою собою, с другими людьми. На смену этому приходят утилитарность, массовость, техногенность, усреднённость. Эти качества являются следствием (а может быть, и причиной) *цивилизации посредственности* (этой теме также была посвящена известная лекция О. А. Седаковой). Посредственность же всегда нуждается в идеологии. Отдельный человек имеет веру, убеждения, нравы, мнения, вкусы. Если они причастны гуманитарным смыслам, это делает человека настоящей, достойной личностью, имеющей в силу своей вот этой самой развитой личности некую «прививку», иммунитет от идеологии. Если же гуманитарные смыслы отсутствуют, личность превращается в посредственность, и образующуюся пустоту заполняет идеология, как прямое производное посредственности в сочетании со стадностью.

* * *

Основой же, фундаментом гуманитарных смыслов является Евангелие Христово. Именно оно провозгласило самоценность и достоинство богоподобной личности, приобщающейся Самому Христу и уподобляющейся Ему. Церкви, как осуществлению Евангелия, помимо своего прямого духовного религиозного действия, как раз и свойственно производить гуманитарные смыслы – она это и делала в прошлом, воспитывая и смягчая нравы, оплодотворяя и созидавая европейскую (и российскую, как часть её) цивилизацию и культуру.

Но, как мне уже приходилось говорить, сегодня (а точнее – уже довольно давно) не общество иерархически зависит от Церкви, воспринимая и усваивая её духовные и культурные импульсы, – но, увы, Церковь зависит от общества, от господствующего в нём духа, от парадигм всех сторон его существования. В силу этого Церковь, вслед за всею сегодняшней жизнью, «выпадает» из пространства подлинной евангельской культуры и перестаёт производить гуманитарные смыслы. Современная культура Церкви в этих условиях вынуждена занимать «оборонительную позицию», которая, в свою очередь, с некоторою неизбежностью сводится к этнографической реконструкции прошлого как самоцели. Именно это очень переживал и об этом много писал о. Александр.

Следствием такого положения вещей является *номинализм* – то, что вызывало у о. Александра прямо-таки гнев. Что он такое (в социальном и культурном контексте восприятия Церкви)?

Люди видят, что нашей наличной приходской жизни нередко свойственны ровно те же немощи, что и социуму, а именно – меркантилизм, отсутствие общественного интереса, бескультурье и обскурантизм, нравственная релятивизация – нетерпимость, непорядочность и проч. Какова наша, так сказать, «внутрицерковная реакция» на эту критику? В какие бы слова эта реакция не облачалась, сводится она к двум вещам: 1) хоть мы и грешные и немощные, но Церковь сама по себе свята и непорочна, 2) а то, что люди этого не видят и не ощущают – их вина.

Действительно, богословски рассуждая – наши грехи не умаляют святость Церкви. Но с точки зрения социальной – церковной действительности прямо касаются слова св. апостола Иакова: ***как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва*** (Иак. 2, 26). Апостолы настаивают на том, чтобы вера наша выявлялась делами (Иак. 2, 18), ***действовала любовью*** (Гал. 5, 6). Христиане призваны к тому, чтобы сокровище их веры, пусть несовершенно, пусть немощно, но тем не менее *выявлялось* в жизни и было видно людьми: ***так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного*** (Мф. 5, 16). У нас же получается так: спрятавшись за удобное учение о том, что, независимо от того, что мы грешны, Церковь всё равно свята – мы аннулируем нравственную и культурную энергию, и направляем наши жизненные силы на то, чтобы хорошо устроиться в мире сем, в результате чего мы несколько и не отличаемся от падшего социума, проникаясь его началами. Получается, что сокровище Церкви у нас *хранится*, но в жизни (в жизни не частного христианина, а именно общецерковной) *не реализуется*. Это и есть номинализм – то есть, в данном контексте: самоценность идеи, отрыв идей от их воплощения. Православная Церковь *содержит* полноту истины, но она *не раскрывается* в нашей жизни.

По сути, этот номинализм приводит к трём вещам: 1) учению о невидимой Церкви, которое мы осуждаем у протестантов (понятно, о чём речь: видимая церковь – такая же, как социум, а все богословские определения о святости и проч. относятся к такой Церкви, какую никто не видит, и видеть не должен, ибо это будет «прелестью»); 2) практической констатации того факта, что мы, составляя Церковь, на деле мало ей причастны, ибо наша церковность реализуется не в её сути, то есть не в богообщении, а во внешних вещах; и 3) оправдание этого положения, то есть – аберрация нравственной адекватности. Мы не возмущаемся этим, а успокаиваем себя, что «мы – люди грешные».

Но ровно это есть и *идеология* – оторванность идей от реальности, «оторванность христианства от Христа» и Его заповедей, касающихся не только глубин личной духовной жизни, но и социального, и культурного делания. Жизнь многих православных людей, к сожалению, сегодня определяется именно идеологией – не только номинализмом, который, будучи глубинным корнем подмены веры идеологией, не осознаётся в качестве таковой. Но и прямо идеологией того или иного рода: идеологией св. отцов, Типикона, Святой Руси, «духовности», Афона, Византии, этнографии, и проч., о чём всё время говорил в своих «Дневниках» о. Александр.

Кстати, одно из культурных проявлений этого – то, что Православие стало Религией Лексика. Главное – правильно, благоуветливо *говорить*. Нарушение принятой на сегодня церковной субкультурой лексики воспринимается как прямое покушение на устои Православия⁵. Но так как Церковь, как я уже сказал, уже довольно давно не определяет культурные процессы, а подчиняется им, в церковную жизнь со всей силой вторгается постмодернистская реальность: *за этой лексикой ровно ничего не стоит*. Елейно и очень правильно говорим, живём, как все. В этих условиях слова, и следовательно, весь пласт смыслов, к которому эти слова отсылают, неизбежно превращаются в идеологию.

В свете вышесказанного излишне говорить, ответственны ли христиане за такое положение вещей. Безусловно, ответственны, и каждый лично, и все вместе соборно. ***От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут*** (Лк. 12, 48), – говорит по этому поводу Евангелие. А дано нам максимально много – Церковь Христова.

II

Теперь кратко – ответ на второй вопрос. Язык общения Церкви с миром должен быть *не лексикой*, какой бы то ни было. Лексика, как я только что сказал, превратилась у нас в идеологию и отождествилась с ней. Язык общения сегодня должен быть только смысловым, реальным. Это значит, что то, что *говорит* Церковь (я имею здесь в виду социально-культурную сторону жизни церковного организма, и не касаюсь собственно духовного содержания Церкви как единения личности со Христом в Теле Его), она непременно должна подтверждать очевидными *делами*; иными словами говоря – чтобы адекватно говорить с миром, Церкви нужно быть самою собою, не идеологично, но евангельски созидая свою внутреннюю жизнь. Если же, в силу понятных исторических причин, церковная действительность не аккумулировала ещё пока сил для осуществления полноценной внутрицерковной деятельности, не являет в лице большинства своих членов образцов нравственной жизни – ей, на мой взгляд, не следует торопиться с претензиями, обличениями и требованиями в адрес общества.

Но что для этого нужно? Мне приходилось уже говорить и писать об этом. Всякое церковное действие начинается с сердца человека. Противостоять идеологии можно только лично. Становление христианской и подлинно культурной личности – вот единственный путь решения названных проблем. Когда церковный организм будет складываться из «критической массы» таких личностей, то Церковь непременно найдёт и адекватный способ общения с обществом, и вновь сможет производить те «гуманитарные смыслы», которые столь необходимы сегодня, и отсутствие которых и является питательной средой для порождения всякого рода идеологий.

⁵ Пример – поднятое некоторыми «ревнителями» сегодня самое настоящее гонение на группы самопомощи «Анонимные Алкоголики», с которыми Церковь, по благословению Священноначалия, плодотворно сотрудничает уже много лет.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРЕПОДАВАНИИ ОПК

ОПУБЛИКОВАНО (С НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ) В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК», №1-2 ЗА 2007 Г.

В обществе не прекращаются споры по вопросу преподавания в общеобразовательной школе Основ православной культуры. С одной стороны, в некоторых регионах ОПК вводится как обязательный курс; с другой стороны, немало людей против этого учебного предмета, что показало и посвящённое данной теме заседание Общественной палаты при Президенте РФ 27 ноября 2006 года. Привычная реакция церковной среды на негативное восприятие ОПК – «козни врагов», проявляющих «либеральную нелюбовь к России». Но здесь уместно было бы не развешивать ярлыки, а попытаться понять, почему ОПК так раздражает многих? нельзя же изначально подозревать наших оппонентов исключительно в ангажированности, злонамеренности и недобросовестности. Может быть, уважительное восприятие аргументов противников ОПК поможет нам увидеть некоторую недостаточность наших действий? Отдельные размышления по этому поводу предлагаются вниманию читателя.

I

Сразу нужно сказать, что такой предмет совершенно необходим. Уровень безграмотности в области христианства и Православия в нашем обществе при нынешней доступности всякой информации просто поражает. Когда известные журналисты, люди с высшим образованием, обязанные в силу своего профессионального положения обладать хотя бы минимумом достоверных сведений по предмету, о котором они берутся говорить, уверяют своих зрителей, слушателей, читателей, что библейский кит проглотил Иова, что диакон машет с амвона паникадиллом, что святки – время, когда Церковь официально «разрешает гадания», и проч., и проч., и проч. – убеждаешься в нужности не только ОПК в школах, но и ликбеза для взрослых... Но доказательства необходимости ОПК – не предмет моих рассуждений; вопрос этот решённый, на эту тему весьма убедительно сказано многими авторитетными и значимыми людьми, как церковными, так и светскими. Я хочу подумать вместе с читателем о том, *каким* должен быть этот учебный курс.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II неоднократно подчёркивал, что ОПК ни в коем случае не должен быть вариантом Закона Божия; нужно, чтобы это был светский культурологический предмет. То же самое говорил и митрополит Калужский и Боровский Климент на упомянутом заседании Общественной палаты. Каковы же характеристики и задачи этого предмета? Очевидно, что преподавание культуры преследует две цели: образовательную и мировоззренческую.

Образовательная часть курса ОПК заключается в том, чтобы познакомить ученика, во-первых, собственно с памятниками культуры и культуuroобразующими элементами Православия; во-вторых, с тем, что лежит в основании этих памятников, то есть – чем, какими побуждениями они вызваны и вызываются на свет (эти побуждения сводятся к религиозным, эстетическим и бытовым); наконец, в-третьих (и в-главных), со способом мировосприятия, составляющего фундамент культуры, то есть с определяющими культуру *ценностями*.

Мировоззренческая часть ОПК – вещь более тонкая. С одной стороны, Священноначалие нашей Церкви настаивает на том, что смысл преподавания ОПК – не «загнать» всех поголовно в Церковь; с другой стороны, православные христиане – авторы учебников и педагоги – не могут не желать, чтобы целью ОПК было приобщение детей к Православию. Единственным способом разрешения противоречия между достаточно отчётливым «религиозным вектором» ОПК и конституционным светским характером общественно-государственного устройства нашей страны является как раз указываемая Святейшим Патриархом культурологическая направленность предмета, а именно: явить ученикам способ

евангельски мыслить, христиански оценивать действительность, православно видеть мир и на примере культурных явлений показать осуществление этого в реальной жизни, как исторической, так и сегодняшней. **Главная задача преподавания культуры – сформировать свободного, ответственного, мыслящего, здорового развитого человека, который является личностью, а не частью стада, толпы.** При этом культура органически должна войти в душу, сердце должно найти в ней вкус («нрав» – отсюда «нравственность»). Навязать культуру невозможно, её можно только медленно, бережно, тактично и деликатно воспитывать. Лишь при таком подходе преподавание культуры принесёт не только информационные, но и мировоззренческие плоды.

Посмотрим теперь, насколько вышеназванные общие и очевидные вещи реализуются на практике.

II

Но перед этим нужно сделать отступление. Коль скоро мы говорим о преподавании христианской культурологии, нам придётся выйти за рамки собственно русского Православия и непременно преподавать, наряду с ним, основы и европейской христианской культуры. Необходимость этого диктуется следующими соображениями.

1) Следует проводить дифференциацию между храмовым искусством и культурой как таковой. Русское церковное искусство достигло мировых высот в храмоздательстве, иконописи, богослужебном пении. Но вне храмовой сферы жизни серьёзно говорить о культуре можно лишь с периода правления Петра I. Типичное, умиляющее многих, положение вещей – прекрасный каменный храм и утопающее в грязи село – свидетельствует не только о том, что русские люди всё самое лучшее отдавали храму, но и о том, что церковная красота не переплавлялась в должной мере в бытовую культуру. Литература, живопись, музыка, наука и всё то, что ассоциируется у людей собственно с культурой, имеет на Руси западное происхождение, проникая до Петра I через высшие слои общества эпизодически (Успенский собор Московского кремля строил итальянец), а волею первого российского императора насаждаясь на нашу почву широко и насильственно. За подробностями отсылаю к книге Вл. Соловьёва «Национальный вопрос в России», где аргументировано разобраны все эти проблемы; здесь же констатирую, что российская (в том числе и русская церковная) культура имеет два очевидных источника – храмовое творчество, устав и быт Православия и западноевропейскую науку, и искусства. Относиться к этому можно как угодно, вплоть до ожесточённого и агрессивного неприятия, но это – факт. Следовательно, если речь идёт об изучении культуры, то без включения её в общехристианский контекст, без знакомства, наряду с Православием, и с западноевропейской христианской культурой, мы значительно обедним и искадим изучаемый предмет.

2) Классическая европейская культура, в силу своего большего возраста, и, следовательно, накопленного «культурного багажа», а также в силу меньшей, чем допетровская русская культура, зависимости от собственно храмового искусства, и, как следствие этого, более широкого охвата прочих сфер жизни, – имеет (помимо непревзойденного самостоятельного эстетического достоинства) огромную христианскую воспитательную ценность именно с культурологической точки зрения. Когда мы знакомим детей с Православием, мы с неизбежной прямолинейностью переходим к сугубо церковной дидактике: кадило – для того-то, иконостас – такое-то значение; художественно вышитый саккос – такой-то прямой богослужебный смысл. Западноевропейские культурные явления сами по себе позволяют более тонко и опосредованно говорить о духовном. Вот картина Рембрандта: довольно помятый человек стоит на коленях перед стариком с добрым лицом – естественный повод обратиться к евангельской притче. Вот музыка Баха – под влиянием какого текста она плачет, и скорбит, и наполняет душу возвышенным благоговением? Тут и разговор о распятии Христа и преломлении этого евангельского сюжета в музыкальной эстетике.

«У нас своё есть, и значительно лучше – духовнее, роднее etc.», возражают на это. Бесспорно, что многое в русской культуре, особенно в литературе, представляет высокую христианскую ценность (как и далеко не всё в западной культуре несёт её). Но для предмета ОПК чрезвычайно важно не просто умиляться богатством и значимостью отечественной культуры, а – в мировоззренчески-воспитательных целях – касаться и дискуссионных моментов, которых немало и в нашей истории, и в нашей общественной и эстетической жизни. Всесторонне оценить и понять их можно только в контексте единого христианского исторического процесса и культурного пространства. Ограничиваться исключительно русской культурой неверно, ибо это не только примитивизирует образование, но и прививает ученикам навык превозношения «нашего» над «ненашим», что и с православной точки зрения безнравственно, и культурологически неверно, в силу изложенных выше соображений об объективной вторичности светской русской культуры сравнительно с западноевропейской.

3) Наконец, изучение западноевропейской христианской культуры необходимо в силу пресловутой глобализации. Если человек XVIII века жил в одном месте всю жизнь, и его культурные интересы не выходили за рамки своего города и – во всяком случае – отечества, то современное культурно-информационное пространство охватывает весь мир. Я не буду разбирать и оценивать здесь глобализационные процессы; они сложны и неоднозначны. Для нас важно, что одной из существенных, и, несомненно, отрицательных характеристик глобализации является отказ от христианских религиозных и культурных корней. Глобализация – реальность; в её условиях, хотим мы этого или нет, живём мы, и будут, чувствуя себя гораздо более естественно, жить наши дети. В связи с этим, **наряду с изучением отечественной церковной и светской культуры, необходимо изучать и ту культуру, те корни, на отрицании и попирании которых стоит глобализация.** Если же говорить о сугубо христианской позиции, то очевидно, что христиане, в их противлении глобализации, должны объединиться перед лицом дехристианизирующегося мира; объединиться не «экуменически», а именно *культурно*. Эту задачу не решит одно лишь поверхностное знание «своих корней». Противостоять глобализации можно только культурно-религиозно; мало того, и существовать-то в условиях её «не стадно», достойно, по-человечески, можно лишь, привив себе «культурное противоядие»; прививка же эта заключается в том, что мы усваиваем фундамент, который разрушает глобализация, а фундамент этот есть – западноевропейская классическая христианская культура.

Надо сказать, что эта проблема не только не ставится учебниками ОПК, но даже ни в малейшей степени не осознаётся ими. Впрочем, здесь дело, конечно, вовсе не в учебниках. Это – характеристическая черта современного российского общественного и церковного менталитета. В результате ложно понятого патриотизма, с одной стороны, и вопиющей безграмотности, с другой, люди предпочитают навешивать на «всё, что с Запада» общие идеологические ярлыки, нисколько не заботясь о хоть какой-нибудь компетенции. В один ряд ставят европейское христианское культурное наследие и глобалистское попиранье его, считая, что современная рекламно-сексуально-политкорректная попса и есть европейская культура. Путают христианские ценности свободы, человеколюбия, независимости и трезвости мысли с секулярным гуманизмом, клеймя всё общим расплывчатым термином «либерализм». Спору нет, в современном западном мире превалируют антихристианские тенденции (справедливости ради нужно сказать, что, увы, и у нас далеко не всё соответствует евангельским заповедям); но европейскую культуру и западные общественные традиции взаимного уважения, христианские в своей основе, необходимо различать от них. Однако ответственно это делать, разбираться, «отделять честное от недостойного» (Иер. 15, 19), мы не хотим. Выставляя напоказ чудовищное невежество, возводимое чуть ли не в «патриотическую доблесть», мы мажем всё западное «чёрной краской», превознося всё своё (даже в том случае, когда последнее не выдерживает никакой критики с точки зрения христианства). Доходит до абсурда: главный редактор одной православной радиостанции говорил мне, что ему не разрешили поставить в эфир Реквием Моцарта – «иностранный», нельзя...

Современная антизападная истерия, приводящая к разрушению единого христианского исторического контекста и лишаящая ученика полноты культурного осмысления мира, в котором ему предстоит жить, особенно диктует рассмотрение связанных с данной проблемой тем именно в рамках курса ОПК – тем самым предмет, помимо прочего, приобретёт живой, актуальный, не этнографический характер, что весьма существенно для старшеклассников. Оттолкнувшись, скажем, от сравнения православной иконы и католической картины (в стиле которой расписаны, кстати, не меньше половины русских православных храмов), можно перейти на ту духовность, которая стоит за этими церковно-эстетическими явлениями, на культурные, общественные и социальные следствия этой духовности, простирающиеся и до сего дня и определяющие многие основы современной жизни. **ОПК – самое подходящее место для того, чтобы выявлять минусы и плюсы «либерализма», «глобализации», «соборности» и прочих важных идеологем, которые мы привычно сваливаем в одну кучу,** для дискуссий о путях христианства в мире, о причинах разделения Востока и Запада, и проч. Коль скоро мы говорим о культурологическом, мировоззренческом предмете, предполагающем выработку у ученика самостоятельного, зрелого и – желательно – христианского мировосприятия, мы просто обязаны поднимать эти вопросы, и разбирать их не в абсолютно антиевангельском ключе «наше – хорошо, не наше – плохо», но компетентно, истинно, научно-объективно. Пока эта цель не поставлена перед обсуждаемым учебным курсом, ни о каком преподавании культурологи по существу не может быть и речи.

III

Обратимся теперь к учебникам по ОПК. В моём распоряжении несколько пособий: «Основы православной культуры» для 1-го класса прот. Виктора Дорофеева и О. Л. Янушкявичене (М. 2006), «Русский язык» для 1-го класса (СТЛ и Православное педагогическое общество, СПб, 2006), белгородские учебники «Православная культура» для 5-6, 7-8, 9 и 10-11 классов (Ульяновск, 2006). Вопросов культурологи мы коснулись выше; в свете сказанного берусь утверждать, что пособия её лишены. Ни самостоятельных культурно-мировоззренческих импульсов, ни различных углов зрения данные учебники не содержат; они прямолинейны и дидактичны. Какого же рода эта дидактика?

По большей части, несомненно, это Закон Божий. Исходным материалом для двух первых названных пособий послужила всем нам знакомая книга протоиерея Серафима Слободского: то же расположение материала, даже те же иллюстрации. После указания на красоту мира учебники дают первокласснику догматическое знание о Боге, Едином по существу и Троичном в Лицах, затем излагается Священная история, сопровождаемая в учебнике русского языка тропарями праздников. При этом об особенностях восприятия учеников 1-го класса составители пособий, судя по всему, не задумывались. Вот, к примеру, предложенное ими пояснение к догмату о Троице: «Полностью совершенна только любовь между лицами Святой Троицы. Поэтому между ними и совершенное единство» (ОПК. Методическое пособие для учителя 1-го класса. ПРО-пресс, М. 2006). Понимают ли, о чём тут речь, учителя – взрослые люди? Не «слишком» ли это для детей 6 – 7 лет? Складывается впечатление, что авторы учебников, памятуя историю России XX века, подспудно исходили из того, что вот-вот опять наступят гонения, и поэтому нужно максимально воспользоваться очень немногим, быть может, отпущенным временем, чтобы вложить в головы детей как можно больше материала, совершенно не заботясь при этом о педагогической и психологической стороне дела (то есть: может ли этот материал быть как должно усвоен).

Но не только Закон Божий – содержание курса ОПК (кстати, лично я был бы только «за», если бы это был «чистый» Закон Божий, добротной преподаваемый в качестве факультатива, для желающих). В учебниках для старших классов к нему присоединяется изучение истории, филологии и других дисциплин, что сразу обнаруживает в этих книгах несколько принципиальных недостатков.

Во-первых, это *ненаучность* (напомню, что стандартные образовательные требования предполагают именно научность в качестве основы для школьных учебников). Приведу примеры.

Учебник «Православная культура» 5-6 классов без всяких оговорок пишет, что апостол Андрей Первозванный побывал не только на месте будущего города Киева, но и в Новгороде, и на острове Валаам; тем самым позднее местное и недостоверное предание безапелляционно выдаётся за историческую и церковную истину.

В учебнике для 10-11 классов говорится: «А.С.Пушкин считал высшим смыслом способствовать утверждению православных нравственных устоев в России. Именно глубокое религиозное чувство проходит через все его произведения. Было доказано, что события в «Евгении Онегине» были построены в соответствии с Евангелием». Жизненный путь поэта – человека сложного, страстного, мятущегося, только лишь в зрелые годы сознательно ищущего христианского смысла жизни – позволяет нам говорить о Пушкине как о человеке, который трудным и противоречивым путём идёт к Богу, но уж во всяком случае не как о светоче веры и благочестия. Утверждать, что «религиозное чувство проходит через все его произведения» – значит не замечать большого количества пустоты, скабрёзностей, а то и кощунства в раннем его творчестве, и (называя вещи своими именами) говорить неправду о поэте, делая из его жизни прекраснотушный лубок, и вводить тем самым учеников в заблуждение. Очевидно, что курс ОПК, коль скоро он претендует на значение школьного предмета, никак не должен тиражировать мифы.

Во-вторых, учебники стремятся восполнить и скорректировать знания, полученные учениками на других предметах. Вот примеры. На уроках истории дети изучают «Повесть временных лет» с точки зрения отражения в ней различных политических взглядов того времени, отличая легенды от фактов. Пособия по ОПК всю информацию из «Повести временных лет» излагают как абсолютно достоверную. Изучая русский язык, дети усваивают, что язык и письменность – разные вещи; учебники ОПК сообщают, что св. Кирилл и Мефодий создали церковнославянский язык (при этом авторы учебников не различают старославянский и церковнославянский языки). И так далее. Понятно, а в некоторых случаях (например, биология) оправдано стремление дать альтернативный теистический взгляд на вещи; но ведь это целая научно-педагогическая проблема, выходящая за рамки школы, её не решить лишь изучением ОПК; а вот запутать учеников вполне можно. Создавая «альтернативу» преподаваемым в школе истории, биологии, русскому языку и литературе и другим предметам, мы тем самым подрываем доверие и к самому курсу ОПК; ибо если на одном школьном занятии мы будем говорить о недостоверности знаний, полученных учениками на других школьных занятиях, то тем самым мы разрушаем общеобразовательный процесс и объективно сводим собственные усилия к нулю.

IV

Теперь мы подходим к самому главному. В рассматриваемых учебниках, как и во всей атмосфере, наличествующей вокруг предмета ОПК, видны совершенно отчётливо расставляемые акценты. Во всех пособиях прослеживается стремление авторов представить всю русскую историю и культуру как исключительно православную, даже если для этого нет никаких оснований. Например, в учебнике для 7-8 классов наряду с изложением Священного Писания целый раздел посвящён «Слову о полку Игореве». Спрашивается: почему этому сочинению уделено такое большое внимание, ведь «Слово» – произведение отнюдь не христианское (в отличие от, например, «Завещания Владимира Мономаха» и мн. др.). На уроках русской литературы «Слово о полку Игореве» изучается как свидетельство наличия в XII веке двоеверия (вспомним хотя бы значение, придаваемое автором «Слова» солнечному затмению). Чем же привлекло именно «Слово» составителей учебников ОПК? Вот чем: «воспеванием образа Русской земли и ярким обличением губительности княжеских раздоров для целостности русского государства автором «Слова»» (заглавие на стр. 253 пособия для 7-8 классов).

А вот особенно характерное место, ставящее всё на свои места. Учебник для 5-6 классов, повествуя о крещении Руси, говорит: «Однако крестились не все киевляне, потому что призыв князя не был приказом. Поэтому мы можем судить, что крещение не было насильственным и слова князя Владимира *«противен мне да будет»* не следует переводить *«будет мне врагом»*... Ещё долго на Руси будет существовать язычество, а его отголоски сохранятся до нашего времени, так как изначально православие впитало в себя то из славянского язычества, что прямо не противоречило библейским канонам. Феномен русского православия и заключался в заложенной изначально добровольности принятия веры и терпимости её к другим религиям. В этом отношении новая религия Руси продолжала традицию спокойного и уважительного отношения к другим религиям, существовавшую в славянском язычестве. Поэтому и сегодня мы празднуем Масленицу, День Ивана Купалы, поминаем умерших на Радоницу» (стр. 103).

Откуда вдруг столь необыкновенная толерантность? Православная Церковь *никогда* не относилась к язычеству терпимо. Достаточно вспомнить имена святителей Кирилла Туровского, Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, св. прав. Иоанна Кронштадтского и бесчисленных других русских угодников Божиих, обличавших двоеверие, – ни у кого из них вы не найдёте «спокойного и уважительного отношения» к Масленице и Ивану Купале. Отчего это предмет «Основы православной культуры» утверждает то, что не приемлется Православием ни в малейшей степени?

Ответ вот какой. Православие, обучение которому под вывеской «культура» вводится в общеобразовательных школах, на самом деле гораздо в меньшей степени *православное христианство*, чем *историческая державнически-национальная самоидентификация*. К преподаванию предлагается не православная христианская культура, а курс державничества и патриотизма в «православной упаковке». По сути, налицо явная подмена: «Основы православной культуры» подменяются «Основами национальной культуры». Нужен ли такой учебный курс сам по себе? Учитывая то, что большинство нашего народа ничему не научила история XX века, что свидетельствуется повсеместной «ностальгией» по СССР и даже по сталинизму, – вероятно, нужен. Давайте обсуждать этот вопрос и, если это будет действительно востребовано, вводить подобный предмет. Назовём его, скажем, уроками патриотизма (конечно, если это будет патриотизм Пушкина и Вл. Соловьёва, а не «патриотизм» погромщиков-черносотенцев). Но не надо называть его «православной культурой».

В *этом* вся суть. Если преподавать православную культуру, то преподавать надо *именно её*. **Главной на уроках Православия должна стать трезвая и адекватная нравственная оценка как тех или иных фактов истории, так и социальной, общественной и культурной сегодняшней жизни нашего отечества и всего мира в свете евангельской правды.** Но вот именно этого и не видно в сегодняшних учебниках и программах по ОПК. Их цель – Великая Россия, а не христианство. Над изучением собственно Православия постоянно «нависает» Державное, Патриотическое, Национальное, подминая под себя Евангелие Христово и созданную им культуру, заставляя евангельское и церковное (вечное и неотмирное) служить себе (тленному и скоро-мимо-преходящему).

Возразят: но что плохого в величии России, и почему это должно противоречить православному христианству? – Дело всё в том, что **подлинное величие России (как и любой другой страны) – только и исключительно в евангельской жизни, когда русские люди в частности и всё российское общество в целом стремятся жить по заповедям Христовым.** А без этого ни величие, ни сама Россия не имеют с христианской точки зрения ни малейшего смысла. И это вовсе не противопоставление; речь у нас идёт лишь об иерархии христианских ценностей – что мы ставим во главу угла. **Никто не может служить двум господам** (Мф. 6, 24), сказал Господь. Если на первом месте для нас оказывается русское государство, а Церковь Христова выступает в качестве обслуги его (что отчётливо видно в учебниках ОПК), то всё содержание курса ОПК превращается в *идеологию*, в заполнение той ниши, которая осталась свободной после крушения тоталитаризма в нашей стране. Но **Церковь унижает себя, когда становится идеологией.** Православное христианство – вселенская религия, самое ценное, что есть на земле, та

небесная жемчужина, ради обретения которой всё «вменяется во уметы» (Мф. 13, 46; Фил. 3, 8); а нынешними усилиями немалой части церковной общественности оно сводится к примитивной земной зоологической идее «свои – чужие»... При идеологическом подчинении церковного национальному становится невозможным то, что должно составлять основу ОПК – честный разговор о евангельских заповедях. Как в рамках державничества объяснять ученикам, что, например, значат слова Христа: **что высоко у людей, то мерзость перед Богом** (Лк.16, 15), что **жизнь человека не зависит от изобилия его имени** (Лк. 12, 15), как говорить о покаянии, о предпочтении божественной правды каким бы то ни было земным соображениям, и проч.? С точки зрения национального в церковной жизни будут подчёркиваться лишь те вещи, которые выгодны государству; важнейшее же в христианстве останется вне внимания. Поэтому ОПК в нынешнем виде – именно идеологический предмет, не культурологический, не научный и по большому счёту не вполне христианский. В нём отсутствует главное – объяснение сути церковной жизни как исполнения Христовых заповедей, преобразующего действия Святого Духа на людей и на культуру, вселенского существа Церкви; зато он полон легенд типа хождений ап. Андрея на Валаам, ура-патриотической фразеологии и националистической идеологической «обработки» учащихся.

Итак, «Основы православной культуры» никак не должны подменяться уроками патриотизма и державничества. Вообще Церковь не должна бороться за державное и национальное; это не задача Церкви. **Задача Церкви – проповедовать Христа**. Если же говорить о сотрудничестве Церкви и общества в деле образования людей, то нужно совершенно отчётливо понимать, что великая Россия, национальная идея и прочие подобные вещи – отнюдь не самые важные вопросы сегодня. Главные проблемы – во всяком случае, с христианской позиции – внутреннее рабство людей, невежество и (подчеркну ещё и ещё раз) потеря евангельской нравственности и евангельского адекватного взгляда на мир и на самих себя. Вот о чём сегодня должна не говорить уже, а кричать во весь голос Православная Церковь, а не выполнять вольно или невольно функции национально-идеологического придатка власти. Вот из чего должно исходить преподавание ОПК, если мы действительно хотим, чтобы наши дети выросли людьми, укоренёнными в православной традиции.

V

В заключение нужно сказать, что церковное делание в области преподавания ОПК, в частности, написание достойных учебников, должно осознаться нами как совершенно новая задача осмысления современности с православной точки зрения, а не как «борьба с либералами» и реваншистское возвращение в синодальное время. Первые практические шаги к этому были озвучены на конференции учителей Центрального федерального округа РФ в г. Калуге в сентябре прошлого года. Там предлагалось составлять учебники по ОПК коллективами авторов, куда бы входили, помимо церковных активистов, профессиональные педагоги, психологи, культурологи, специалисты своего дела. При совместной доброжелательной работе в этом направлении, при учёте с нашей стороны той критики, которая раздаётся в наш адрес, это реально послужило бы консолидации Церкви и образовательного сообщества и привело бы к созданию общеобразовательных программ, ориентированных на сохранение и приумножение культурных ценностей и традиций христианской цивилизации.

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЁЖЬЮ

ДОКЛАД НА КОНФЕРЕНЦИИ: «МОЛОДЕЖЬ И ПРАВОСЛАВНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ» В РАМКАХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ЧТЕНИЙ. МГУ, 31 ЯНВАРЯ 2007 Г.

Для целей нашего доклада, то есть чёткого обозначения проблем, условно разделим молодёжь на три группы: 1) нецерковная молодёжь, 2) тянущаяся к Церкви и 3) молодёжь воцерковлённая.

I

Самая большая группа – это нецерковная молодёжь. Можно много говорить о характеристиках этой группы, но вот, на мой взгляд, одна из важнейших. Газета «Трибуна» от 12 января сего года, статья «Дети сексуальной революции». Вот несколько выдержек из этой статьи.

«Что думают о ранних сексуальных отношениях современные тинэйджеры? Выяснить это я отправилась в обычную школу на северо-западе столицы. Прочитав вопросы составленной мною анкеты («Как вы относитесь к раннему началу половой жизни? Допускаете ли такую возможность для себя? Какой возраст считаете для этого оптимальным? Какие причины толкают ваших ровесников на подобный эксперимент?»), 9 «А» разразился гомерическим хохотом.

– А сами-то как думаете? – пророкотал басок с задних рядов. – Даю подсказку: XXI век у нас щас.

Смущенной выглядит только учительница. Через пятнадцать минут ответы лежат передо мной в виде аккуратной стопки из 19 белых листков. Не одобряют раннее начало половой жизни только трое опрошенных. Остальные горячо «за». Оптимальным возрастом для начала сексуальных отношений абсолютное большинство назвали 14–16 лет. И сразу признали: для них это более чем возможно...

Мое появление в 11 «Б» подобного всплеска эмоций не вызвало. Отвечать на вопросы ребята уселись с миной усталой обреченности. И вот передо мной новая пачка листков. Оказалось, здесь полностью разделяют мнение девятиклассников...

– Вот почему все думают, что у нас только секс на уме? – не выдерживает, наконец, полненькая блондинка с галерки. – Дело-то житейское. Циклиться на этом надо меньше – и все.

– И предохраняться больше, – поддерживает ее соседка».

А вот разговор на ночной дискотеке:

«– Быть девственницей как-то позорно, – просвещает меня 15-летняя Галя. – 17 лет – и парни просто шарахаться начинают. Считают: раз не было никого, дефектная значит. Порченная.

– А родители что думают по этому поводу? – интересуюсь я.

– А кто их спрашивает? – отвечают подростки.

– Мне маманя только одно твердит, – это Коля – ему 16 лет. – «Чтоб не было детей. Жениться по-любому не разрешу». Так я и сам не стану!»

Далее газета приводит статистику: более 60% (это только те, кто открыто сообщил об этом) опрошенных подростков начали свою сексуальную жизнь до 18 лет.

Помимо отмеченного мною, я считаю, самого существенного, фактора молодёжной жизни, нужно назвать ещё и компьютерную зависимость, и курение, и раннее употребление спиртных напитков, и специфическую субкультуру. Всё это ставит перед нами вопрос: как Церкви работать с такой молодёжной средой?

Боюсь, что никто этого не знает. С сожалением должен констатировать: **у Церкви совершенно нет ресурсов для работы с нецерковной молодёжью**. В самом деле: вот мы оказались в таком вот 9 «А» классе. Что мы будем говорить, как общаться? Мы возлагаем надежду на ОПК; но этой надежде не суждено осуществиться по двум причинам.

Во-первых, сегодняшний курс ОПК главным своим содержанием имеет Великую Россию, патриотизм и антизападную идеологическую обработку учащихся. Я сейчас готовил статью, напечатанную в последнем номере «Церковного Вестника», и просмотрел массу учебников по ОПК. Так вот, учебники, соответствующие подростковому возрасту, почти не содержат нравственных тем, тем более там не обсуждаются вопросы целомудрия; там всё в основном про то, какие мы великие и прекрасные.

Во-вторых, допустим всё же, что в курсе ОПК много, доходчиво и убедительно говорится о нравственности (хотя, повторю, там этого нет, но предположим). Возымеет ли действие такой разговор в условиях молодёжной субкультуры? Приведу пример. Я по образованию и интересам академический музыкант, и мне бы хотелось, чтобы мои соотечественники знали и любили классическую музыку. Но с самого рождения дети, а потом и взрослые, слушают вовсе не классику, она не присутствует в нашей жизни. Из телевизора, из всех радиостанций, в магазине, в кабинете врача, в маршрутке, в кабинетах в присутственных местах, во всех кафе и забегаловках, в автомобилях, в домах звучит попса, в крайнем случае – рок. На этом примитивном звуковом фоне формируются и воспитываются вкусы людей. Для того, чтобы человек воспринимал классическую музыку, нужно в семье с детства приучать его к ней, то есть затрачивать специальные усилия, и то результат будет отнюдь не массовый. То же самое и с нашей темой. Представьте, мы придём к обычным старшеклассникам и будем их заставлять слушать, скажем, последние квартеты Бетховена или симфонии Брукнера. Они будут с отвращением терпеть, если это будет обязательный урок, но любовь к классике в них вряд ли появится. Ровно также и с ОПК. На этих занятиях будет им говориться одно, а жизнь, их среда, которой они живут, будет диктовать им противоположное; и формировать их на нравственном уровне будет именно среда, а не уроки ОПК. Менять среду – но это глобальный общественный вопрос, выходящий за рамки нашей темы. Очевидно, что на это у Церкви сегодня тем более нет никаких ресурсов.

II

Вторая группа – это молодёжь, тянущаяся к Церкви; в подавляющем большинстве это студенты. Здесь главным является их вхождение в Церковь. Но опыт показывает: за вхождением очень нередко следует исхождение из неё. В чём причины такого положения вещей? Я считаю, **в вопиющих проблемах сегодняшней катехизации**. Если молодой человек открывает для себя живого Христа и Церковь как союз с Ним, как жизнь во Христе – он в Церкви остаётся. Но оказывается, что это очень трудно, потому что сегодняшняя церковная жизнь чаще всего «явочным порядком» предлагает иную, и весьма своеобразную, катехизацию. Она основывается на четырёх «столпах»: традиционализм и национализм; ностальгический монархизм; внешняя дисциплинарность; кликушество разного рода. Поясню по пунктам, что я имею в виду.

1) Побуждением для вхождения в Церковь чаще всего представляется то, что «мы русские – значит, православные». Церковь с этой точки зрения является неотъемлемой принадлежностью национального менталитета, хранительницей государственных и общественных традиций, и проч., и проч. и проч. Совершенно очевидно, что в рамках такого представления Христос, то есть – суть Церкви – стоит не на главном, центральном и исключительном месте, а где-то сбоку, как некий фактор существования Великой России. Молодой человек, пришедший в Церковь к Богу, обнаруживает, что на самом деле Христос и Его заповеди церковным людям не особо-то и нужен, а нужны им совершенно другие вещи... отчего часто происходит разочарование в Православии, и молодёжь из Церкви уходит.

2) Хотя и не официально, но по настроениям церковной среды от православного христианина требуется, чтобы он непременно разделял монархические взгляды. Многие православные прямо-таки жаждут царя. Само по себе такое желание, может быть, и имеет право на существование (если, конечно, оно не переходит рамки здравого смысла); но вся беда в том, что оно преподносится вступающим в Церковь людям как нечто чуть ли не обязательное, догматическое для них. С этим связана необыкновенная ностальгия по прошлому. Мы всё время ходим «затылками вперёд»; вся наша жизнь – в прошлом; даже когда мы говорим или думаем о будущем, мы хотим, чтобы в будущее вернулось прошлое. Помимо того, что это совершенно нереалистическая мечтательность (от которой, кстати, мы в ежедневных молитвах просим Бога нас избавить), это полагает нам препятствие к адекватному евангельскому осмыслению современности. Для молодёжи это достаточно болезненно. Придя в Церковь как к хранительнице Евангельской истины, думая обрести в ней трезвый и правильный взгляд на мир, молодые люди с разочарованием убеждаются, что большинство православных находятся в какой-то виртуальной реальности, которую они вдобавок довольно агрессивно навязывают людям. Нежелание входить в этот нереальный мир заставляет людей покидать Церковь. К сожалению, современная катехизация не уделяет этим вопросам (я назвал бы их «проблемой адекватности») должного внимания.

3) Приходящему в Церковь человеку прививается неверная самоидентификация, в результате которой причины и следствия меняются местами. То есть: мы православные потому, что мы постимся, ходим в храм, вычитываем положенные каноны перед Причастием, и т.п. Но вовсе не потому, что мы обрели Христа в сердцах наших, стали Церковью, то есть телом Христовым, и с помощью Духа Святого исполняем Христовы заповеди. Безусловно, дисциплина важна и нужна, но лишь как средство, помогающее нашей жизни во Христе. Следовательно, катехизация должна начинаться с Евангелия, а потом уже, по мере сил каждого, евангельская жизнь должна ограждаться опытом Церкви, выраженным в тех или иных дисциплинарных нормах. У нас всё наоборот: Евангелие у нас вовсе не на первом месте. Вместо него мы нагружаем человека обязательной дисциплиной, вменяем ему в грех малейшее отступление от неё и убеждаем, что через исполнение формы он обретёт Христа. Но так происходит редко, и поэтому многие молодые люди, попробовав жить дисциплинарной жизнью, и убедившись, что она не принесла ожидаемого плода, из Церкви уходят.

4) Наконец, то, что я назвал «кликушеством». В церковной жизни для многих православных главное – не евангельская нравственность, не жизнь со Христом, а нечто совсем иное: старцы, апокалиптика, дивеевские предания и прочее, то, что Апостол Павел называл «*бабьими баснями*»; не буду подробно на этом останавливаться. Современная катехизация не расставляет акценты как должно, в результате чего немало людей оказываются в церковной среде перед выбором: или отринуть свою социально-культурную «нормальность», или уйти из Церкви. В молодежной среде это довольно остро ощущается.

Из сказанного ясно, какие принципы работы с приходящей в Церковь молодёжью должны быть. Первое – это Христоцентричность; нужно объяснять и проповедовать, что единственная цель и задача Церкви – жизнь во Христе посредством участия в Таинствах, поучения в Священном Писании, молитвы и исполнения евангельских заповедей. Всё остальное – имеет второстепенное значение.

Во-вторых, нужно обязательно отстранить церковное от патриотического, державного и проч. Должен здесь подчеркнуть, что я вовсе не выступаю против патриотизма, а указываю на недопустимость *религиозного отношения* к патриотизму, которое столь распространено у нас сейчас. Для Церкви вопросы политические являются внешними, Церковь – совсем о другом: о жизни во Христе. В наших условиях, когда национальное поработывает и подчиняет себе церковное, обязательно нужно проводить разделение этих вещей, чтобы не происходило подмены.

В-третьих, необходимо озаботиться созданием молодёжной церковной среды, которая зиждилась бы не на запретах, а на всестороннем творческом развитии личности. Главным здесь является ненавязчивое, формируемое именно в процессе общения, воспитание евангельской нравственности. При этом внешняя церковная дисциплина, при всей её важности, должна восприниматься не как цель церковной жизни, но всего лишь как средство, применяемое постольку, поскольку это способствует именно усвоению евангельской нравственности.

Теперь – вопрос: какие для этого есть ресурсы у Церкви? По моему мнению – очень малые. И здесь дело не только в нежелании большинства пастырей «возиться» с молодёжью, и не в отсутствии финансирования (хотя и это – очень существенные отрицательные факторы). Главное – это именно проблемы катехизации, о которых я сказал. Их можно решить, лишь перестроившись самим; но многие православные, в том числе и пастыри, и катехизаторы, стоят именно на националистических, монархических, внешне-дисциплинарных и кликушеских позициях, именно так воспринимают Церковь Христову. Пока это положение не изменится, подобное мировоззрение будет транслироваться и на приходящую в Церковь молодёжь – из чего, на мой взгляд, ничего хорошего не выйдет.

III

Теперь несколько слов о молодёжи уже церковной. Проблема заключается в том, что ей, в общем-то, нечем себя занять. Это вещь известная, и я не буду сейчас подробно говорить об этом, а предложу свой взгляд на место молодёжи в Церкви.

Молодёжь – это главный миссионерский потенциал Церкви. Эта миссия заключается не в поездках куда-то на край земли. Вращаясь в своей среде, то есть в студенческой, отчасти школьной, церковная молодёжь может нести в эту среду свет Евангелия, и хотя бы частично решать те проблемы, которые затронуты мною в начале доклада. Но это возможно при определённых условиях, главное из которых следующее.

Предположим, что среднестатистический представитель церковной молодёжи начнёт беседу в нецерковной среде. Если он будет воспитан на тех началах катехизации, о которых я сказал, то есть: будет говорить о православном христианстве только как о Святой Руси, о царе, о постах, о дивеевской канавке, об окупании в источник на Крещение, и т.п. – такая проповедь не принесёт успеха, а вызовет ощущение неадекватности этого молодого человека. Говорить всё же желательно о Христе, о Евангелии, о христианской нравственности и духовности, то есть о подлинной церковной традиции прежде всего; но как это делать? С чего начать? И с чего начать нам, воспитывающим внутри Церкви молодёжь, воодушевлённую миссионерским горением?

Я считаю, **начинать нужно с воспитания оценки окружающей действительности с точки зрения Евангелия, а не какой бы то ни было идеологии.** Сегодняшняя общественная жизнь развивается отнюдь не в положительную сторону. Набирает силу ксенофобия, «поиски врагов», у людей нет гражданской позиции, в обществе развивается моральное и культурное разложение; Церковь присутствует в жизни людей поверхностно, обрядово, отнюдь не нравственно – всё это нужно начать, наконец, оценивать с точки зрения исключительно Евангелия. Пример. Вопиющие случаи дедовщины в армии – случаи не

единичные, но регулярные, системные. Нужно дать им оценку – сказать: это грех; нужно говорить об этом, высказывать христианский взгляд на вещи – ничего этого и в помине у нас нет. Мы, исходя из ложно понятого патриотизма, будем говорить, наоборот, что – не дадим шельмовать нашу армию, это всё либеральные СМИ раздувают, а на самом деле всё прекрасно, и т.п., – то есть мы демонстрируем не евангельскую, но идеологическую позицию, идём на поводу беззакония, а в результате теряем авторитет Церкви. И так далее, я думаю, из многих сфер жизни нашего общества можно приводить подобные примеры. Так вот, если начать говорить с людьми с евангельских позиций – люди будут обращаться к Церкви, увидев в ней правду. Если это будет делать молодёжь в своей среде – это миссионерское усилие не пропадёт, но обязательно начнёт приносить плоды.

Всё дело сейчас в нас, воспитателях молодёжи. Если мы прививаем младшему церковному поколению восприятие Церкви как национализма и ура-патриотизма, а нормальное слово о чём бы то ни было клеймим как «модернизм» и «либерализм» – очень трудно молодому человеку воспитаться в Церкви нормальным христианином с настоящим, подлинным церковным сознанием, а тем более передавать такое сознание другим. Итак, главная задача – воспитать такое сознание в себе и в молодёжи, другими словами – **воспитывать евангельскую правду**. И опять вопрос: есть ли у Церкви сегодня ресурс для этого? На мой взгляд – увы, нет; и пока мы не «набьём шишек» на идеологизации Церкви, пока Господь не попустит что-нибудь для нашего вразумления, положение не изменится: «пока гром не грянет – мужик не перекрестится». Но, во всяком случае, я считаю, необходимо озвучивать эти проблемы, думать над ними и обсуждать их, что я и предлагаю уважаемой аудитории.

Благодарю за внимание.